

ЧЕТЫРЕ СТУПЕНИ ВОСХОЖДЕНИЯ

אַאֶאָדוּנֵיִא נְיִאִי אֶאָאִיִאִי אַאֶאֶיִא דִינְנֵעַ

Іаеі бади, даеа аіааоу іаіаіеа ер оаао іаіеа іаіаіа, іаіаае ео ііа іааоу і ед е іаааоуу ііуа. Іаіаеау іаіаіу аіаеае аіаеа іаааіа іа іаа, еіаіае іааіуе оаіа – іааеа, бади е і ааа. Ноааеа іааае: «І іаааа іаеа, іі іаеаа :оі іаі ееу іа ааі у». Оади іааае: «І іаааа ааау :оі оіаеа іі і іаіа іе:аі іа іаааа». І аааа іааае: «Оааеаа іаіаі оіаіа е іеіаіа – е оіаіа о оіаіаіа іеіаіа еіааеа». Оааае:е аіае а іаа, ііаеаеіаіа аа оіаіае, а іааі іаае ео даіаеіа іааіае іаіаіа іе іаа іааа іаааа, :оі іааіаіаіа а іааа ааі аіі, е даеа ііаааеау ааі у іа оі, :оіау іаааау іаіаіаа іаіаа е ааааіаіаіа. Аоіаіа іааае іааіа іаіа іаіа іа іааа бади е даеа, ііаа іі а іааа, аау е іаау а іааа іаіаіаіаа. А оааеа даеа ііаааіаіа іі іаааа і аааа е іа:ае еіаау оіаіаіа, е еіаіаіа іаааа оіаіау. Іааае еіае, аа іаеа ііааіа оаіу і еіаіаіа, е іаааааіа і ео ер:еа. Іаіаіа ааі у, е ааауу ааіаіаіа іі іе е іааа еіаіаіа, даіу аауу, ііаіааіаіаіа, еае ііа іаіаіае ааі у. Оіаіаіа іааае, іааае іааааеа ааа, ае еіаіаіа іаа іааа, іеа оіаіаа аіа – ааіу :оі іаіа іааеа іааа е аіаае і аіу. Іаіаіа іаіаіа, ааіа і іааае іааіае. Іааае іаіаа, іаіаіа і іа оіаіа, аа еааі аіу ааеааіаіа е іааае, а іа аіаіаа о і аіу аі іаааае. А оааеа іа іа:ае даіааіаау іааа і оіа, :оі іі оіаа а іааа і :аааа і еіаіаіау. Іі-оі е іаае іаіаіаіа іаіаіа

Это очень старая хасидская притча, которая рассказывает историю каждого из нас – каждой живой души, которую Б-г посылает в этот мир. Жизнь, в которую мы приходим, подобна прекрасному саду, но у него есть три сторожа, которые объясняют нам ограниченность наших возможностей. Первый сторож, «старик», – это Первый человек, Адам, который первым узнал, что жизнь конечна. Второй сторож, «царь», – это Давид, поучавший, что нет смысла в стяжании богатств, в гроб человек их с собой не возьмет. Третий сторож, «мудрец», – это Моше рабейну, который поставил народ перед выбором и потребовал, чтобы люди выбирали правильные вещи, даже если достижение их дается нелегко. Таким образом, поучение Адама заключается в том, что целью жизни не может быть потребление, поучение Давида – что целью жизни не может быть стяжательство. А поучение Моше представляет своего рода противовес первым двум: его смысл в том, что человек должен использовать предоставленные ему годы жизни, чтобы познавать.

Мудрецы нашего народа учат, что бытие человеческой души проходит четыре этапа. Первый, предшествующий рождению, душа проводит пред лицом Б-га. Рядом с Ним всё прекрасно, душа получает энергию духовности непосредственно от Создателя, но одного она всё-таки не имеет – возможности выбирать.

Второй этап – жизнь в тварном мире. Для того чтобы вступить в эту жизнь, Б-г облакает душу в тело. Тело – ограничитель возможностей, своего рода материальная завеса, скрывающая от души Б-жественное сияние. Но именно утратив ясность и ощущение однозначности Его славы, человек получает возможность свободного выбора. Это испытание души – она должна преодолеть «зов низа», дурные инстинкты, все обманы мира сего... От того, насколько успешно душа преодолела испытание свободой выбора, зависит «награда», которую она получит после смерти.

А после смерти начинается третий этап. Душа, сбросив обветшалую телесную оболочку, начинает долгий процесс подъема – в раю или в аду. «Рай» в еврейском понимании – это пребывание в непосредственной близости от Б-га. Душа, которая использовала свое пребывание в тварном мире с толком, может оказаться даже ближе ко Всевышнему, чем до момента рождения в телесной оболочке. Но надо понять, что попадание в рай – это не «вознаграждение», а «результат» телесной жизни. В раю человек получает от совершенных на земле хороших дел такое удовольствие, какого мы и представить себе не можем, – потому что Б-жественный свет, в котором оказывается душа, пробуждает в ней новое чувство, которого в телесной оболочке она была лишена. Это можно сравнить с прозрением: пока человек слеп, он не может ощутить радость от красоты голубого неба или прекрасного цветка. Так же и душа: пока она находится в теле, она воспринимает мир только через пять чувств. А когда душа оказывается вблизи Создателя, освобожденная от телесных ограничений, она может напрямую получать удовольствие – как от тех хороших дел, которые человек успел совершить в тварном мире, так и от занятий в раю. Недаром наши мудрецы говорят: «Вознаграждение за выполнение заповеди – это само выполнение заповеди».

Что касается ада – еврейское представление о нем очень сильно отличается от средневековых легенд, поэзии Данте или фильмов ужасов. Это не «наказание», а такой же, по сути, результат земной жизни,

как и рай, такой же самоотчет. Тот, кому уготован ад за земные дела, осознает тщетность сделанного. К примеру, родители, не воспитавшие своего ребенка как следует, видят, как этот ребенок пошел по дурной дорожке и плохо кончил. Конечно, очень больно узнавать о себе ТАКУЮ правду – но это такое же очищение души, как и в раю, только очищение не через удовольствие, а через боль.

В раю и в аду душа, как и до рождения, существует без телесной оболочки. Отсутствие «материального ограничителя» позволяет ей видеть правду. Но рай и ад тоже конечны, пребывание в них души – не навсегда. «Навсегда» – это ситуация, которая возникнет на четвертом этапе, с приходом Мошиаха и наступлением «Олам аба», «мира грядущего». В этот период наша традиция предрекает воскресение из мертвых, то есть обретение душами новых тел, восстановление человека в его цельности. После того как душа всё увидела, всё осознала и очистилась, она вновь окажется в теле – но на сей раз совершенно иного рода. Тело в мире грядущем будет уже не ограничивать, а дополнять душу. Разумеется, в силу ограниченности своего восприятия в тварном мире мы не можем себе даже представить, как это будет выглядеть, но в мире грядущем цельный человек обретет неограниченные возможности. Совсем как тот мудрый царевич, которого отец сделал наследником престола.

А́аа́и́ у́е́ да́а́а́и́ Ді́и́нэ́ А́а́дэ́ Е́а́а́д

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2005 ХЕШВАН 5766 – 12 (164)

ДЕКАБРЬСКИЕ ПОСЛАНИЯ ЛЮБАВИЧСКОГО РЕБЕ

Ñ ÑÀÑÈÄÑÊÏ É ÒÏ × ÈÈ ÇÐÁÏ ÈÈ

Áí ò í è í æ ý ï ð à ç á í è è í á

Ñí ò ñ à è ò à è ù Á è ò à ð Ì á ò á ð

**ÄÄÄÖÄÒÏÄ × ÈÑÈÏ Ì ÄÑËÖÄ ÕÄØÄÄÏ - ÄÄÏÛ
ÐÏ ÄÄÄÏ ÈÈ ÐÄÄÄÈ ØÏ ÈÏ Ì Ä-ÄÏ ÄÄÄÐÄ ØÏ ÄÄÐÑÏ ÏÄ**

Рабби Йосеф-Ицхок Шнеерсон, шестой Любавичский Ребе, как-то, говоря о дне рождения своего отца и предшественника, рабби Шолома-Довбера, вспомнил хасидское предание. Рассказ этот был связан с фрагментом Торы, читаемым в одну из суббот месяца хешван – Ваейро.

Когда рабби Шолому-Довберу исполнилось четыре или пять лет, в день своего рождения он пришел к деду, Цемаху Цедеку (рабби Менахему-Мендлу), чтобы испросить у того благословения. Неожиданно мальчик разрыдался: «На этой неделе мы читали раздел из Торы, Ваейро, и там Б-г открывается Аврааму. Почему же Он не открывается мне?!» Цемах Цедек ответил на это: «Когда еврей, цадик, в возрасте девяноста девяти лет решается совершить обрезание, разве недостойн он того, чтобы перед ним явился Б-г?»

ÄÄÒÑÈÈÈ ÄÏÏ ÐÏÑ

Эта история сперва существовала в виде предания, а позже была записана и издана, что указывает на присутствие в ней важного глубинного смысла. История эта имеет отношение к каждому из нас. Заметим, рабби Йосеф-Ицхок упоминает, что, когда это произошло, отец был в возрасте четырех-пяти лет. Очевидно, ребе Раяц этим указанием хотел подчеркнуть не только то обстоятельство, что отец с самого раннего возраста был чуток к проявлениям духовности и еще ребенком переживал отдаленность человека от Б-га. История эта передавалась из уст в уста потому, что ее духовный аспект актуален для каждого еврея: и для ребенка, и для иного взрослого, который в духовном отношении остается «дитем лет четырех-пяти», – и тот и другой неподготовлены к той сосредоточенности и дисциплине, без которых невозможно духовное образование. А способность неподготовленного человека подобающим образом реагировать на религиозные ценности и духовное учение ограничена. Однако даже в этой ограниченности своим духовным уровнем человек открывает, что ему желанно Б-жественное откровение – явление Б-га, подобное тому, которого удостоился патриарх Авраам, и желание это столь глубоко, что заставляет разрыдаться.

Рассказ отсылает нас к ребенку, в буквальном смысле этого слова, однако к ребенку, уже постигшему духовное настолько, чтобы глубоко и страстно хотеть лицезреть Б-га.

И тут возникает вопрос: каким образом эта ситуация может касаться

каждого еврейского ребенка, ведь ясно, что речь идет об исключительном мальчике? Перед нами – ребенок, «отмеченный святостью от рождения», сын человека, стоящего во главе хасидского движения, – этому мальчику со временем суждено самому стать духовным вождем. Уже в раннем возрасте этот ребенок проявлял задатки того, что ему суждено достичь больших духовных высот. Как сказано в Талмуде, еще в детском возрасте можно увидеть, как в ребенке набухают «почки» его будущих великих деяний (Брохойс, 48а).

Однако тот факт, что ребе публично обратился к этой истории, свидетельствует, что она имеет отношение не только к детям, одаренным особой чувствительностью к духовному, но – к любому еврею.

יְיָ אֱלֹהֵינוּ בְּרַחֲמֵינוּ

Рамбам, говоря об обучении ребенка Торе, перечисляет разные виды мотивации, соответствующие тому или иному уровню развития ребенка. Научать ребенка должно, давая ему то, что будет «воспринято им с любовью, учитывая при этом уровень развития ученика». Необходимо поощрять учащегося различным образом, «в силу того, что он мал годами, интеллект его неразвит и он не понимает духовного блага, заключенного в изучении Торы». Наша история говорит о другом: даже малый ребенок может и должен проникнуться изучаемым материалом настолько, что готов от того плакать, – и не из-за стремления к материальному, а возжелав Б-жественного и пребывая в смятении от того, что ему «не открывается Б-г». Ребенка должно учить так, чтобы пробудить в нем желание сделать Б-жественное актуальной частью своей жизни и чтобы он сокрушался о том, что Б-г не открывает ему Себя.

Случай с рабби Шоломом-Довбером, когда в детстве он рыдал о Б-ге, задает точку отсчета для еврейского образования, открывая возможность привить нашим детям чувствительность к духовному и глубочайшее желание удостоиться откровения Б-га. И если ребенок не ревнует о том, чтобы Б-г открылся ему, то происходит это не от того, что сама мысль об этом превышает его понимание, но от того, что наставник не смог учить его на уровне, когда «слова, идущие от сердца, проникают в сердце».

נְהַיֵּנוּ יְיָ אֱלֹהֵינוּ לְבָרְכֵנוּ

В ответе Цемах Цедека есть то, что уместно услышать всякому еврейскому ребенку. Слова «когда еврей, цадик, в возрасте девяности девяти лет решается совершить обрезание, – разве недостоин он того, чтобы перед ним явился Б-г?» следует понимать отнюдь не как указание на исключительность Авраама, ибо тогда рабби сформулировал бы это напрямую и сказал, что не подобает нам сравнивать себя с Авраамом.

Ответ Цемах Цедека находится в полном согласии с утверждением Торы: на каком бы уровне ни пребывал еврей, он должен сосредоточиться на духовном значении обрезания, которое есть усилие, направленное на преодоление преграды между проявлением Б-га и материальностью земного существования.

Это действительно относится к каждому еврею. Да, Авраам был цадиком и ему было девяносто девять лет, но он открыл путь для всех евреев. «Открытие пути» – именно о нем говорили мистики: если человек всеми силами стремится к тому, чтобы какая-то духовная ценность «снизошла в мир», его усилия открывают путь для тех, кто придет вслед ему, и им будет уже несравненно легче добиться того же. Особенно ясно эта истина проявляется в истории после дарования Торы на Синае: от нас требуются меньшие духовные усилия для совершения того, что требовало такой сосредоточенности от праотцев.

И именно к этому отсылает ответ Цемах Цедека. Пробудив в ребенке стремление к тому, чтобы Б-г раскрылся ему, наставник должен указать на средства, которые способствуют такому откровению: следует всё время помнить об «обрезании», о постоянной духовной работе, направленной на то, чтобы убрать преграды, которые земное существование ставит для нашего восприятия Б-жественного проявления.

Детей следует учить таким образом, чтобы их не пугали силы зла, затемняющие Б-жественное. Через учение они должны постигать, что ценности и социальные нормы этого мира – лишь его порождение, и их нельзя переоценивать. Единственным безусловным критерием, на который должно быть ориентировано наше поведение, являются несущие свет принципы Торы. Это должно быть столь прочно заложено в сознание,

чтобы человек «не уклонялся с этого пути, когда состарится» (Мишлей, 6:22). И по мере того, как человек переходит с одного уровня на другой в своем служении Б-гу, нужда в самообрезании, в том, чтобы убрать преграды, стоящие между человеком и Б-гом, становится всё глубже. Поэтому даже в детстве Б-г может «открыться человеку»: неся Б-жественный свет ему и его окружению, будет «Г-сподь светом вечным» (Ишаю, 60:19).

ÀÀÀÀÑ ÈÑÐÌ ÝÈ ÐÀÀÁÌ ÈÀ

Правильное образование, данное еврейскому ребенку, подразумевает не только пробуждение в нем альтруистической любви к Б-гу, но и пробуждение этического чувства, определяющего его отношения с соплеменниками. Иллюстрацией тому является другая история о рабби Шоломе-Довбере. Будущему рабби было четыре года, и в дом пришел портной, который принес платье, сшитое для матери Шолома-Довбера. Примерка была окончена, и тут мальчик с детской непосредственностью выудил из кармана портного кусок материи, из которой было сшито платье. Портной был очень смущен и тут же принялся извиняться, говоря, что он просто-напросто забыл вернуть этот кусок вместе с платьем. Когда портной ушел, мать мальчика отчитала сына за то, что своим поступком он вогнал портного в краску стыда. Услышав слова матери, мальчик расплакался.

А через несколько недель он обратился к отцу, рабби Шмуэлу – ребе Маарашу, – с вопросом, как искупить грех, если ты опозорил ближнего. Отец поинтересовался, что заставило сына об этом спросить, мальчик же ответил, что просто хотел бы это знать, и ни слова не сказал о ситуации, заставившей его задать такой вопрос.

О разговоре узнала мать и спросила сына, почему он не поведал отцу об истории с портным. Мальчик ответил: достаточно и того, что он был причиной чужого замешательства, а сам рассказ мог бы породить слухи и домыслы в отношении портного.

Поступок мальчика, вызвавший всю эту ситуацию, был совершенно невинен. Однако он расстроился до слез, осознав, что опозорил соплеменника. При том, что он мог бы поведать о случившемся отцу – из уважения к тому или с тем, чтобы точнее определить надлежащую форму раскаяния, – он предпочел не делать этого, не желая нехорошо отзываться о другом еврее.

Несомненно, эта история подчеркивает особую духовную одаренность Шолома-Довбера, который уже в раннем возрасте задумывался о столь глубоких вещах. Однако также эта история говорит о том, что всякий еврейский ребенок обладает способностями и чувствительностью, которые позволяют научать его очень глубоким вещам, несмотря на ранний возраст.

ÌÁÐÀÇÌÀÁÌ ÈÀ È ÁÆÁÁÌÁÁÌ ÛÁ ÐÀÇÌ ÛØÈÁÌ ÈÐ Ì ÍÁÌ

Вышесказанное свидетельствует, сколь важно прилагать усилия к тому, чтобы дети получали надлежащее еврейское образование, – причем относится это не только к собственным детям, но ко всем евреям. Рабби Шолом-Довбер говорил: как дана в Торе заповедь о том, что каждый день еврей должен возлагать тфилин, точно так же долг каждого еврея – каждый день полчаса думать об образовании своих детей и делать всё, что в его силах, и даже сверх того, чтобы они шли путем, начертанным Торой.

Эта забота должна простираться и на чужих детей, чьи родители, по той или иной причине, не думают о должном образовании своих чад. Как сказано Рамбамом, и рабби Шнеуром-Залманом из Ляд, и другими: задача всякого мудреца – заботиться о том, чтобы каждый еврейский ребенок получил надлежащее еврейское образование. Ведь тем самым мы создаем основу Цивос Ашем – армии Б-га, которая вскорости положит конец изгнанию и, вместе со всем еврейским народом, «с отроками нашими и старцами нашими <...> с сыновьями нашими и с дочерьми нашими» (Шмойс, 10:9), пойдет, ведомая праведным Мошиахом.

ÀÀÁØÌÁÁØÀØÈ ÁÁÌ ÛÌ ÁÑØÁ ÈÈÈÈÁ - ÌÑÁÌÁÆÁÁÌ ÈÀ ÐÁÁÈÈ ØÌÁØÀ-ÇÆÌ ÁÌÁ ÈÇÈÁ

История человечества может быть разделена на эпохи. Каждая эпоха соответствует определенному уровню раскрытия Торы. «Б-г взглянул в Тору и сотворил мир» – поэтому духовные качества каждой эпохи раскрываются в назначенное время, ибо они суть «развертывание» Торы. В эпоху первого Храма еврейский народ обладал высочайшим уровнем духовности, следствием чего было его материальное процветание. За разрушением Храма последовал закат, который коснулся и духовного,

и материального уровня нашего бытия. Закат этот продолжался до тех пор, пока ряд ученых не раскрыли нам учение еврейской мистики. Аризал, рабби Ицхок Лурия, был одним из самых выдающихся инициаторов широкого изучения кабалы, которой до того занимались лишь отдельные великие умы. Благодаря Аризалу наука кабалы получила широкое распространение. Рабби Исроэл Баал-Шем-Тов сделал это знание еще более доступным: именно с его именем связано учение хасидизма. А рабби Шнеур-Залман из Ляд истолковал его учение, связав его с движением Хабад. И Б-жественная, и животная душа еврея возвышаются и трансформируются через изучение хасидут, осуществляя заповеданное Мошиахом: «да распространятся твои источники наружу» – и тем приближая искупление.

יְדַבְרִיאֵ אֲדַאֵ אִיעַ

Мы не должны забывать о том, что время не является непрерывным, однородным единством: сегменты времени различаются духовными качествами, которые им присущи. Зогар, говоря о шести днях творения, подчеркивает: «Каждый ни в чем не похож на другой по той задаче, что решалась в течение него» (Зогар, III, 946). Всё, сотворенное в тот или иной день, глубочайшим и уникальнейшим образом связано с духовным качеством этого дня. Рамбан, касаясь истории мира в комментарии на книгу Брейшис (Рамбан, Брейшис, 2:3), подчеркивает, что шесть тысячелетий мировой истории, о которых говорится в Талмуде (Рош а-Шона, 31а), соответствуют шести дням творения.

Рабби Довбер развил эту мысль далее. Он касается связи между первым днем творения и первым тысячелетием нашей истории. В первый день был сотворен свет, связанный с «хесед» («милость», «доброта») (Брейшис, 1:3). И в течение первой тысячи лет мир получал поддержку от милости Б-га, не ведая того, что суд Б-жий суров. Второе тысячелетие соответствует второму дню творения, когда был явлен такой атрибут Б-га, как «гвура» («строгость»). Именно в этот период мы видим, как свершается суд Б-жий: на землю насылается потоп.

Третье тысячелетие соответствует третьему дню творения, когда слова «ки-тов» были повторены дважды, что толкуется Раши следующим образом: «В третий же день, когда был завершен труд <по созданию вод>, а также начат и завершен другой труд, Он сказал “что хорошо” дважды: один раз – о завершении труда второго дня и еще раз – о завершении труда сего <третьего> дня» (Раши на Брейшис, 1:7). Тем самым третьему дню присуще двойное благо. И именно в третьем тысячелетии от сотворения мира нам дарована Тора, в которой заключено двойное благо, ибо она есть благо и для царствия небесного, и для тварей земных (Кидушин, 40а). Тора связует Б-жественное и тварный мир, а это величайшее благо, которого может удостоиться творение.

וַיְדַבֵּר אֵלֶיךָ אֲדַאֵ אִיעַ

Всякое событие в мире необходимости берет начало в Торе и лишь затем проявляется в мире. Как говорят мудрецы, «Б-г взглянул в Тору и сотворил мир» (Зогар, II, 161б). Поэтому духовные качества каждой эпохи раскрываются в назначенное ему время, и все они суть развертывание Торы.

Это представление поможет понять эпоху изгнания и разрушения Храма. О строительстве Храма говорится, что это было время, когда «Луна стояла в полноте своей» (Зогар, I, 150а; Шмойс Раба, 15:26). Еврейский народ часто уподобляется Луне, и в эпоху Храма мы пребывали на духовном уровне, которому присуща полнота. Во времена второго Храма произошло «сползание» с этого уровня. Второй Храм был разрушен, и Б-г скрыл от мира Свой Лик. Помня о соответствии исторических эпох Торе, мы увидим в сокрытии Б-га связь с теми аспектами познания Торы, которые скрыты в самой Торе.

יְיָ יִסְרָאֵל עַבְדָּאֵי אֵלֵּי

Поначалу всё в Торе было открыто нашему знанию и явлено. Не было скрытых аспектов, темных мест, порождающих сомнения или споры. Если же наблюдалось расхождение во мнениях, то «они не покидали собрание, покуда не приходили к решению, так, чтобы большинство согласилось с ним» (Сангедрин, 88б). Нам известно, что лишь трижды знаменитые рабби Гилел и Шамай разошлись в вопросе об алохических истолкованиях. Напряженные споры, нашедшие отражение в Талмуде, начались позже, между учениками этих двух мудрецов – между Домом (то есть школой) Шамаи и Домом Гилела (см. Сукко, 47б, Сангедрин).

Постепенное, накапливающееся с годами уменьшение знания связано с тем, что «мельчали сердца» (см. вступление Рамбама к Мишне Тора). Закат учителей привел к тому, что традиция Устной Торы потребовала письменной фиксации – и рабби Йеуда а-Носи создал Мишну. Но даже для этого документа, вобравшего в себя всю суть традиции, понадобились комментарии, – так появился сперва Иерусалимский, а потом Вавилонский Талмуд. К Вавилонскому Талмуду, тексту очень сложному, применимы слова пророка: «Посадил меня в темное место» (Эйха, 3:5).

Соккрытие света Торы положило начало эпохе, когда множились талмудические проблемы, велись талмудические дискуссии, кончавшиеся неразрешимыми вопросами или же формулой «Тейку» – акронимом, означавшим, что на этот неразрешимый вопрос ответ будет получен в эпоху Мошиаха от пророка Элияу. Но даже тогда, в эти времена сокрытия, когда на нас надвигалась тьма, тьма эта еще не была столь глубокой, как в эпоху, когда принято было редактирование Талмуда. Это редактирование связано с именами Равины и рава Аши. До них еще существовала непрерывная цепь «семиха», положения в сан священника, идущая от рабби к рабби и восходящая к Моше. Но во времена Равины и рава Аши цепь эта прервалась и талмудическая эпоха на этом кончилась. И как Тора всё больше погружалась во тьму сокрытия, так всё хуже становилось материальное положение народа Израиля – наши земные обстоятельства были зеркальным отражением обстоятельств духовных.

יְהוָה אֵלֵּינוּ עֲנֵנוּ יְהוָה אֵלֵּינוּ

Но когда придет время окончательного искупления еврейского народа, произойдет очень важная трансформация. Подобно тому, как погружение в состояние изгнания началось с утраты ясного понимания Торы, так и свет искупления начинает мерцать всё ярче по мере того, как нам является откровение сокрытых аспектов Торы. Связано же это с откровением, явленным через Аризала и тех, кто предшествовал ему в изучении мудрости кабалы.

До Аризала существовали запреты и ограничения на обучение кабале, но он дал толчок приобщению многих и многих к этим знаниям. Его усилия были продолжены идущими за ним. Так, следующий шаг сделал рабби Исроэл Баал-Шем-Тов, открывший учение хасидизма. А рабби Шнеур-Залман из Ляд положил начало изучению хасидизма в рамках движения Хабад. Он сформулировал и объяснил концепции, исполненные глубочайшего смысла и мистической глубины, таким образом, что они стали доступны даже тем, кто не сподобился посвящения. Одним из основных было представление о том, что еврею присуща душа Б-жественная, желающая духовности и святости и стремящаяся к ним, и душа животная, сосредоточенная на земном и материальном. Рабби Шнеур-Залман из Ляд изложил хасидское учение таким образом, что оно стало доступно и интеллекту, присущему душе Б-жественной, и интеллекту, присущему душе животной, что оказало существенное влияние на весь склад личности еврея и привело к его трансформации.

Первое откровение этой составляющей хасидизма было явлено в девятнадцатый день месяца кислев. Есть глубокая разница между тем, как рабби Шнеур-Залман проповедовал хасидизм до своего заключения в Петропавловской крепости – и после освобождения, которое состоялось в этот день. В основе

приобщения к хасидизму до пребывания рабби Шнеура-Залмана в тюрьме лежало требование духовного воспарения, тогда как после освобождения рабби больше стремился к немедленному и непосредственному пониманию учениками того, что он открывал им. Алтер Ребе ориентировался на интеллектуальное постижение им сказанного.

Обучение было ориентировано не на избранных, наделенных выдающимися способностями, а на всех и каждого, – во исполнение слов, известных по ответу Мошиаха Баал-Шем-Тову, спросившему: «Когда придет господин?» – и услышавшему: «Когда твои источники распространятся наружу». «Источники» подразумевают и Баал-Шем-Това, и хасидское учение. Это учение «распространится наружу», когда достигнет каждого еврея, преодолев всяческую косность.

Откровение внутреннего учения Торы будет главным фактором, посредством которого Б-г явит Себя миру с приходом Мошиаха.

А значит, наши главные усилия должны быть направлены на то, чтобы явить эти источники – хасидизм – другим. Каждый из нас ответственен за их «распространение наружу», ибо через то он приближает откровение истины и окончательное искупление, которое грядет еще в наше время.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГОДА И ВЕКА

Nei li Aaei ai

*Apou adai ala e adai ala Adai ala, eiaia ioeif i mifaiif diaedraou ia odiaiaiey
i li ai oa E adai ala, eiaia iaaf maaoou oaa faaa e aayioou ia eaddei o a oai, oiaa ca adiaai e
oaoou eai*

Мы вступили в новый, 5766 год. Время оглядеться и увидеть наступивший год в перспективе. Никакой новый год не рождается в пустоте – и в рамках ежегодного обзора нам нужно осмыслить время, в которое мы живем. Мы делаем это, чтобы лучше понять себя и исправить свои ошибки. Мы строим планы, и примеры из прошлого помогают нам определить черты будущего.

Дни трепета, десять дней между Рош а-Шона и Йом Кипуром, особенно благоприятны для выявления наших приоритетов. Это дни созидания («созидания малхус» на языке кабалы), определяющие и формирующие грядущий год. Подобно центральной нервной системе, месяц тишрей (теми же буквами записывается слово «рейшит», «голова») регулирует механизм грядущего года.

Вспоминая прошедший год, отметим его наиболее впечатляющие моменты:

– Последствия ураганов «Катрина» и (в меньшей степени) «Рита» продемонстрировали человеческую уязвимость – равно как и пропасть между бедными и богатыми.

– Проблема Ближнего Востока остается неисчерпаемой; здесь каждодневно маячит призрак Ирака, но не только его.

– Угроза терроризма – возможность взрыва в любом месте и в любое время – нависает над нами, задумываемся мы об этом или нет.

– Ближний Восток остается горячей точкой, и нам еще предстоит иметь дело с мощью миллиардного мусульманского населения. Мы сидим на пороховой бочке.

– С уходом израильтян из Газы кризис идентичности в Израиле проявился в полной мере. Мира не ожидается, и нет никакого намека на будущую стратегию.

– В Соединенных Штатах продолжается строительный бум; технологии, медицина и наука бурно развиваются. Но растут цены на нефть, семейная жизнь и воспитание детей – в ступоре. Неуклюжесть инфраструктур со всей очевидностью свидетельствует о том, насколько тонкая и незаметная грань отделяет внешнее процветание от всё более неконтролируемой ситуации.

– Борьба за место религии и веры в нашей жизни удивительным образом продолжает нарастать, и конца этой борьбе не видно.

В целом всё больше углубляется конфликт между счастьем человека и его комфортом. Становимся ли мы счастливее с ростом благосостояния? Возникает ощущение, что чем выше качество жизни, тем в большей степени мы нуждаемся в терапии.

Недавние события свидетельствуют: мы находимся на переломном этапе. Меняются парадигмы. При переходе из одного состояния в другое вдруг образуются многочисленные разломы, высвечивающие потребность адаптироваться, встать вровень с новой реальностью.

События и явления нескольких последних веков – Возрождение, Просвещение, эмансипация, демократия, капитализм, свобода, равенство, либерализм, наука – перенесли нас из Средневековья в современную эпоху. Пережив две первые революции, аграрную и промышленную, мы вступили в третью, которой присваивают разные имена – атомная, ядерная, компьютерная, информационная (а самое поэтическое название, которое мне нравится больше всего, – квантовая).

Но заканчивается ли на этом история? Если, как полагал Гегель, движущей силой и каждого отдельного человека, и народов в целом является «борьба за признание» (самооценка и личное достоинство), то тогда с утверждением либерального демократического государства эволюция человеческого духа и сама история подходят к концу: именно так утверждает Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Конец истории» (1992).

Для психологии Торы фундаментальное значение имеет уверенность в том, что каждой проблеме предшествует ее решение, равно как каждую болезнь предваряет способ ее лечения. Это дает нам силу принимать вызов – зная, что победа будет за нами.

Самех-Вов – хасидский трактат, столетие которого мы отмечаем в этом году, – предлагает нам новое видение будущего, опирающееся на анализ природы человеческих достижений и наслаждений. Ребе Рашаб утверждал, что всякое наслаждение, известное человеку и испытываемое им, имеет линейную форму. Наслаждения различаются только количественно, в соответствии с тем или иным уровнем, который проходит в своем индивидуальном развитии каждый человек. Во всех своих измерениях, даже высшего порядка, наслаждение детально и конечно – и поэтому неизбежно фрагментарно (к примеру, наслаждение от хорошего вина не имеет ничего общего с наслаждением от чтения хорошей книги). Все подобные наслаждения рождаются из того потока, что «выходит из Эдена, чтобы орошать сад».

Величайшее наслаждение – то, которого «глаз не видел» (Ишаяу, 64:3), – бессмертное, вечное, безграничное, качественно отличное от любых наслаждений, когда-либо испытываемых человеком. Эта та степень наслаждения – сам «Эден», – которая является сущностью и источником всех наслаждений и присутствует в каждом событии человеческой жизни – и обыденном, и сакральном. Она доступна нам в результате нашего напряженного труда в земном мире. Исполнение мицвоис способно порождать новые, неизведанные измерения наслаждения, создавая единый цельный поток, связующий все аспекты бытия.

Революционный, переломный момент, согласно Самех-Вов, достигается в процессе нашей деятельности по преобразованию материального мира в «дом» для мира горнего.

Пока мы не достигнем этого сущностного уровня, мы будем оставаться заложниками борьбы с силами прогресса, пленниками конфликта между умножением материальных благ и углублением духовно-психологических неурядиц, между ростом качества жизни и потерей душевного равновесия.

Сила всякого наслаждения – в силе его источника. Как сказано в молитве на Рош а-Шона и Йом Кипур, сам по себе «человек произошел из праха и возвратится в прах, он зарабатывает хлеб свой с опасностью для жизни, он подобен разбитому черепку, иссохшей траве, увядшему цветку, призрачной тени, растаявшему облаку, дуновению ветра, рассеянной пыли, ускользающему сну...». Однако мы наделены даром Б-жественности и имеем доступ к сущности и источнику радости – неразрушаемому, неиссякаемому, неувядаемому.

Непрекращающаяся битва материи и духа, столь ярко описанная в Самех-Вов, – битва, которая ведется с начала мира, – породила наши сегодняшние проблемы. Эти проблемы накопились в ходе истории и в последние несколько веков открылись по-новому. Модернизация мира, передовая наука и технологии, устаревшие системы и извращенная религиозность – всем этим обусловлено наше нынешнее положение, в целом и в частности.

Битва достигла своего апогея в последние 100 лет. Обе мировые войны, за которыми последовали демографический и экономический бум, а также переживаемая ныне информационная революция подготовили почву для решающего боя между нарциссическими силами материализма и объединяющими силами духа.

Самех-Вов бросает нам вызов: все силы вселенной, все различия между народами, все конфликтующие точки зрения могут быть преодолены – нужно лишь признать, что наша судьба в наших руках. Личный нравственный выбор и конкретные поступки в земном мире определяют будущий ход нашей жизни и жизни вселенной.

Этот вызов составляет суть нашей духовной работы на протяжении Десяти дней тшувь-возвращения между Рош а-Шона и Йом Кипуром, когда мы стремимся освободиться от всего привнесенного в мир и вернуться к Сущности, чтобы привести в соответствие Ей нашу повседневную жизнь.

Как пишет Рамбам, «каждый человек на протяжении всего года должен относиться к себе так, будто его заслуги и провинности уравниваются друг друга... Сделает он хотя бы одно доброе дело – и в нем самом, и во вселенной добро перевесит зло и придет спасение и избавление для всего мира... Поэтому у евреев принято усердствовать в совершении добрых дел, в раздаче милостыни и исполнении заповедей в дни от Рош а-Шона до Йом Кипура более, чем во все остальные дни года» (Рамбам, Законы тшувь, 3:4).

Так зададим себе вопрос: хватит ли у нас мужества принять этот вызов?

КОРИЧНЕВЫЙ ВЕТЕРОК

Леонид Радзиховский

Полковник Квачков, обвиняемый в неудавшемся покушении на Чубайса, дал из тюрьмы интервью Проханову. Как тот ухитряется брать интервью у узников «Матросской тишины» – секрет фирмы. «У стен есть уши» – видимо, языки у них тоже есть.

Квачков (или Проханов?) бойко пересказал фашистские лозунги-1993 (любопытно, почему полковник тогда не отвоевался у стен Белого дома?): «инородческая власть», «мировая закулиса», «оккупационный режим». И выводы – выборы ни черта не дадут, для спасения России от оккупантов (во главе с «гауляйтером Путиным» – цитата из Квачкова) нужен вооруженный мятеж военных. «Россия – рана. / Мощный шов / Пускай наложит Баркашов / Пусть демократов перебьет / Да здравствует переворот!» (1993). Ну, «Сеня, про зайцев – это не актуально», Баркашов был да весь вышел, теперь у нас на витрине – «говорящий Квачков». Материал вышел в «Завтра» под бойкой шапкой «Национальное восстание – ДА!».

Как же реагирует «мировая закулиса»? Молчит, проклятая – как проклятая! Это понятно – боится себя обнаружить, делает вид, что ее (закулисы) вовсе нет. Конечно, патриота этим не обманешь, но всё равно – конспирируются еврейчики...

Гораздо любопытнее, как реагирует «оккупационный режим». А вот – как Квачкова регистрируют кандидатом в депутаты Госдумы (как известно, Ходорковскому это удовольствие не доставили), причем у него очень неплохие шансы: как же, чуть Чубайса не убил! Проханову за публикацию ПРЯМОГО ПРИЗЫВА К ВОССТАНИЮ не делают даже «предупреждения» от Минпечати, прокуратуры или еще какой-то богоспасаемой организации того же типа. (Вы вправе сказать: так его даже из «Эха Москвы» не убирают! Да, меня это тоже очень... смущает. Но я-то здесь веду речь не о позиции «Эха», а о позиции государства.)

Итак, власть, подобно «закулисе», тоже «конспирируется» – хочет показать, что ее тоже в природе не существует?

Еще один любопытный штришок в том же роде. На ОРТ в программе «Судите сами» сверкнул мощный лысиной некто Севостьянов (так кажется?), в общем – заместитель Бориса Миронова. Поясню для несведущих: Б. Миронов – лидер «Национал-державной партии», чьи лозунги и воспроизвел в своем интервью «старый солдат, не знающий слов любви» – простодушный Квачков. «Партия» запрещена (т. е. не зарегистрирована), г-н Миронов с сыном – в бегах (сын обвиняется в соучастии в том же покушении на Чубайса), зато зам. Миронова сеет разумное, коричневое, вечное прямо с экрана ОРТ.

Ну-с, и как всё это прикажете понимать?

Что среди чекистов есть куча людей, которым Квачков-Миронов (с которыми они должны, так сказать, «бороться») куда симпатичнее, чем, скажем, Кудрин и Греф (которых они должны, так сказать, «защищать»), – очевидно. Но, полагаю, дело не в чьей-то самодеятельности. «Духовно близкие», «духовно далекие» – всё это очень мило, но когда Путина обзывают «гауляйтером», а государство довольно хихикает, то здесь, извините, что-то концы с концами не вяжутся! (Ах, впрочем, Квачкова зарегистрировали депутатом не по милости властей, а строго по закону! Извините, как это я забыл! Ну а газете «Завтра» не сделали никаких «представлений» по поводу ее интересной публикации тоже, видимо, по закону. Наверное, даже по тому же самому закону... А уж Севостьянов в эфире – ну, это просто свобода слова в чистом виде, причем тут власть!)

Так вот: что же всё это значит?

Распространенная версия: власть их раскручивает, чтобы на их фоне казаться «наименьшим злом».

Очень мило. Только зрители кто? Для миллионов (десятков миллионов!) избирателей Квачков-Миронов-Проханов, как минимум, совершенно не страшны! Или власть так хочет привлечь к себе тех «гнилых интеллигентов», которые приходят в ужас от речей Квачковых? Не слишком ли большая забота о «вразумлении интеллигенции»? И не слишком ли рискованная забота? Поджигать костер возле бочки с бензином – только

чтобы напугать нескольких либеральных интеллигентов? Или это всё «для заграницы»? А заграница и так, в общем, поддерживает Путина...

И вообще – зачем всё это? Политического кризиса в стране вроде бы нет (если сама власть не организует), ясно, что никакие оранжевые революции Кремлю не грозят – зачем же пытаться спугнуть эти несуществующие революции коричневыми тенями?

Кроме того, какими бы хитроумными ни были паутины кремлевских политехнологов, коричневые мухи, если их вырастят до должного размера, легко прорвут эти паутины, головы не поворачивая... В отличие от вечнораहितичных правых, коричневые в России всегда обречены на массовую поддержку. «На их стороне хоть и нету законов – поддержка и энтузиазм миллионов». Власть, еще со времен Ельцина, эту публику ВУЛЬГАРНО БОИТСЯ, вернее, боится не самих этих ничтожеств, а глухого националистического настроения масс, того коричневого ветра, который вечно, то сильнее, то слабее, гудит над русской равниной. Ровно поэтому президенты России НИКОГДА четко вслух не выступали против русского нацизма, а журналисты «при власти» (Пушков, Леонтьев) тратили весь свой «талант ненависти» на либералов и демократов, но никогда – на русских нацистов.

С русским нацизмом боролись только кремлевские политехнологи: подставляли во главу табуна «своего» человека, который и гонял за собой табун – по кругу, по кругу, по кругу, пока исходная энергия не выдыхалась. Таким был «лже-фашист» Жириновский (а ведь многие его воспринимали всерьез!), таким, отчасти, является сегодня Рогозин. Теперь пытаются подсунуть на эту роль «запасного Квачкова»?

Конечно, «старый солдат, не знающий слов любви» (да и вообще, не знающий, кажется, слов, кроме тех, что ему подсказал Проханов), в отличие от Жириновского или Рогозина, вполне искренен. Но манипулировать таким искренним Квачковым совсем нетрудно – слишком уж он наивен в политике...

Так власть и будет крутиться вокруг нацистов – а всю свою изобретательную злобу тратить на борьбу с бессильными «демократами».

МИХАИЛ ЛЕВИТИН:

«МНЕ ПРАВИТСЯ ЭТА ЖИЗНЬ. НЕНАСЫТНО!»

Беседу вела Татьяна Бек

Беседа Татьяны Бек с режиссером и писателем, художественным руководителем Московского театра «Эрмитаж» Михаилом Левитиным состоялась 13 января 2005 года. Расшифровать ее и подготовить к публикации Татьяна Александровна не успела. Этот материал – последний ее текст из редакционного портфеля, оставшийся не опубликованным.

То обстоятельство, что Михаил Левитин – человек в высшей степени театральный, определило и особую стилистику самого интервью, и стилистику публикуемого текста.

- Вы мне когда-то говорили, что придумали себе эпитафию. Как она звучала, напомните.
- «Очень любил прошлое, равнодушно относился к будущему, с удовольствием жил в настоящем».
- Это вы о себе?
- О себе. И как-то с годами не меняется эта эпитафия.

– Мне очень нравится. У меня миллион вопросов, но давайте начнем с нашей общей подруги Риты Райт. У вас был рассказ о ней, мемуарный, что она шла, и вы увидели, что она сама себе нравится и внутри себя молодая.

– Это было более резкое ощущение... Как раз только-только была премьера. Я стоял в коридоре Театра на Таганке. И, кажется, Рома Тименчик вел Риточку ко мне. Мне показалось, что Рома ведет ко мне девчонку лет шестнадцати-семнадцати, о-очень эротичную, – это было мое восприятие, – крайне желанную. А приблизилась ко мне старушечка, со старушкой началась у меня дружба, и я тогда понял, что она умеет включать что-то, когда хочет понравиться. Но в тот момент никакого рационального объяснения этому впечатлению у меня не было.

– А это какой был год? И вообще, что это было?

– Шестьдесят девятый год, премьера «Господина Мокинпотта» на Таганке у Любимова. Это когда я в двадцать лет поставил первый спектакль в Москве и сразу в самом знаменитом театре...

– Вы же из Одессы? Расскажите, за что вы ее любите, бываете ли в ней и что было бы, если бы вы там остались?

– Вы спрашиваете меня сейчас о той Одессе, о том доме, в который я уже зайти не могу. Полтора года назад я там был, там похоронен отец, он – главный в моей жизни. Я пошел по улице и заплакал – я уже не знаю Одессы... Я ее потерял, как все, кто почему-то уезжает, любя ее очень...

– Во сколько лет вы оттуда уехали?

– В шестнадцать с половиной. Я поехал и поступил на режиссерский факультет.

– Сразу поступили?

– Моментально. Не было прецедентов до меня, кроме Товстоногова, чтобы кто-то после школы поступил в ГИТИС. В ГИТИС принимали только с первым образованием. Сказать вам откровенно и по-настоящему, в Одессе начался и собственный мой театр.

– Как?

– Он начался очень рано. С пристрастия к клоунаде, подражания Райкину, бесконечных игр дома... Конечно, я непрерывно ходил в театры.

– А там разве были хорошие театры?

– Хорошая Оперетта. До нее у нас было два драматических театра, мы один из них поменяли на львовскую Оперетту... В букинистическом магазине – в Одессе чудный магазин – я нашел книгу, научнообразную, помню автора: Константин Державин, «Книга о Камерном театре», и в ней удивительные фотографии удивительных спектаклей. В нее был вложен некролог и статья о гастролях Камерного в Одессе. Так, в двенадцать лет я сразу получил представление от начала Камерного театра до некролога Таирова. А потом был школьный драмкружок, которым руководила бывшая актриса ГОСЕТа, переехавшая в Одессу. Она полюбила меня, сделала героем театра, а я организовал второй альтернативный коллектив и поставил в седьмом классе «Моцарта и Сальери»... У меня об этом повесть «Витя Куза в сандалиях на босу ногу». Название вычурное, а правда – большая, большая правда моего детства... Я очень любил тогда «Театр у микрофона», и когда ездил с родителями по Волге, вдруг случайно услышал по радио на теплоходе «Мадам Бовари» Коонен. Она восстановила спектакль. Кто-то – может быть, в Русском театре, где я работал рабочим сцены – на мои слова «я люблю Коонен» сказал: «Ну напиши ей письмо». – «Она жива?» – «Да». И я написал в восьмом классе письмо Алисе Георгиевне, и она мне ответила.

– Потрясающе.

– Ответила раз, ответила два. Слава Б-гу, я переписал целые куски из ее писем, потому что письма эти первая моя жена, по-моему, вместе с моими письмами сожгла совершенно случайно.

– **А о чем она вам писала?**

– Она писала о Камерном театре, о школе Камерного театра, странно писала – по диагонали, у нее строка переходила на другой лист. Очень странный почерк... Я приехал в Москву и пошел к Коонен. Там увидел картины Пикассо, Леже, фигурки таировские. По заказу ему делали специальные фигурки актеров в основной, лейтмотивной, мизансцене. Их накопилось много, за все спектакли. И когда он потерял театр – а это был уже больной человек, – он дома открывал занавес, разыгрывал спектакли, как бы идущие в этот день, и закрывал занавес... Трудно говорить об Алисе Георгиевне, потому что она – только актриса... Актриса в великом понимании, живущая в каком-то художественном мире, принципиально и навсегда. Даже не поверишь, что эта женщина живет в быту.

– **Но как-то она всё-таки справлялась?.. Жила?**

– С нянькой, с домработницей. Я с ней прогуливался по Тверскому, был на концерте, где она читала Блока, я наблюдал за ней. Из состояния приподнятости, некоторого пафоса, пребывания «не здесь» она не выходила никогда...

Σαβὰδ ἔ Ἰ ἰεῖτὰ Ἐἰεὸεῖτῦ.

– **А как же она контактировала с миром?**

– Нет, она не была слепа и глуха, вероятно, к этому миру, но она навязывала ему свои законы. Она действительно переиграла этих королей без счета – богинь, королей, героинь, – и она имела на это право. В ее природе было романтическое. Я даже написал в свое время, как она влюблялась в своих голубых партнеров, как хотела, чтобы они были мужчинами в ее жизни – а они просто пассивные, голубые, – и она их теребила, и они сходили с ума, и бежали из театра...

– **Дружба «профессиональная» между писателями и между театральными людьми часто распадается, правда?**

– А у меня ее и не было...

– **А с театроведами вы когда-нибудь дружили? Это особые люди, театроведы.**

– К сожалению, нет. Отношения у меня с ними тяжелейшие. Когда они меня критикуют, я всегда говорю, что Виктор Борисович Шкловский в своей последней статье о моем театре...

– **А вы знаете, что вы на него будете очень похожи?**

– Я счастлив.

– **Вам не говорили этого?**

– Говорили, говорили...

– Вот сейчас я вдруг увидела – череп и соотношение черт лица.

– Так вот, в статье «Возвращение времени» он написал, что я режиссер, у которого в руках джокер. Когда это пишет Шкловский, и Каверин пишет о тебе так серьезно, и Юткевич пишет в «Литературке» огромную статью, я говорю критикам: «Знаете, мне совершенно безразлично, что вы обо мне думаете».

– Правильно, это вам вообще должно быть безразлично... А как вы со Шкловским познакомились?

– Учась в ГИТИСе, в журнале «Театр» я прочитал сцену из незаконченной пьесы Олеси. Публикация была Саши Ильф... Я был на втором курсе, кажется, и я себе сказал: «Всё. Вот мой Гамлет». И поставил сцену из этой непонятной, неизвестной пьесы. Она имела успех. А дальше, если так сразу всё рассказать, двадцать лет я сочинял возможные варианты этой пьесы. Я встретился с Ольгой Густавовной (вдова Ю. Олеси. – Ред.), она позвонила Виктору Борисовичу при мне и спросила: «Пришел мальчик, просит черновики Занда. Дурак или авантюрист?»

– При вас?

– При мне, я же мальчишка был. И он ей отвечает: «Возможно, не дурак, но безусловно авантюрист». Обстоятельства так сложились, что я эти черновики потом получил. Завлит моего театра – Ира Озерная – написала мне, когда еще не работала у меня, письмо с признанием в любви к моим спектаклям и к только что вышедшей книжке прозы. И вдруг я читаю: «а над всем этим – Юрий Карлович Олеша» – и восклицательный знак. Оказалось, она работает в РГАЛИ над Олешей. Я приехал к ней и сказал: «Ира, спасибо вам за это письмо, теперь прошу вас, посадите меня в читальный зал и, пожалуйста, принесите мне всё». Оказалось – тысяча листов. В течение недели я приходил: «Говорю вам точно: здесь должен быть монолог директора театра». – «Здесь ничего нет». И вдруг на промокашке – монолог директора театра. «Здесь должна быть любовная сцена между этим и этим. Два варианта этой сцены...» Я за двадцать лет до чтения этих черновиков догадался. Когда я прочитал и сделал свою композицию, мне понадобилась поддержка, чтобы ее пробить. Главным образом должен был поддержать Шкловский. Это было важно для меня, всех людей двадцатых годов в Москве я должен был увидеть.

– То есть тех, кто в семидесятых годах еще оставался жив... Кто это был?

– Ну, Риточка, Рита Яковлевна Райт. Она же называла меня «корешок», она говорила: «Ты наш, ты наш, ты должен был родиться тогда». Я всю жизнь этим горжусь... Шкловский, Сельвинский, Каверин. Каверин был поклонником «Школы клоунов» – моего Хармса – и писал о нем. Это был, как ни странно, Катаев, с которым у меня была невероятно смешная, интереснейшая встреча.

– Вы такие интересные говорите вещи!.. Только скажите, вы про Катаева уже писали где-то в мемуарах? Я хочу быть первооткрывателем.

– Нет, никогда. Вы будете первооткрывателем с Катаевым безусловно. Но со Шкловским я не закончил... Там вы тоже можете быть первооткрывателем.

– Замечательно.

– Я приехал к нему на дачу. Там была его дочь Варя, внук Никита и секретарь Саша Галушкин. И вот они мне принесли Виктора Борисовича из кабинета. Я говорю «принесли», потому что лицо шло впереди, торс сзади, а ноги вообще черт знает где.

– Год, какой год? Я, как зануда, люблю даты...

– Год? Если я поставил Олешу в восемьдесят шестом году, то это и был восемьдесят шестой либо восемьдесят пятый.

– Но он вскоре умер?

– Что-то совсем накануне смерти. И вот его принесли ко мне, посадили в кресло. О! То, что произошло после этого, – это большое счастье. Для меня он был... сила. Сила.

– **Он вообще гений.**

– Ну, гений совершенный. Это был какой-то МОЙ человек. Он сел в кресло – это было так смешно, – откинулся назад, взял мою рукопись («Нищий, или Смерть Занда». – И. С.) и стал ее читать над головой, вот так... (Показывает.) Он сказал: «Хорошо, мне это понравилось» – и написал во все инстанции с требованием, чтобы ее ставили.

– **То есть он это признал как пьесу...**

– Именно как пьесу. И пришел на спектакль «Школа клоунов», несмотря на то, что они были в конфликте с Кавериним, а Каверин спектакль очень хвалил. Но как хвалил Шкловский, так меня не хвалил даже Каверин! Он сидел в зале и каждый акт менял головной убор, извлекая их из портфеля, – он сидел в тюбетейке, в меховой шапке, в кепке... Каждый антракт он мне рассказывал какую-то притчу. Я НИЧЕГО НЕ ПОМНЮ, кроме какой-то пчелы, – так я нервничал по поводу спектакля! Он написал мне на «Энергии заблуждения» огромный период, и Саша Галушкин сказал, что это не расшифрует даже он... И вот появилась эта статья, где он объяснил, какой это театр...

– **Где это было напечатано?**

– В журнале «Театр», и в его сборнике это есть. Это была мощная поддержка. А потом я пришел к нему на похороны. Я пришел первым в Малый зал ЦДЛ, была только семья. Я очень страдал, а вхожу – все смеются. И прежде всего смеется в гробу Виктор Борисович, это меня поразило. Печеный такой весь, печеное такое яблочко, и они стоят вокруг, веселые, болтают о чем-то... Они ко мне как к члену семьи отнеслись и я чувствую, что неправильно несу в себе такую скорбь, надо что-то менять, – как-то пристраиваюсь, и очень тяжело. Говорю: «Никита, а как дедушка умирал?» И тут я всё абсолютно понял, и всё завершилось, и всё сошлось. Он сказал: «Ну, вы знаете, он сломал шейку бедра, лежал в Кремлевке, медсестер к себе не подпускал, а материл и говорил только одно: “Г-споди, прости всю ту ересь, которую я написал. Г-споди, прости всю ту ересь, которую я написал”». Так мы его похоронили... Вот Шкловский – это то, как я представлял себе двадцатые годы...

– **Да, правильно.**

– ...с их смертью, с их перевоплощениями в процессе жизни, – что, в общем, мудро и на что я, к сожалению, не способен, так как я не человек двадцатых годов.

– **Мы с вами люди консервативные, мне недавно один психолог – друзья прислали, чтобы с ногой мне помог, – сказал: «Вы психологически инфантильны, но, с другой стороны, вы всегда будете молоды»... Мы с вами – как были в двадцать лет...**

– Абсолютно, так и остались.

Ν.Ι. Αόδαι ίάιι.

1998 άά

– ...и застенчивость, и наглость, да?

– Всё-всё-всё. Но, мало того, Танечка, когда мне было очень плохо, один мощный врач, приведенный Ольгой (Остроумовой. – Ред.), женой моей тогда, сказал ей на кухне: «Оль, ну что вы так нервничаете: есть люди, которые ищут связь всего в мире, а есть люди, которые роют свои шестнадцать ям. Ваш муж роет шестнадцать ям. Выроет шестнадцать ям и умрет».

– Ну, пока еще, мне кажется, вы не вырыли...

– Я не вырыл, наверное... Я, действительно, не спасаю мир поиском связи. Но какая-то программа, ракурс мой – это мне надо...

– Но вам нравятся люди, которые сильно меняются за жизнь? Вас не раздражает, например, когда человек был максималистом – скажем, диссидентом, – потом прошло лет двадцать... и он вдруг стал абсолютно другим...

– Да, Таня, я это ненавижу.

– Вот это – объекты моего гнева. Тут вы меня держите! Особенно если они и на том, и на другом этапе получают – а они очень часто моралисты, эти люди, – это меня бесит. А в остальном, конечно, человек физически меняется в какой-то степени... А сейчас можно очень коротко ответить: вы себя ощущаете евреем иногда?

– С каждым днем всё мощнее – до терроризма! До безумия! До безобразия.

– Как так?

– Я приехал в Израиль два года назад и был так возмущен происходящим! Я предлагал какие-то экстремальные меры, забирался только в арабские кварталы, я хотел погнубить за Израиль. Это было нечто. Я

разговаривал с советником Нетаньяху, который мне сказал: «Вы экстремист. Я недавно видел такого, как вы, одного – композитор Дашкевич, знаете? Он говорил, как вы...»

– **А что вы говорили-то?**

– Я сказал вдруг: «Выжечь всё, если они будут трогать страну». На что он мне сказал: «Вы не понимаете одного. Мы никому не нужны в этом мире. Мы нужны только сами себе. Мы должны жить на компромиссе, чтобы выжить».

– **А вы в случае чего могли бы, например, там жить или хотя бы наполовину жить? Я могла бы.**

– Если б не было Латинской Америки, я бы жил в Израиле.

– **У меня как раз был вопрос: путешествия вы любите? Они вас заряжают?**

– Как любовь. Это самое главное в моей жизни. Я путешествую непрерывно.

– **А что у вас внутри, в кишках меняется, когда вы садитесь в самолет?**

– Я вам скажу откровенно – я путешествую абсолютно как сомнамбула. Я путешествую в капсуле, в каком-то полувялом, полусонном состоянии... Я как бы позволяю миру как угодно со мной поступать: это момент, когда не я решаю. А я всю жизнь решаю. Профессия моя такая, а тут за меня решает мир. Я только вроде вижу, вроде чувствую, вхожу в отношения, даже любовные...

– **Бывали?**

– Бывали...

– **И такие вспышки, да? А бывало иногда, что без общего языка?**

– О чем вы говорите!.. У меня даже был роман в Праге с немкой, с которой мы не сказали друг другу ни одного слова. Это было бессмысленно, я ничего не понимал, и она тоже.

– **Я вас поняла.**

– Это происходило мгновенно...

– **Именно, без всякой пошлости...**

– Нет-нет-нет.

– **Вот как какие-то чудесные бабочки, да? Или стрекозы...**

– Да-да-да. Только так.

– **Без всяких обязательств...**

– Никаких обязательств.

– **Выяснений...**

– Ничего. Ничего. Ничего.

– **Поняла... Гениально у нас идет, я уже вижу всё... Но всё-таки скажите, почему вы считаете, что театр должен быть близок к поэзии? Конечно, «Суер-Вьер» у вас – это верлибр такой грандиозный.**

– Именно.

– **Вы театр воспринимаете как праздник, да? Как выход из будничной реальности?**

– Только карнавал.

– **А вот эта поэтика, наоборот, почти фотографии?**

– Я ею не владею. Я всегда говорил, мне интересно то, что делают мои друзья, и больше ничего не интересно. Может быть, это и прикрытие от мира, а может быть, так оно и есть. И потом, знаете, пушкинское «какое может быть правдоподобие в помещении, разделенном на две части, где одна часть – над головами зрителей, и, может быть, кто-нибудь докажет нам, что условное неправдоподобие есть суть искусства». Условное неправдоподобие – это можно сойти с ума!.. У Мейерхольда была такая лекция – «Пушкин – режиссер». И Раневская говорила: «Лучший режиссер – Пушкин».

– **Вы Раневскую знали?**

– Знал чуть-чуть. Я любил Бирман. Бирман – моя любимая актриса.

– **А расскажите чуть-чуть о Бирман в жизни. Я помню, мы в ЦДЛ ее встретили... Мне повезло, конечно, с папой – не в смысле других каких-то вещей, – я помню: он стоит с очень пожилой женщиной, очень некрасивой, это даже я тогда понимала, при этом отмеченной Б-гом. И что-то ей такое говорит, что просто «Вы – мой идеал»... Это год шестьдесят третий. У нее такая была прическа, как у меня.**

– Да-да. Вероятно, по житейскому восприятию она была просто безумная.

– **Ну, безумные тоже разные бывают. Депрессия. Агрессия... Как это евреи говорят, «мишугинер»?**

– Она была «мишугине». И так считается, что она была злой. Это не исключено, но я помню другое. Я ее встретил однажды на главном телеграфе. Незабываемо. Странно. Я писал телеграмму, а она была рядом у окошка, я повернулся к ней и говорю: «Серафима Германовна, простите, пожалуйста, я ученик Юрия Алексанчыча». – «Очень приятно, что...» И вдруг ее прорвало, рвануло на меня сразу рассказом о том (далее говорит «ее» голосом), как сейчас она ехала в электричке с драматургом Э. Радзинским и у нее из чемоданчика пропало двадцать пять рублей, когда он ушел... Что еще ждать от драматургов, которые пишут об этих писюшках в коротких юбочках, о всяких электронах, протонах... Гигантский монолог! Но самое интересное, что, произнося этот монолог на высочайшем выразительном уровне, она собрала вокруг себя всех женщин главного телеграфа.

– **А может, она прикалывалась, как сейчас молодежь говорит? Они говорят, знаете, «он стебается с приколом».**

– Нет-нет. Это было другое. Вокруг нее собралось много женщин, и я даже где-то написал, что ее часто могли принять за Раневскую по эксцентризму.

– **Да, но она была более худощавая.**

– Она совершенно другая. Раневская ведь очень добрая. А эта – гневная, стремительная, мчащаяся, не-при-ми-ри-мая старуха... Когда она сыграла в «Дядюшкином сне» у моей учительницы Анисимовой-Вульф, приехал Артур Миллер и посмотрел. Главную роль играла Раневская, и пять минут на сцене была Бирман. Он сказал: «Раневская – замечательная актриса, но это дважды два – четыре, а то, что делает Бирман, это дважды два – пять». Эти «дважды два – пять» – для меня основное. Вот это она, во всех ее проявлениях, диких письмах к Эйзенштейну, во всех ее потоках, монологизме и в том, что она, когда умирала в сумасшедшем доме, поставила там «Синюю птицу».

– **С сумасшедшими в главных ролях?**

– Да-да-да.

– **Вы такие говорите вещи... А мне всё время хочется сказать: «Это слишком». Но вы мне сразу сказали: «Если не будете верить, не буду рассказывать».**

– Да, но это не слишком.

– **А она одна жила?**

– Нет, с мужем.

– **А муж кто был?**

– Какой-то милый человек, не актер, но близкий к театру. Дело всё в том, что с актерами дружить нельзя...

– **Но вы, по-моему, даже были женаты и дружили с некоторыми актрисами.**

– С актрисами я дружил, но другим способом, а на моей жене я был женат, она была при мне не актрисой, она даже хотела казаться не актрисой. А потом она стала актрисой, как только со мной рассталась.

– **Я позволила себе некоторую фамильярность в этом вопросе, потому что у вас это всё описано... У вас замечательный есть рассказ, как вы ездили в Париж, да?**

– «Еврейский Б-г в Париже».

– **Мне, конечно, о театре с вами даже интересней говорить, потому что я этого ничего не знаю. Мы много говорили о ваших учителях, вольных или невольных, а у вас с годами не возникло желание иметь учеников? Или вы уже их имеете?**

– У меня курс ГИТИСа был. Я взял их всех в театр и отказался продолжать педагогическую деятельность категорически, потому что не могу абсолютно: нетерпелив, принимать хочу только талантливых и работать только с талантливыми.

– **Ой, это тогда трудно... Там такая тогда конкуренция и зависть.**

– Остальным я говорю так: «Смотри и учись». «Сдохни, – я говорю, – но научись». Эти годы были мучительными для меня, они мне ничего не дали.

– **Странно, ведь многие люди, очень талантливые и совершенно бесплатно – включая меня, например... Почти бесплатно уже пятнадцать лет я всё-таки хожу в этот Литинститут, и мне это дает что-то, может быть, за неимением своих детей, какое-то подключение, энергию... Есть такая буддийская заповедь, недавно прочла: чтобы научиться, надо учить...**

– Но на репетициях я непрерывно в показе, в объяснении, в рассказе. И своих я учу, а этих молодых – бессмысленно. В итоге – вы видели мадам Френкель? (персонаж спектакля «Суер-Вьер». – Ред.) – это моя любимая ученица. Ради нее я все эти четыре с половиной года с ними трубил, чтобы вот этот человек пришел ко мне в театр.

І. Ђавадски, Ђ. Ђавадскић, Р. Ђеи.

– Сумасшедше играет. Она и в жизни такая?

– Да она вся... перевернутая. Она – чудо... Вы знаете, Танечка, скажу несколько слов о Завадском. Единственное, что в нас совпало, – это его любовь к карнавалам, отношение к жизни как к празднику. Другая жизнь была ему неинтересна.

– И даже в личной жизни, в смысле в бытовой, тоже праздник?

– Только так... Терпеть не мог, когда семья сына, бесквартирная, жила с ним в его гигантской квартире. Полгода, по-моему... Жаловался мне страшно.

– Что его раздражало?

– Присутствие.

– Я его понимаю как никто.

– Только один. Только один... При этом каждый вечер уезжал к Улановой – видеть ее, говорить с ней.

– Это я себе на старость готовлю: значит, в старости тоже люди друг друга интересуют?

– Очень. Он должен был с ней разговаривать, должен был на нее смотреть.

– Мне, знаете, Соломон Волков сказал: «Вы не представляете, Таня, главные романы, главные дружбы – в доме престарелых». На полном серьезе... Помните, это был очень знаменитый спектакль о старости, где Раневская и Плятт играли?

– У Завадского, но это ставил Эфрос. «Дальше тишина».

– Это был такой модный спектакль, но действительно трогательный.

– Очень. Она бесконечно человеческая женщина.

– Раневская? Она гений. Я в этом уверена. Я тоже благодаря папе немножко ее знала, у меня даже есть портрет Модильяни с ее надписью. Казалось, что она всё знает: смотрит на тебя и видит природу твою и твое будущее... И при этом без всякой аффектации... Видите, сколько вы знали гениальных стариков. У меня то же самое, потому что меня тянуло к старикам с детства.

– Старость должна быть гениальна. Иначе она ничем не оправдывается.

– Иначе она ужасна. Я вот сейчас сталкиваюсь с негениальной старостью... Утрата любопытства к жизни и зависть к чужой молодости – это безобразно. А если такая вот старость... Надо подражать таким старикам. Мне кажется, мы будем отличные старики.

– Если доживем... а мы доживем.

– Мы доживем. Вы очень долго будете жить...

– ...Я был первым режиссером Жванецкого, Карцева и Ильченко. В общем, я уговорил их поехать в Одессу, в театр. Там им никто не мог помешать, потому что это уже была сила – Карцев, Ильченко и Жванецкий.

– Это были уже кумиры.

– И я поставил с ними первый спектакль по Жванецкому, почти уничтоженный Комитетом по культуре, но он шел. Потом «Чехонте в “Эрмитаже”», а потом Хармса.

– Это какой год, девяностый?

– Это восемьдесят второй год.

– Восемьдесят второй? Как вам разрешили-то? Его тогда даже не печатали еще.

– Я наврал, что хочу поставить детский спектакль, и дал им текст, где написал над каждым куском Хармса слова: «Клоунада первая», «Клоунада вторая». Они не стали читать. Утвердили.

– Я поняла. Спрятались за цирк.

– А спектакль уже был, и репетировался очень долго, и актеры мне очень верили. А потом началось безумие...

– Да-да, это я помню.

– Настоящее безумие. Весь альманах «Метрополь» пришел. Бондарчук пробивался сквозь толпу. Меньшов подходит: «Проведи Бондарчука и Скобцеву». А Меньшов поклонник был, ходил на каждый спектакль... После Хармса я согласился там остаться. Долгие годы, как ни странно, в театр не назначали главного режиссера. Это был мой театр, но и меня не могли назначить главным.

– Как говорит один мой приятель, к черту подробности, но почему вас не могли назначить главным режиссером, если вы практически им являлись? Это потому что еврей?

– Еврей и не коммунист.

– Вот я и говорю: к черту подробности, это нам всем знакомо. Я знаю такие свои истории в литературном мире, а в театре – с интересом слушаю. Знаете, когда тоскуют по тем временам, мне сразу хочется всё это вспомнить... Но я хочу о хорошем пока, у нас такой мажорный получается разговор... Вам, значит, просто дали этот театр.

– Да. И потом они потихоньку дали мне всё, до народного артиста. И всё мое официальное честолюбие было так быстро удовлетворено! Единственное, что было странно, – я ушел из дома и оставил, как всегда, квартиру жене, детям... Я сказал, что не хочу квартиру (комитет мне предлагал), что буду жить по мусоркам. И я стал снимать квартиры, которые не для людей, – я запрещал хозяевам делать ремонт. Я жил так четыре года.

– **Но это же очень опасно для психики. Такие люди, как мы, очень зависят... даже от яркости света. Поэтому нам нельзя так жить... А где у вас сейчас квартира, в каком районе?**

– Да просто чудо. Конец Плющихи. Там я придумал синюю квартиру. Я хотел жить в синем-синем цвете. И я в нем живу.

– **Ой, я так хочу сделать себе кое-какой ремонт, но как подумаю, что надо убирать книги, картины... Это значит минимум на полгода выбыть из жизни. Ну ладно... Всё приходит в свое время... Вы любите Трифонова?**

– Очень.

– **Это мой любимый писатель. Вот из всего советского – неважно, антисоветского или советского – старого Трифонов для меня остался больше всего. И эта любовь к Москве, и эта печаль...**

– Без метафор. Обезметафоренный. Ох, как мне это нравится!

– **Да, у него такая голая проза. Выдающийся писатель. Вроде бы стиль непритязательный. У меня в этой книжке – вы, наверное, это пропустили, почитайте, – статья «Проза Трифонова как инобытие поэзии». Это как раз то, что вы говорите... Я увидела: у него часто ритмизованы огромные куски, всё время какие-то скрытые цитаты из поэзии, в подоплеке, как бы в подводном слое...**

– Надо только позволить себе это увидеть.

– **Ну, это не каждый увидит... А как вы, как сейчас говорят, вышли на Ковалю? У нас есть целая «секта» людей, которые считают Ковалю гением, – те, кто в жизни с ним был близок и знаком. А широкая публика часто даже не понимает нас.**

– Не понимают. Когда я оказался на вечере Кима, на дне рождения, меня окружили друзья Ковалю, огромное количество, и стали говорить о «Суере» прекрасные вещи.

– **Это чудо. Я обязательно пойду еще раз.**

– Так было приятно... Юлик Ким принес как-то книгу и сказал: «Вот, поставь. Твоя книга – поставь». Я позже прочитал ее и подумал: «Да, наверное, моя». Что мне мешало, я вам уже рассказывал, – мешал Коваль... А книга меня веселила. И потом я вдруг легко-легко сочинил две инсценировки, и вдруг выяснилось, что для моих актеров это уже нечто культовое, они наизусть знают всё это. Я боялся этой работы, мне казалось, что она будет связана с чем-то новым в моей жизни. И действительно, она была связана с большими неприятностями.

– **Да-а?**

– Я всё время говорил: «Это дерево из могилы Ковалю». Как будто он там пишет, а я ставлю то, что он еще не поправил. Это было ужасное ощущение, что он недоверчиво ко мне относится. А потом постепенно вдруг стал доверять, видя мои физические мучения, видя разрушение иллюзий, которые я пережил на этом веселом романе... Я понял, что такое актерское предательство, ложь.

– **Именно на этом спектакле?**

– На этом спектакле. Впервые в жизни, слава Б-гу, всего полтора или год назад... И теперь я бы сказал так: Коваль мне нужен. Я даже люблюсь на фотографии.

Ñ. Â. Á. Ñ. Ñ. Ñ. Ñ. Ñ. Ñ.

– Да, мне он казался безумно красивым. Я в него просто влюблена была, но потом это перешло в глубочайшую дружбу... Вы мне говорили, что писали рассказы, но их не печатали. А когда вас начали печатать?

– Первый рассказ, важный для меня и существенный, – «Мотивчик». Затем возникла первая повесть, связанная с Камерным театром. У меня было время, когда мне не давали ставить, в эти периоды я очень много писал... Я писал непрерывно.

– Если вы что-то пишете, вы в это время в театре не работаете?

– Это вообще драматическое сочетание. Я иногда пишу, репетируя, я «актерами» пишу – просто ставлю свои будущие главы.

– То есть законы театра вы переносили на прозу.

– ...и законы прозы переносил на театр. Очень часто писал сценические романы. Но бывают такие истории, когда я останавливаю репетицию в процессе, как было со спектаклем «Леокадия». Просто остановил и сказал: «Я не выпущу спектакль, пока вы меня на полтора месяца не отпустите писать». Они меня отпустили, и я в Матвеевском написал «Еврейский Б-г в Париже».

– Чудесная вещь.

– И так бывает довольно часто. Они отпускают меня писать и ждут, просто ждут.

– А вот эта последняя вещь... Для нее вам, наверное, пришлось в архиве работать?

– Нет-нет. Никогда.

– Откуда же вы узнали об этих прототипах? И этот футурист...

– А футурист – это главный герой моей жизни. Если вы говорите об Игоре Терентьеве... Мне было тринадцать лет, и я прочел книгу Николая Петрова, ученика Мейерхольда. В этой книге был перечень людей, с которыми он работал, в том числе он пишет: «...и был “левейший из левых” Игорь Терентьев». Я помню чувство дикой обиды за «левейшего из левых». С тринадцати лет Игорь Терентьев засел мне в башку.

– А за что обиделись? Что его так назвали?

– Я не хочу, чтобы так называли режиссера – оскорбительно, в кавычках. Потому я стал о нем собирать всё, что можно. Я первый написал об Игоре Терентьеве в книжке «Чужой спектакль» главу «Лицо эпизодическое» – ну, просто открыл великого режиссера. Когда я написал, я познакомился с его дочкой. Это близкий мне человек, очень близкий. И Игорь вошел в мою жизнь, как двойник. Он главным стал... Знаете, Таня, вы для себя сейчас очень свободны.

– **Вы считаете? У меня вдруг иногда такая, как рябь, тревога, не много ли я себе позволяю в смысле независимости?**

– Стихи, Танечка, они написаны. А дальше остается прибавлять к ним еще стихи, которые будут лучше этих. Это ваше дело...

– **Или помолчать.**

– Или молчите. Не нервничайте...

– **То есть меня уже не растопчут там, не отодвинут...**

– Вас никто не отодвинет...

– **Я знаю людей, которые очень этого боятся, даже мои друзья... Давайте еще про Терентьева.**

– Про Терентьева действительно интересно. Я нашел судьбу и характер. И характер абсолютно совпал с моим. Это так мне мешает, что я до сих пор не могу стать порядочным буржуа...

– **Понятно. Слава Б-гу! Миш, слава Б-гу!**

– ...солидным художественным руководителем. Не слава Б-гу. Я ничего не могу с собой сделать. Во мне всегда Игорь. Татьяна Игоревна Терентьева говорит, что и спектакли ужасно похожи. Помимо этой главы, «Лицо эпизодическое», я написал повесть «Меня не было» и «Сплошное неприличие». Это для меня был важнейший роман. Знаете, этот человек после первой отсидки на вопрос дочки: «Что ты чувствовал, когда тебя вели на расстрел?» – сказал: «Ужасную легкость и невероятное любопытство». Это точно была моя жизнь. Долго-долго.

– **А что изменилось с годами? Мы еще совсем не старые, но, скажем так, вошли в возраст солидный. Какие плюсы?**

– Никаких. Я просто стал лучше относиться к людям. Я не люблю людей и не завишу от них, но я к ним лучше отношусь. И я стал ответственным. Я думаю о них...

– **Но это же нормально, это хорошо.**

– Нет-нет. Это не нормально. Я не хочу.

– **Ну, нельзя же всю жизнь, как... Молодые такие бывают, которым всё равно, что после них остается: дети, долги, какие-то руины.**

– Ужасно. У Игоря Терентьева не было никакой ответственности ни перед кем. Никогда! Игорь – роскошный, бессребреник, добрый, легкомысленный. Нам не хватает легкомыслия всё время.

– **Вы знаете, мне кажется, нас часто опутывают путами. Мы были бы легкомысленными, но вот эти близкие и какие-то далекие...**

– Я весь построен был на легкомыслии, а сейчас появилась ответственность. И даже – вы знаете – появилась забота тщеславная. У меня совершенно не было тщеславия.

– **Ну, что у вас нет тщеславия, я бы не сказала.**

– Знаете, Таня, странная вещь, если есть, то только последние два года. Я забеспокоился о славе театра. Я виноват перед ними, я превратил их жизнь в абсолютный мой монолог. Это авторский театр, эти люди – талантливейшие люди – подчинены полностью моей жизни. И я вдруг так захотел славы для них!.. Я понимаю, что эта слава была бы дополнительной и для меня... И мне стыдно, но я очень хочу...

– **Вы мне сказали, что порой пишете книгу как режиссер, а иногда спектакль ставите, как роман.**

– Как писатель... Знаете, еще я вдруг понял, как я должен делать свои книги. Некоторое время я думал так: то, что я пишу, – другое, и оно дает мне возможность работать потом в театре. То, что я делаю в театре, освобождаясь от гнета своей внутренней сосредоточенной работы, помогает мне писать. Так, действительно с трудом, мне удалось скомбинировать. Но сейчас я понял, что могу писать театрально... Я понял, что моя сила заключается в том, что я не просто театральный специалист, я мир так вижу. Какого черта стесняться... Достоевский в театре не работал, а при этом – ремарка – диалог, ремарка – диалог. Он нагло писал пьесу.

– **Да-да. Сам этого не понимая.**

– Всё – развязка есть, кульминация есть, мизансцену всю объясняет, рисует, строит: она стояла там, он смотрел на нее оттуда... Я могу описать состояние персонажа, мизансцену, мне не стыдно. Сейчас это мне страшно помогает.

– **Вот уже почти все вопросы... Ну, это как хотите, отвечайте или нет. Как у вас с Б-гом?**

– Судите только по прочитанному.

– **Да. Вы такой какой-то человек... вас нельзя прикрепить к определенной вере... может, к языческой какой-то даже... Ну, никаких церквей, да?**

– Нет, вынужденно было, после того как я выжил. Когда была клиническая смерть. И Ольга попыталась привести меня в церковь. Попыталась, а я категорически отказался, я терпеть не могу церковь... Сейчас я очень занят Торой, Талмудом... Я сейчас очень еврей.

– **А был какой-то толчок к осознанию себя евреем?**

– Да, террористические акты в Израиле. Это для меня было невыносимо, невыносимо. Я моментально в эти дни приехал в Израиль. В кровавое время я был в Израиле. Я был один, и еще английская какая-то пара или немецкая, в Старом городе. Ходили два старика – и я... Мне очень нравится быть евреем.

– **Я вас поздравляю. А мне кажется, что в юности вы всё-таки были скорее человеком неверующим.**

– Ха! Все говорили: «Левитин не еврей». Карцев называет меня антисемитом, потому что меня никогда не называли жидом. Главное было, что у меня есть русская литература, моя главная литература, у меня есть Пушкин... Художник, считай, изгой. Художник – изгой, и еврей – изгой... Они все обижаются, художники, а я, как еврей, не имею права обижаться на изгойство, оно мне – как щит, как клеймо, как знак мой...

Ἰ ἰῆα ἰ δαὶ ἰάδῳ

«Ὅτι ἐε δὴ ἰῆα ἰ ἰ ἰ εὐαεεὸ Ἐαἰ ἰ ἰ ἰ ἰ».

– И последний вопрос у меня был написан: что вы цените в женщине, что вас привлекает?

– Близость.

– Способность к близости?

– У меня счастливая мужская биография. Тьфу-тьфу, счастливая. Но я не характерный... Тут очень сложно. Я чувствую, отношение к женщине неправильное...

– Ну как неправильное? У каждого какое есть...

– У меня есть две любимые цитаты: то, что говорил Игорь: «ужасная легкость и невероятное любопытство» и Введенского: «Кажется, что с женщиной никогда не умрешь, что в ней есть вечная жизнь». Как вы понимаете, речь идет только о близости.

– Об этом?

– Только. Никакой философии. Философия есть именно в этом моменте. Другой философии я никогда не знал.

– Коваль как раз говорил, что любовь – штучка скоропортящаяся, и еще он говорил: «Настоящая любовь возможна только в дружбе». То есть он вообще к любви относился пессимистично. Что верно, ведь эта страсть, она же проходит рано или поздно?

– Ну, может быть.

– А потом как сделать, чтобы остаться рядом?

– Дальше продолжать, но не останавливаться, напоминать... Вспоминать, что это такое... И надо, чтобы рядом были люди, которые способны не слишком морализировать. Я вот этого не выношу. Но всё равно я считаю, что недосмотрел что-то, недосмотрел...

– У вас такая колоссальная витальная сила! Пожалуй, больше, чем у всех, кого я встречала. Да, именно то, что говорят, витальность, любопытство к жизни сильное!

– Очень большое. Я даже написал где-то, и повторяю, и даже впервые перенес из книжки в книжку, что «я не дам себя забрать ТУДА, а обнимусь за ветку и буду, окоченевший, висеть, а ОНА будет меня отрывать уже мертвого, отрывать»... Я люблю только реальную жизнь. Это ужас. Я из нее всё возьму! Она мне вся нравится, вся-вся-вся. Я ничего не знаю, что ТАМ, я вообще не смотрю никогда на облака. Это... ограниченность такая страшная, но я не интересуюсь тем, что после, мне нравится только вот эта жизнь. Ненасытно!

Dañeòòíàè è ííääòíàè òàéñà

Èðèí ù Ñéðèàéíé

В конце 1943-го всех отправили в третье гетто: там находились евреи, согнанные из Германии, Венгрии, Чехословакии, из других европейских стран, захваченных гитлеровцами. Начались групповые расстрелы. Каким чудом выжили – не могу понять и по сей день: мы ведь были живыми скелетами.

Дотянули всё-таки до 1944 года. В сентябре, когда Красная Армия приблизилась к Риге, концлагерь ликвидировали. Перед этим стали расстреливать слабых, больных, стариков. Расстреляли и отца. Ему было 54 года.

Оставшихся в живых загрузили в трюмы парохода, отправили в Данциг. В трюме можно было только стоять. Трое суток, пока мы плыли, нас не кормили и не давали воды. Из Данцига повели пешком в лагерь смерти Штутгоф. Целую ночь в снегопад мы провели возле бараков, как всегда, мокрые и голодные. После карантина отобрали 300 евреев и отправили в концлагерь Лауденбург – работать на заводе, где делали подводные лодки. Работа труднейшая. В день мы получали миску горячей похлебки. Возможности помыться не было – почти полгода все ходили грязные, завшивленные.

В ночь с 9 на 10 марта нас построили и снова дали команду двигаться. Утром заперли в каком-то бараке, стоявшем на пути, и начали обливать барак бензином. Видно, собирались сжечь. Но тут вдруг что-то переменилось: бросив нас, немцы расселись по машинам и мигом скрылись. Тогда мы и услышали грохот танков. Это были советские танки. Пришло спасение, хотя поверить в это поначалу казалось трудно...

Нас выпустили и велели идти к какому-то селению. Я нашел на дороге велосипед и через пару часов приехал к месту назначения – на границу Польши и Германии. Попал в дом, где уже находилось несколько бывших узников. Меня вымыли и накормили. Спустя несколько дней я заболел. Это был сыпной тиф. Отправили в госпиталь. Через месяц, после выздоровления, дали справку, что я рижанин, и разрешили ехать в СССР.

С трудом добрался до Берлина. В местечке Вансейзен меня приютила еврейская община, а потом и бумагу дали – просили другие еврейские общины, что встретятся мне на пути, помогать мне, узнику концлагеря. Так я и ехал «автостопом», в товарняках, на открытых платформах. Всюду, где были еврейские общины или синагоги, меня кормили, давали денег на дорогу.

1948 аа

На советской границе сняли с поезда и отправили в фильтрационный лагерь. Прожил я там почти три месяца. По ночам вызывали на допросы, спрашивали не о том, как я выжил, а почему выжил... Наконец выдали справку и бесплатный билет на поезд Гродно – Рига. Так я добрался до родного города. Вышел на перрон, стою и плачу. Вернулся домой, а идти некуда, и никто меня не ждет!

Пошел в сторону своего бывшего дома, и вдруг встретил отцовского приятеля. Он меня приютил у себя и помог разыскать мамину сестру, которая успела эвакуироваться в Ташкент.

Потом начались хождения за паспортом. Три года мне его не давали, заменяли справкой на месяц. Наконец всё-таки выдали – сперва на год, а потом на пять лет.

Я закончил десятилетку, поступил в Рижскую консерваторию на хоро-дирижерское отделение и одновременно начал работать в Рижской филармонии. В 1955 году меня пригласил на работу в Ростовскую филармонию А. М. Луковский. С тех пор я живу в Ростове.

В 1958 году я женился на актрисе Адыгейского государственного русского драмтеатра им. Пушкина. Мне очень повезло, что у меня такая жена. Без Элеоноры меня давно бы уже не было на свете.

Я счастлив, что в Ростове-на-Дону попал в «Хесед Шолом-Бер». Здесь работают замечательные люди! Они окружили меня теплом и заботой. Спасибо им великое...

О своей судьбе мне случилось поведать знаменитому кинорежиссеру Стивену Спилбергу. По его просьбе ко мне приехали кинооператоры и сняли мой рассказ на видеопленку. Спилберг написал мне, что пленка останется в музее Холокоста в Лос-Анджелесе: пусть, мол, потомки знают, что несет фашизм.

Ñæáííé Yéáííîðé.

Ííáõ Ñòðèö

КОРЖАВИН КАК ПЕРСОНАЖ

Аאי אהעו נאדי לא

*А ידאווואוואי יודואעא י ייאואע, ודי א תאאופיעע דאס יייווארמי איעא יאנויוואעו י
עראדאעווי בעאוו לאוי א יעדעאיעיא – יי עע לא איעу, еае аа саее а едтаа адоае. (Аи ди: аи, іа оיעуеі
адоае: едта оаі, аеу еіа і і аіааа аіе е і і тее ааі і ііо ааоіу «Yi iе», «Yi eіe», «Yi i-eіe», – і іеіоеіа
Іаіауіоаі.*

Еоае, аи іеіуір іауіаі еа

Когда я увидел его впервые (это было еще до его ареста), он ходил в длинной шинели (это, впрочем, тогда, в 1945-м, никого не удивляло) и в красноармейском, «буденновском» шлеме (это в 1945-м выглядело уже довольно экстравагантно). А на ногах у него были валенки. Валенки эти сильно поизносились; во всяком случае, подметки их были совсем худые. Поэтому, уже не доверяя прохудившимся подметкам, он продвинул каждый валенок вперед, превратив в подметку переднюю часть голенища. Ну а потом, по мере того как и голенище тоже изнашивалось, он продвигал валенок всё дальше и дальше вперед, превращая в подметку уже следующую, еще не успевшую прохудиться часть голенища.

И в более поздние, уже сравнительно благополучные времена, уже став членом Союза писателей, одевался он в высшей степени оригинально. Не потому, что стремился к оригинальности, а потому, что никогда ничего себе не покупал: носил то, что ему дарили. Однажды явился ко мне в каком-то странном черном полушубке из искусственного меха. Довольно-таки плотная, я бы даже сказал, полноватая фигура его в этом странном одеянии стала совсем уже шарообразной. Оказалось, что полушубок этот ему достался от Маршаков: то ли от Элика (сына Самуила Яковлевича), то ли от внука С. Я. – Саши. Оглядев его («А ну, поворотись-ка, сынку!»), я решительно высказался в том смысле, что ему этот полушубок носить ни в коем случае нельзя, поскольку он придает его облику не просто карикатурный, а какой-то совсем уже нарочитый, прямо-таки клоунский вид.

– Все будут думать, что ты сбежал то ли из цирка, то ли из психушки, – сказал я. – Но дело даже не в этом: никто ведь не поверит, что ты так вырядился случайно: решат, что это какой-то особый, извращенный вид франтовства.

– А-а, – махнул он рукой, – мне и так уже разные люди говорят, что я играю свой образ.

На самом деле никого он, конечно, не играл. Да и сыграть такой образ не всякому актеру было бы под силу.

Один, впрочем, попытался.

Когда на сцене театра имени Станиславского шла Эмкина пьеса «Однажды в двадцатом», главную роль – старого профессора, историка, которого своим учителем считали и красный комиссар, и белый офицер из интеллигентов, и предводитель банды анархистов (тоже деклассированный интеллигент), – блистательно играл Евгений Леонов. Играл он его откровенно «под Коржавина», используя некоторое свое с ним сходство. И когда после финальной сцены они вдвоем выходили кланяться, зал умирал от хохота.

Это, как я уже сказал, было время относительного его материального благополучия. И ходил он уже не в шинели и валенках. А герой его пьесы (действие-то ее происходило «однажды в двадцатом») был одет примерно так, как сам Мандель одевался в те, давние свои, литинститутские годы. Но эта разница была совершенно незаметна: и в самом парадном своем костюме, в каком он выходил на сцену кланяться, Эмка выглядел таким же безбытным бомжом, как и его герой, деклассированный профессор.

Однажды сидели мы с заглянувшим ко мне на огонек Женей Винокуровым. О чем-то увлеченно разговаривали. Поминутно звонил телефон, я поневоле отвлекался от темы и сюжета нашей беседы, Женю это раздражало, и поэтому я старался каждый новый телефонный разговор сводить к двум-трем коротким извиняющимся фразам. Но одним из звонивших оказался Эмка, и ситуация, по поводу которой он мне звонил, была настолько экстраординарна, что разговор с ним сильно затянулся. Женька недоумевал: что это за такой

важный разговор, который у меня нет силы прервать? Особенно изумляли – я видел это по его лицу – слова, которые мне в том разговоре приходилось произносить: «Зил», «Ока», «Саратов»... Когда важный разговор с Эмкой мне наконец удалось закончить, Женька не смог удержаться от вопроса:

– Кто это?

Я сказал:

– Мандель... Понимаешь, какая штука, он покупает холодильник...

Женька прямо задохнулся от хохота:

– Что?.. Мандель?.. Мандель покупает холодильник?!

А отсмеявшись, он вдруг погрузился. И я его понял. Мандель, покупающий холодильник, – это и в самом деле был некий символ, обозначивший конец великой эпохи, торжество презренной прозы над поэзией. Последний «дервиш-урус», последний потомок Хлебникова становился добропорядочным членом общества, неотличимым от всех нас, простых смертных.

Забегая вперед, должен, однако, сказать, что собственный холодильник Манделя не изменил – как не изменил его членский билет Союза писателей и диплом об окончании Литературного института, которого он в конце концов – через четырнадцать, кажется, лет после поступления на первый курс – всё-таки был удостоен.

Да что холодильник, диплом и членская книжка Союза писателей, если даже тюрьма и ссылка не научили нашего Эмку уму-разуму – не укоротили его язык.

Не могу удержаться, чтобы не проиллюстрировать это последнее обстоятельство хоть одной из великого множества вспомнившихся мне сейчас историй.

«Эмка Мандель». Так называла Коржавина вся литературная – да и не только литературная – Москва

Станислав (для всех нас – Стасик) Рассадин был самым молодым в нашей компании. Сейчас эта разница уже почти не заметна, а тогда она казалась огромной. С легкой руки Бори Балтера – самого старшего из

нас – мы прозвали Стасика Малолеткой. Он принял это прозвище с радостным хохотом: ирония, заключавшаяся в нем, не подчеркивала, а скорее смягчала разницу в возрасте между ним и нами.

Разница эта, впрочем, его ничуть не тяготила. Он легко и быстро сходилась «на ты» с людьми, годившимися ему в отцы. Познакомившись с Марком Галлаем, сразу стал – как и мы все – называть его не Марком Лазаревичем, а запросто – Марком. Слегка шокированный Марк попытался деликатно намекнуть ему на несообразность такого обращения, несколько раз подчеркнуто назвав его Станиславом Борисовичем. Но Стасик, не поняв намека, отреагировал легко и непринужденно:

– Ну что вы, Марк! Зовите меня просто «Стасик».

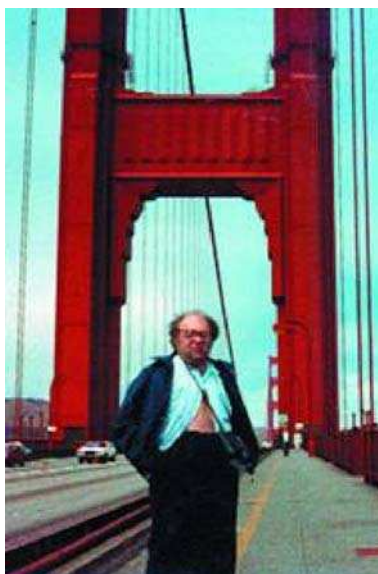
Но это всё было позже. А на первых порах Стасик глядел на всех нас снизу вверх. Не потому, что мы были умнее или образованнее, чем он, а лишь по той единственной причине, что только что минувшую легендарную эпоху все мы застали взрослыми людьми, а он тогда был еще ребенком. Рассказы наши о том, как оно там – тогда! – бывало, он слушал раскрыв рот. Особенно когда говорить начинал Эмка.

Как я уже не раз говорил, так называла в те времена нашего друга Манделя вся литературная – да и не только литературная – Москва. Немудрено, что так же – сразу, как только я их познакомил, – стал его называть и Стасик. В отличие от Марка Галлая, Эмку это Стасиково амикошонство несколько не шокировало: он и сам не признавал никакой другой субординации, кроме субординации таланта. Ну а уж эту субординацию Стасик чувствовал прекрасно. Он обладал счастливым даром: умел влюбляться в талант. И в Эмку влюбился сразу. И на всю жизнь.

Но Эмка, помимо несомненной своей поэтической одаренности и яркой человеческой незаурядности, обладал еще одним качеством, отличавшим его от нас. Он гораздо раньше, чем все мы, понял природу сталинщины. Мудрено ли, что во всем, что касалось оценки самых разных обстоятельств только что завершившейся «сталинской эпохи», Эмка был для Стасика самым высшим, непререкаемым авторитетом. И его речам он внимал, разинув рот уже не метафорически, а – буквально.

И вот однажды мы втроем – Эмка, Стасик и я – решили пойти в ресторан.

Ресторан назывался «Нарва». Это был заштатный, плохонький ресторанчик на Самотеке, рядом с «Литгазетой», где мы со Стасиком тогда работали. Когда отвратная еда «литгазетовского» буфета становилась нам совсем уж неведомой, мы, бывало, захаживали пообедать в «Нарву». Так что посещение этого злчного места событием для нас не было. Хотя – как сказать! Ведь в этот раз мы решили пойти туда не для того, чтобы наскоро пообедать, а чтобы посидеть. А такое в тогдашней нашей жизни случалось нечасто. Может быть, именно поэтому у нас (во всяком случае – у меня) насчет вечернего времяпрепровождения в ресторане (пусть даже таком затрапезном, как наша «Нарва») существовало множество предрассудков. Главным из них было убеждение, что под каждым ресторанным столиком находится звукозаписывающее устройство. (После смерти Сталина прошло уже семь лет, но души наши, заледеневшие в сталинской «полярной преисподней», только еще начинали оттаивать.

ÀàæáÀì àðèéà í á èçì áí èèà àñ íáèèè àá-í íñ àáçáúòí íñ «áíí æà».

«В æéáò í á á Àì àðèéá, ÿ æéáò á ÿì èáñáòèè», – ðéáçæ íí á íáííí ñáíáí èí òáðáíð

Но Эмка – человек не от мира сего. Стасик – несмышленьш-малолетка. Поэтому роль ответственного за политическую сторону предстоящего мероприятия взял на себя я.

– Только вот что, ребята, – сказал я. – Уж пожалуйста: чтобы никаких разговоров на политические темы. Вы меня поняли?

Друзья заверили меня, что да, конечно, поняли, и клятвенно пообещали, что никаких политических разговоров в ресторане вести не будут. Но это была, как выражаются герои Дюма, клятва игрока. Не успели мы выпить по первой рюмке, как разговор – я даже и не заметил, как это произошло, – соскользнул на убийство Кирова.

На эту скользкую тему говорить тогда уже не стеснялись: дело ведь происходило после знаменитого закрытого доклада Хрущева, где на причастность Сталина к роковому убийству было намекнуто довольно-таки прозрачно. Не стеснялись даже повторять пущенную кем-то и сразу ставшую популярной частушку:

Ýä, íáñð-èèè,

Íí èáñð-èèè!

Ñòæèí Èèðíàà óáèè

Á èíðèáñð-èéá

Но не в ресторане же!

Впрочем, сама тема эта – при всех моих страхах – даже и в ресторане не показалась мне особо опасной. Сталина нам как бы уже отдали, так что с ним можно было не церемониться. Но со Сталина разговор быстро перекинулся на второе действующее лицо давнишней драмы.

– А вот Киров? – спросил любознательный Стасик. – Говорят, он был хороший человек. Это правда?

Вопрос, понятное дело, был обращен к Эмке. А выражение Эмкиного лица не оставляло ни малейших сомнений насчет того, каким будет его ответ.

– Да, это правда, – быстро перехватил я инициативу. – Он был очень хороший человек.

Но Эмка не склонен был считать тему эту исчерпанной.

– Как тебе сказать... – начал он.

– Эма! – глядя на него в упор, я металлическим голосом повторил: – Киров. Был. Очень. Хороший. Человек.

Такой реакции с моей стороны Эмка явно не ожидал. На лице его отразилась сложная гамма чувств: сперва недоумение, потом яростное желание ринуться в спор. Но тут ему, кажется, показалось, что он уловил тайный смысл моего загадочного высказывания.

– Да, конечно, – вдруг согласился он. – В этой банде...

N. Dairnāēī aūē māi ūi i tēīāūi ā fāōāē ēīi f'āfēē

Как это ни смешно, но Эмка тоже – как и мы со Стасиком и нашим другом, соавтором и начальником Лазарем Лазаревым, – работал тогда в «Литературной газете». Он, правда, в отличие от нас троих, не был штатным сотрудником газеты: он отвечал на письма читателей. Но на этой своей должности был утвержден (вместе с двумя другими внештатниками, выполнявшими те же обязанности, – Борисом Балтером и Владимиром Максимовым) редколлекцией. Будущий редактор «Континента» Володя Максимов и будущий автор повести «До свидания, мальчики!» Боря Балтер появлялись в газете, как подобает внештатникам, примерно раз в неделю, чтобы принести очередную порцию своих ответов и забрать следующую. А Эмка ходил в редакцию каждый день, как на работу: читал нам вслух самые удачные свои ответы графоманам, которые он писал крупными детскими каракулями на отдельных клочках бумаги, а потом подклеивал эти клочки друг к другу, так что каждое его послание превращалось в этакую длинную бумажную простыню.

Среди наших внештатников, отвечавших на письма (а их за время моей работы в «ЛГ» поменялось немало) были всякие: квалифицированные и не очень, добросовестные и откровенные халтурщики. Но второго такого, как Мандель, мне встретить не удалось. И дело тут было совсем не в том, что он был умнее и талантливее других (хотя и это тоже сразу бросалось в глаза). Главное его отличие от всех – даже самых незаурядных – его коллег состояло в том, что каждый его ответ был, что называется, штучным изделием. Ни в одном своем письме он ни разу не повторил мысль (я уж не говорю – словесную формулу), уже промелькнувшую в его ответе другому адресату. И опять-таки дело тут было не в изобилии имевшихся у него в запасе мыслей и не в какой-нибудь особой его эрудиции. Просто за каждым письмом, на которое ему предстояло ответить, он видел определенного, конкретного человека. И отвечал именно ему.

Один из его ответов так меня восхитил, что я даже воспользовался им, придумывая (годы спустя) название для одной своей книжечки.

История была такая.

Однажды вдвоем с Галей Корниловой (первой женой моего друга Володи Корнилова) мы нанесли визит Ахматовой. Благодаря Володе, которого Анна Андреевна привечала, Галя была к ней вхожа, поэтому визит наш был не совсем официальным.

Анна Андреевна дивным, виолончельным своим голосом прочла нам десятка полтора своих стихотворений, и примерно столько же мы унесли с собой в машинописном виде. В машинописном-то машинописном, но каждое стихотворение было на отдельном листке, на котором красовалась ее подпись, начинавшаяся знаменитым перечеркнутым поперечной чертой маленьким «а». Для редакции я эти стихи собственноручно перепечатал. А листки с ахматовской подписью оставил себе, и несмотря на то что я всегда

инстинктивно следовал заповеди Пастернака («Не надо заводить архива...»), они каким-то чудом у меня сохранились. Так же, как в тот же день щедро подаренный мне Анной Андреевной машинописный экземпляр одного из вариантов (на тот момент, вероятно, последнего) «Поэмы без героя».

Этот мой с Галей (увы, единственный) визит к Ахматовой оказался не напрасным: несколько стихотворений из врученной нам пачки нам удалось напечатать. И среди них – сразу наделавшее некоторый шумок и впоследствии ставшее знаменитым – «И в памяти черной, пошарив, найдешь...»

Шумок вызвали последние строки этого стихотворения:

È áìò áð ñ çàééáì Á òáì, ì áεáó ñò ðíé,

Î éí óÿ è áñè è îðé,

Òááá óéúáí áòÿÿ ì ðáððè òáéüü î Áéíé -

Òðááε - áñééé òáí îð ÿí îðé.

Последней строкой были шокированы даже некоторые пламенные поклонники Ахматовой. Собственно, даже не строкой, а одним ее словом: они не могли смириться с тем, что Блока она посмела назвать хоть и трагическим, но – тенором. В слове этом им чудилось (и может быть, не без некоторых к тому оснований) нечто уничижительное. Может быть, даже ирония, насмешка: «душка-тенор».

Но то – поклонники. А рядовой, что называется, массовый читатель обрушился на этот ахматовский цикл с унтер-пришибеевских, ждановских позиций: зачем, мол, вообще нашей советской газете было публиковать эти декадентские, упадочнические стишки.

Однако одного из этих выпестованных нами унтеров Пришибеевых тоже почему-то особенно задело именно вот это ахматовское стихотворение.

Конечно, выражал он эту свою задетость по-своему, на присущем ему языке. Писал, что глубоко возмущен тем, что в стихотворении Ахматовой «искажен образ великого русского поэта Александра Блока». Искажение же это состояло в том, что Блок, по его глубокому убеждению, не мог улыбаться презрительно. «Нет! – гневно восклицал он. – Не так улыбался наш великий поэт!»

Мандель ответил этому бдительному читателю, что Блок, как и всякий живой человек, мог улыбаться по-разному, в том числе и презрительно. И что ничего обидного для Блока в этой строчке Ахматовой нет.

Нечто похожее ему мог бы написать любой из наших – штатных или внештатных – литконсультантов. Но последнюю, завершающую фразу мог написать только он, Мандель, за каждым читательским письмом видевший автора, заслуживающего именно вот такого, а не другого какого-нибудь ответа.

Вот какой она была, эта его заключительная фраза: «Как бы то ни было, следует всё-таки признать, что Блок улыбался ей, а не Вам».

A. Aifé

«Ὀὐαῖ-αῖεὲ οἰίῶ ἰῖῖ»

Я уже говорил, что все эти свои ответы на письма читателей Мандель писал на отдельных клочках бумаги, а потом подклеивал эти клочки друг к другу, так что каждый такой ответ превращался в длинную бумажную ленту.

Так же выглядели и все новые его стихи.

Эти свои бумажные «простыни» он постоянно терял, а потом они обнаруживались в самых неожиданных местах, что было по тогдашним временам не вполне безопасно. (Стихи Манделя, как правило, совсем не предназначались для постороннего глаза.)

Ответы на письма читателей перепечатывала – первый экземпляр на бланке – секретарь нашего отдела Инна Ивановна. Так что они сохранились для потомства (вторые экземпляры, может быть, и сейчас хранятся в каких-нибудь «литгазетских» архивах). Во всяком случае, судьба Эмкиных ответов, какими бы замечательными они ни были, не больно меня беспокоила. А вот судьба его стихов особого спокойствия не внушала. Конечно, до поры до времени он их – думаю, что все, начиная с самых ранних, – помнил наизусть. Но память – штука не надежная, и время от времени я у него спрашивал, переписаны ли (или перепечатаны) его стихи надлежащим образом, и говорил, что мне хотелось бы на них взглянуть. Отвечал он на эти вопросы уклончиво. А между тем этот мой интерес к его рукописям был отнюдь не праздным.

В то время мы постоянно говорили о том, что надо бы нам с ним наконец составить его книжку и отдать ее в издательство. («Советский писатель», конечно.) Но эти наши разговоры так и оставались разговорами, наподобие тех, которые вел Манилов с Чичиковым.

До поры до времени я так к ним и относился, как к мечтам Манилова о том, что хорошо бы от дома провести неведомо куда подземный ход, а через пруд выстроить мост, «и тогда Государь сделает нас генералами».

Но в какой-то момент я понял: сейчас или никогда.

Смерть Сталина и хрущевская оттепель, начавшаяся XX съездом, открыли некую щель в непроницаемой железной стене, защищающей чистоту и непогрешимость официальной советской литературы, и сквозь эту щель ворвалась – сперва в нашу поэзию, а потом и в прозу – целая плеяда новых имен. Это были те, кого потом не слишком удачно назовут шестидесятниками: Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина, Аксенов, Гладилин, Войнович, Владимов. В этом потоке молодых были и люди иного возраста, начинавшие

раньше, но проникнуть на страницы официальной печати сумевшие лишь теперь: Слуцкий, Самойлов, Домбровский, ну и, наконец, Солженицын.

У Эмки, при всей неординарности его фигуры, появились вполне реальные шансы тоже покончить наконец с «самиздатским» периодом своего литературного бытия. Но медлить с этим было опасно: приоткрытая Хрущевым «дверь в железной стене» могла захлопнуться в любой момент.

Опасность такая была и раньше. Хрущева постоянно мотало из стороны в сторону: то он говорил про Сталина, что «черного кобеля не отмоешь добела», то вдруг заявлял, что в некоторых вопросах (в области идеологии, например) остается верным учеником и продолжателем дела Сталина. Но размах этого маятника, что ни день, становился всё круче, и к концу 1962 года (встреча в Манеже) стал уже совсем угрожающим.

Отчасти это, наверно, объяснялось давлением на Хрущева его откровенно сталинистского окружения, которому он не всегда мог противостоять. Но немалую роль тут играл и своеобразный характер нового нашего вождя.

«В натуральную величину», то есть вживе, я Хрущева видел лишь однажды. Но этого одного раза мне вполне хватило.

Это было в конце 1959-го. Шел Третий Всесоюзный съезд советских писателей. И на последнем его заседании – в Кремле – с большой речью выступил «наш Никита Сергеевич».

Появление его на трибуне вызвало не слишком бурные, я бы даже сказал, скорее вялые аплодисменты.

Вздев очки и раскрыв бювар с заготовленным текстом, он минуты три бубнил что-то привычно-безликое (в духе «Мы будем и впредь...»), не отрываясь от того, что ему там понаписали. Но больше трех минут не выдержал: отложил листок с напечатанным текстом, улыбнулся – нормальной человеческой, какой-то даже слегка конфузливой улыбкой – и сказал:

– Вот что хотите со мной делайте, не могу я выступать по бумажке...

Зал взорвался аплодисментами – на сей раз живыми и искренними.

Обрадованный поддержкой, Хрущев слегка развил эту тему:

– По бумажке оно, конечно, спокойнее. Особенно перед такой аудиторией. Но – не могу. Пусть даже скажу что-нибудь не так, но буду говорить без бумажки... – И решительно отложил бювар с напечатанным текстом в сторону.

Аплодисменты усилились. Пожалуй, теперь их можно было даже назвать бурными.

И тут «наш Никита Сергеевич» сразу охамел.

Стал учить писателей уму-разуму. Заговорил об ошибочных тенденциях, проявившихся в литературе в последнее время. Назвал осужденный партийной печатью роман Дудинцева «Не хлебом единым», в таком же осудительном тоне упомянул Маргариту Алигер, которую назвал «товарищ Елигер».

Зал снова приуныл. И он, надо отдать должное его интуиции, сразу это почувствовал.

– Ну ладно! – И опять улыбнулся своей милой конфузливой улыбкой. – Покритиковали мы этих товарищей, справедливо покритиковали – и хватит... Хватит уже напоминать им об их ошибках...

Эти слова были встречены уже самой настоящей овацией. И тут он насторожился. И, погрозив залу пальцем, неожиданно заключил:

– Но и забывать не стоит!

Вынул из кармана ослепительно белый носовой платок, для наглядности завязал на его краешке узелок и показал залу:

– Вот! Узелок на память завязал. Так что не сомневайтесь. Всё помню. Каждую фамилию помню. И товарища Дудинцева, и товарища Елигер...

Зал снова приуныл, и его интуиция снова сработала.

– Знаете, как бывает, – сказал всё с той же милой своей улыбкой. – Иную книгу начнешь читать – и прямо засыпаешь... Булавкой надо себя колоть, чтобы не заснуть... А вот книгу товарища Дудинцева я, скажу честно, читал без булавки...

Снова овация.

– Но нельзя, товарищи! В идеологии никакого мирного сосуществования допускать нельзя. И мы его не допустим!

И так его мотало из стороны на протяжении всей его чуть ли не двухчасовой речи. (Был тогда у нас в ходу такой анекдот. Вопрос на засыпку: «Можно ли завернуть в газету слона?» Ответ: «Да, можно, если в ней напечатана речь Никиты Сергеевича».)

В общем, чуя обстановку и помня это свое яркое впечатление от живого образа нашего вождя, я в один прекрасный момент сказал Эмке, что тянуть больше нельзя. Пусть принесет мне все свои стихи, и мы наконец сядем за составление его будущей книжки.

И тут он признался, что своих стихов не то что в перепечатанном, а даже просто в от руки записанном виде у него нет.

Представляете?

У Хлебникова, как мы знаем по воспоминаниям современников, была наволочка от подушки, в которую он запихивал клочки бумаги со своими стихотворными текстами. А у этого обормота даже наволочки и той не было. То есть «в плане общей поцоватости», как выразился Боря Слуцкий, он переплюнул даже самого Хлебникова.

– Что же мы будем делать? – растерянно спросил я.

– Я позвоню Цалкину, – сказал он, – договорюсь. И на днях мы с тобой к нему сходим...

Я, естественно, понятия не имел, кто такой Цалкин и чем он может нам помочь.

Эмка объяснил, что Цалкин – его приятель, биолог. Очень, кстати, интересный человек. Этот Цалкин – давний его поклонник. И у него есть все его, Эмкины, стихи. Так что я могу не волноваться, всё будет в порядке.

Цалкин оказался очень милым пожилым человеком (лет на двадцать старше меня и Эмки). Он угостил нас чудесным цейлонским чаем и удовлетворил мое любопытство по поводу непотопляемости «народного академика» Лысенко. Я спросил его: почему никто не решается разоблачить это жулика даже теперь, когда уже труп Сталина выкинули из Мавзолея? Он ответил:

– Понимаете, какая штука: наше сельское хозяйство находится в таком ужасающем состоянии, что спасти его может только чудо. А Лысенко – поставщик чудес. Представьте. Приглашают на совет серьезных ученых, спрашивают: что делать? Они говорят: то-то и то-то. И через десять-двадцать лет урожайность повысится на два-три процента. А Лысенко говорит: надо сажать квадратно-гнездовым способом, и на следующий же год урожайность вырастет втрое.

Эмкины стихи этот милый человек действительно собирал и хранил и, узнав, для чего они понадобились, отдал их нам без колебаний. И Эмкина книжка была составлена, отдана в издательство и в конце

концов (не без некоторых приключений, рассказ о которых еще больше затянул бы мое повествование) увидела свет.

Í. Óδύιατ «Íá μί ιάαδεδάμμí Áñ ηίí íρ. Êαααήρ θάι εέερ ηίí íρ. Ê δíαδεδύα Áσείόάαα, é δíαδεδύα Áέεάα...»

Áñ ηόí ηέεμí çàðýí óααάμμý íò ηò óí εάíεά íí ίάάí αέέíμμí í ίά αέý δíμ, ÷δíαú ίάμμíεòú é ííáòάαδεδòú αεά ηεααί ίίá: Í αδθαέ ηάααίόíδεíýε Ýí εó é ηέρπαεé αά, ηίòíí ó÷δí íí-θýε á íáí áρò ηόí αά εδíáí ίá δíάηδάí ηéαάíεέíαú. Δíάηδάí ίά íí í δεάάαεαί ίíηδé é θάí εέε εíúí ηδεδóíαúí όíδí áí, á ηí αέείηδóαú íí áíçí ίαεííí ó αέý ίάά μί íμáó ηύααηδάíάáí εý.

Ναί Í αδθαέ άάμμó ίαεά (εάεέí íάδάάίεμμí ηόí αú ίε εάααείμμí) αúε ηé αέαάíεέíαúí áάíάέμμí ί αέεçέíí δíάηδάí Δαçá ίά ηδíáí é θεάάíεέíαηέíí ó μί ίμáó ηύααηδάíάάí εý αúεí ηόí αά δάáí ίάθσεά εí άάú άíαοίεí όíδí áí αúδεý: ηόα όίεíάíάý ίάηρδíάý εάαδεδéα, ηόα αά μί ίμáίíηδú ίά-εηδóí çαáúδú ίδí ίάάόίάεí ηδúάάú ý ίò άάú άίε ίάάάδúé αεείαδú Í á çáη, εάεέí ηí αúε á í ίεíάíηδé, ίí á όó ίíδú εíάάá ý αά όçíáε, ό ίάά αúεí, εάé í ίá εάααείμμí, όίεμμí ίάίί αεάάíεά ίεíηδú ηδεδé, ÷εòάδú ηδεδé, άάí άδú í ηδεδάα, άάíδεδóú í ηδεδάα. Άηέε é αúεé ό ίάά εάεεά όí άδύεά αεάάíεý, çá-εò, ίíé ηάάεé á ίάά ηόίε αέείηδóαú ίíε αά ίάηδóγυαé, άάú ίάέíαηρύαé ηδδάηδé.

Íí ηδεδé - é ηόí, ίíαεάόé, μμí ίά αεάάíά - αúεé αέý ίάά άάεíú ίά ηάí é ηí ηάά, á εέθúí ííηδóίεμμé ίíηεíεμμé ίíé αúεé άúδάαεάίεάí (é ίδδάαεάίεάí) αά άδδíάίίε, άúδδάíάé αεçίé. (Íí ίάηδóγυεά ηδεδé άάμμí όίεμμí όάεέí é é í ίάδó αúδúí)

Όόó í ίά άάííí εíάάδóμμý δάεάý εηδóδεý.

Íαεí ηίεíάíε ηίγò ίάάδεδεήμμý é Á. Ê. Íάηδάάίάεó ηί ίδúηάíε ίδú:άηδú é ίθάíεδú αά ηίγòε-άίεεά ίíúδú.

Íá ηόó ηέδúí ίθρ é, εάααείμμí αú, δάεθρ άηδάηδάí ίθρ ίδúηάό Áíδεν Êάíεεάíε- ηίάεíόíδúí - ίάμáμμí άάεάίίγúδúí - δαçάδάαεάίεάí ίδάδεδé, ÷δí όíό ίάδδεδεήμμý é ίάí ό ίά íí άάδúηε

Êíάάá í ίε ÷εòάδúé é ηí-εòάδúé ίάδδúαηρδóμμý εí í ίά ηί δúηάάí é, ηίάíáíúí é Áαοάé, ý ηí ηάαεάίεάí εέé δαçάδάαεάίεάí άηδάάάεεάηρ, ÷δí, çá-εò, ίíé á ίάάηδóδóí-ίíé ηδάíάíε ÷εòάδúé é ηí-εòάδúé í ίε, ηίòíí ó÷δí ίά ííγεé άí í ίά άεάάíά: ÷δí ý «ηδεδóíά άίίάúá» ίά ερπαερ, á ííγεé, εάé άά ίδεíýδóí ηίίεí άδú ίά δαçάεδάηρúí ÷δí ý ίά ηάμμý, ίά όάí εòάεúά ηόίε ίάεάηδé...

Άηέε Áú δαçάεεδά ερπαεé ίά ίάδδεδεíúó é άάμμáδδεδεíúó, í αε÷έí é αάíúεí, í άδçάάάá é ηíδýάí:ίúá, ηόí áñ áúά ίά όάεéά δαçεé:ίúά εάδάάδεδé, ίά όάεéά ίδúδεδάííεέίαίíηδé, εάé ίδóίίθαίεά íάεάó ííρ é ίδúδεδάííεέίαίúí íίά íεδúí, á εíδóíδí ερπαýò, όάíýò, ηίίεí άηρò, μ άεθρò é ίάμμáηρò ηδεδé, ίεθóò εθ é ÷εδάρò. Ýδóí é εδú ίά ίίεýδúúé é άδάαεάάάíúé...

ЗА ЩИТОМ ЭРЕНБУРГА

Семен Шпунгин

Должен прямо сказать, что мое отношение к Илье Эренбургу никогда не было, да и сейчас не может быть беспристрастным. По той причине, что в нем нашел я в далекой юности своего ангела-хранителя. Он принял близко к сердцу злоключения подростка, вырвавшегося из гетто. И если бы не наша встреча, случившаяся за восемь месяцев до конца войны, моя дальнейшая судьба, возможно, повернулась бы иначе. По сей день многие, кто понаслышке знает об этом, считают меня воспитанником, а то и приемным сыном Эренбурга. В действительности всё обстояло несколько по-другому...

Я видел Илью Григорьевича в разных ситуациях – и в славе, и в опале. Он знал себе цену и болезненно переносил нападки официальной критики. Находиться в тени было ему нелегко. Легко ранимый и чувствительный к обидам, Эренбург иногда поддавался тягостному настроению, но вел себя сдержанно, стараясь не показывать на людях свое состояние. Это не всегда удавалось. Тем не менее, даже попадая в немилость к «партии и правительству», он не опускал рук. Работа была его спасением. Она отвлекала его от всех напастей. В общении этот человек был очень доступен, лишен высокомерия, умел слушать и располагать к себе собеседников...

Эренбург был, конечно, далек от привязанности к еврейским традициям. Но его еврейское сердце обливалось кровью от того, что сотворили нацисты с его народом. Вместе с Василием Гроссманом он решил показать миру истинную картину совершенных злодеяний, возложив на себя невероятно трудную задачу – составить и опубликовать «Черную книгу». Она долго и тщательно готовилась, но так и не вышла в свет. Весь тираж был уничтожен, типографский набор рассыпан, а рукописи конфискованы в 1948 году, когда в Москве разогнали Еврейский антифашистский комитет. Понадобилось еще более тридцати лет, чтобы «Черная книга» восстала из небытия. Примечательно, что это произошло в Израиле, где ее почти полностью воспроизвели на основе материалов архива Эренбурга. Первое издание состоялось в 1980 году.

* * *

Начну с того, при каких обстоятельствах я впервые узнал об Илье Эренбурге. Мне было двенадцать лет, когда в самом начале войны немцы захватили Даугавпилс (Латвия), и наша семья оказалась в каменном мешке предместных укреплений, превращенных в гетто. За неполный год здесь было уничтожено

более двадцати тысяч человек. Я потерял родителей, сестру семи лет, близких и далеких родственников, всех, кто оставался в городе. Мое спасение для меня самого непостижимо.

В гетто иногда попадали газеты, выходившие при немцах, такие, как «Новое слово» или «Тевия» и «Даугавас вестнесис» (на латышском). И в них довольно часто появлялось имя Эренбурга в сопровождении злобной ругани, антисемитских кличек и карикатур. Читая между строк, евреи понимали, что его статьи стали нацистам поперек горла, и потому они его так ненавидят. Именно тогда в моей мальчишеской голове зародилась фантазия, которой я стал предаваться всё чаще и чаще. Если, Б-г даст, я выживу, думал я, то непременно расскажу Эренбургу обо всем, что тут происходило, о том, что я испытал и видел своими глазами.

Впоследствии, когда я уже находился в бегах, работал у крестьян под чужим именем, выдавая себя за беженца из России, приключился случай, еще более укрепивший мою наивную мечту. Однажды я оказался в доме, где на этажерке стоял радиоприемник. Хозяйка зачем-то вышла во двор, оставив меня одного. Я метнулся к аппарату, включил его и стал лихорадочно вращать ручки, настраиваясь на Москву. И вот я уловил голос диктора! Он говорил о возмездии, наступающем фашистов, о неминуемой расплате за все их злодеяния и о великой победе, которая теперь уже не за горами. Это длилось всего несколько минут. Я прильнул к приемнику, боясь шелохнуться, но передача уже подходила к концу. И вдруг: «Мы передавали статью Ильи Эренбурга...» У меня мурашки пробежали по телу...

Советская армия взяла Даугавпилс и его окрестности 27 июля 1944 года. Освобождение застало меня в деревне Кейши Калупской волости. Не буду описывать свои переживания. Я сразу вернулся в мой город, полуразрушенный, пыльный, совсем не такой, каким помнил его с детства. Я видел много людей, но среди них – ни одного еврея и вообще ни одного знакомого. Для меня это была пустыня.

Вскоре я узнал, что проводится набор на курсы ОСОАВИАХИМа, находящиеся в пригороде Москвы. Услышав слово «Москва», я, конечно, загорелся желанием попасть туда. Это было трудно, но меня всё же взяли, несмотря на то что совсем не подходил по возрасту. Мне было пятнадцать лет.

На курсах работали два отделения – собаководов и саперов. Меня определили на второе. Здесь учили обезвреживать взрывные устройства. Но я, как ни старался, всё не мог в них толком разобраться. Курсантов готовили к отправке на минные поля.

После занятий и по выходным я ездил в Москву. Она ошеломила меня. Такого огромного города я никогда не видел. Но было еще одно очень сильное впечатление: по улицам свободно ходили евреи! Каждый, кого я принимал за еврея, вызывал неодолимое желание подойти и завести разговор под любым надуманным предлогом. Меня не отпускали мысли о пережитом.

Так я познакомился с человеком средних лет у входа в большой дом, на котором была вывеска научного института. Приветливый и общительный, этот человек внушал доверие. Слово за слово, и я уже излагаю ему свою историю, а он слушает меня внимательно и задает вопросы. Отвечая на один из них, о том, что меня интересует в Москве, – я поделился своей давней мечтой о встрече с Эренбургом...

Мой собеседник взглянул на меня, чуть улыбнулся и попросил немного подождать. Он скрылся за дверями института и через какое-то время вернулся с запиской в руке:

– Здесь адрес и телефон писателя Овадия Герцовича Савича. Пойдите сначала к нему, прямо сейчас, а потом вас сведут с Ильей Эренбургом. Вечером он будет вас ждать.

Подобное бывает в сказках! Я понятия не имел, кто такой Савич. Лишь позднее узнал, что это самый близкий друг Ильи Эренбурга. Они неразлучны были с начала 20-х годов. Одновременно работали во Франции, писали репортажи о Гражданской войне в Испании, постоянно встречались, общались семьями. Савич – автор нескольких романов, ряда повестей и рассказов, но особенно ценились его переводы стихов поэтов Франции, Испании и Латинской Америки.

Чета Савичей проживала на Старом Арбате (тогда просто Арбате). Хозяева приняли меня радушно, были со мной очень обходительны. Они усадили меня за стол, накормили и всячески старались, чтобы я чувствовал себя непринужденно. Теплоту, которой меня окружили, впоследствии я ощущал постоянно, когда бы ни приходил в этот дом. Аккуратно одетый, подтянутый, с темной шевелюрой, тронутой проседью, Овадий Герцович был мягким и удивительно деликатным человеком. Под стать ему была Аля Яковлевна, во внешности и манерах которой улавливалось нечто аристократическое. Много лет спустя я случайно узнал, что она дочь

знаменитого московского казенного раввина, юриста по образованию, Якова Мазе, чье имя вошло во все еврейские энциклопедии...

Мы долго сидели с Овадием Герцовичем у письменного стола и вели разговор о даугавпилском гетто. Он вникал в мельчайшие подробности, связанные с моей судьбой, уточнял имена людей и даты недавних событий. Он детально расспрашивал о моем побеге и о том, как меня поймали и доставили в гестапо, а потом чудом выпустили оттуда, поверив, будто я отстал от поезда с беженцами. И всё это Савич заносил в тетрадь, заполняя страницу за страницей. Сделанные им записи позднее легли в основу отдельной главы в «Черной книге» («Рассказ Семы Шпунгина»). По окончании беседы Савич позвал из соседней комнаты племянника и попросил проводить меня к Эренбургу.

И вот минут через сорок мы в квартире Эренбурга на Горького, 8. Он приглашает меня в свой кабинет и указывает на мягкое кресло. А я смотрю на него во все глаза, не оглядываясь и не замечая вокруг предметов, столь запомнившихся мне по будущим посещениям: большой стол, заваленный бумагами и журналами, стеллажи с эренбургскими книгами на разных языках, его портреты работы Пабло Пикассо и других выдающихся художников, знаменитая коллекция трубок. Я вижу тихого, чуть сутулого человека в мешковатом твидовом пиджаке и пытаюсь осознать невероятное. Ведь это сам Эренбург, и при желании можно даже прикоснуться к нему!.. Голос Ильи Григорьевича выводит меня из замешательства. Коротко, по-деловому он задает всего два вопроса, причем неожиданных. Во-первых, желаю ли я остаться в Москве и, во-вторых, намерен ли пойти учиться в школу. На то и другое, не задумываясь, отвечаю утвердительно. Больше ни о чем он не спрашивает, успев, как видно, уже созвониться с Савичем. И на прощание:

– Хочу вам помочь. Наберитесь немного терпения. Как только выясню возможности, дам знать...

А через две-три недели бессменный секретарь Эренбурга Валентина Ароновна Мильман, обыскав Москву через своих знакомых и их знакомых, нашла семью, согласившуюся принять «мальчика из гетто». Софья Борисовна Лифшиц, муж которой погиб в ополчении, ее старенькая мать и дочь-студентка занимали две комнаты в коммунальной квартире на Тверском бульваре. Софья Борисовна преподавала на кафедре политэкономии в Институте иностранных языков. Это была женщина с властным характером и добрым сердцем. В семье, приютившей меня, я чувствовал себя хорошо и не знал забот, хотя жили мы в некоторой тесноте и по карточкам. Я мог лишь догадываться, что Эренбург и Савич оказывают денежную помощь, но мне об этом ничего не говорили.

Н. О'исаи.

1944 г.

На первых порах у Эренбурга было со мной немало хлопот. По его просьбе генерал, возглавлявший ОСОАВИАХИМ, издал приказ о моем увольнении «по несовершеннолетию». И с указанием, чтобы мне оставили выданное обмундирование. Вдобавок Эренбург прислал свою фронтовую шинель и еще кое-что из своей военной экипировки. Далее встал вопрос о прописке. В закрытой Москве, да еще во время войны, это было непросто. Опять всё решил звонок Эренбурга, за которым последовало распоряжение начальника Управления милиции столицы...

Но тут оказалось, что у меня нет никаких документов, кроме справки об отчислении с курсов. Пришлось сначала оформлять в ЗАГСе свидетельство о рождении «по восстановлению возраста».

Непредвиденный случай произошел потом в отделении милиции, куда я явился для прописки. В отдельной комнате двое в штатском учинили мне допрос прямо с порога: «Какую разведывательную школу вы кончали у немцев? Быстро назовите расположение и даты! Отвечайте!!!» Сперва я опешил, а потом взорвался. В конце концов чекисты стали меня успокаивать. Помню их слова напоследок: «Уж извините, у нас работа такая».

Учиться я пошел в заведение под названием «Городская очно-заочная школа». Пропустив три года, в обычной школе я был бы «переростком». Ко всему прочему я совсем не знал русской грамматики. Весь мой довоенный багаж в Латвии – это три класса на ашкеназском иврите и еще четвертый на идише. Тем не менее за один учебный год я одолел в Москве и пятый, и шестой классы.

Я встречался с Валентиной Ароновной Мильман, другими людьми из круга общения Эренбурга и Савича. Появились и новые знакомые. Нередко я посещал Еврейский антифашистский комитет на улице Кропоткина, где, случалось, разговаривал со Львом Квитко, Ициком Фефером, Перцем Маркишем. А однажды меня пригласил Василий Гроссман, чтобы написать обо мне корреспонденцию для зарубежных газет. Она была передана через «Совинформбюро».

Я ненасытно читал книги, желая наверстать упущенное, и даже слагал стихи, о чем не стоило бы вспоминать, не будь у этого возрастного увлечения некоторых последствий. То, что у меня тогда получалось, стихами назвать можно с натяжкой. Ума не приложу, как я осмелился показать свои «произведения» Эренбургу. Илья Григорьевич, просмотрев исписанные листки, только и сказал: «Есть удачные строки, но вам предстоит много работать над собой». Мало того, позднее я так же самонадеянно послал свои сочинения Василию Гроссману. Он ответил откровенно: «...Стихи твои прочел, спасибо, что не поленился их прислать. В стихах есть удачные строки, но – много грехов, чувствуется недостаточное знание русского языка. Надо тебе побольше читать и строже относиться к каждому написанному слову. Если будешь писать записки о гетто, старайся писать точно и просто».

3 марта 1945 года газета «Эйникайт» («Единение»), издававшаяся на идише Еврейским антифашистским комитетом, поместила статью с моим портретом под весьма «оригинальным» заголовком «СЕМА ШПУНГИН». Статья завершалась словами: «Солдаты Красной Армии! Вас благословляют дети, которых вы спасли из фашистского ада! Вас благословляют матери, сестры и братья!»

День Победы до поздней ночи я провел в ликующей толпе на Красной площади, которая освещалась прожекторами и россыпями разноцветных огней незабываемого салюта.

О статье в газете «Эйникайт» случайно узнали две сводные сестры моей мамы, которые еще до первой мировой войны уехали в Петербург, вышли замуж и постоянно жили там. Одна из сестер, тетя Нюта, поспешила в Москву, чтобы повидаться со мной. При встрече она обняла меня, расплакалась и стала настойчиво уговаривать переехать в ее семью. Я согласился, и спустя несколько месяцев – осенью 1945 года – покинул Москву.

В Ленинграде родственники приняли меня как сына. Но едва начав посещать школу, я серьезно заболел. У меня обнаружили открытую форму туберкулеза. Мне казалось, что это конец. Не только болезнь ввергла меня в отчаяние, но и необходимость бросить школу. У меня сохранилось письмо Савича, присланное в ответ на мое сообщение о случившемся. Это письмо было для меня большой поддержкой, а лестные слова о моих способностях скорее говорят о сердечности Савича и его добром отношении ко мне. Приведу лишь отдельные отрывки:

«Милый Сема, нельзя так отчаиваться... Вы спаслись, Вы нашли родных не для того, чтобы болезнь парализовала Вас... Вам ли не знать, что гибнут безвольные, не сопротивляющиеся. Найдите в себе мужество тех дней, когда Вы бродили по дорогам, спасая свою жизнь... Эренбург сказал мне, что на Нюрнбергском процессе один ленинградец, фамилии которого он не помнит, говорил ему про Вас и называл подающим надежды начинающим поэтом. Он прибавил, что Вы еще нетвердо знаете русский язык... Что делать, придется, может быть, пожертвовать год учебы. Зато подумайте, многие ли в Вашем возрасте столько пережили и многие ли уже обратили на себя такое внимание своими способностями. Право же, одно стоит другого...»

Меня лечили и поставили на ноги в Туберкулезном институте на Лиговке, а потом еще долго приходилось терпеть неприятнейшую процедуру «поддувания» легкого. Летом 1946 года я возвратился на родину – в Даугавпилс, где климатические условия были более благоприятными для моего выздоровления. Здесь я жил в семье дяди Моисея, младшего брата моего папы. В начале войны он успел эвакуироваться и вернулся инвалидом, потеряв сына на фронте. Дядя был фотографом, дом его со студией уцелел, и потому он

мог снова заниматься своим делом. А я окунулся в учебу, каждый год «перепрыгивая» через классы, которых в школе у нас было тогда двенадцать.

Связи с моими московскими покровителями не прекращались. Эренбург однажды прислал мне двухтомник Александра Блока, а потом и свои романы «Падение Парижа» и «Буря». У Эренбурга, между прочим, был настолько неразборчивый почерк, что никто из моих знакомых по сей день не может расшифровать простую дарственную надпись: «Семе Шпунгину на добрую память – Илья Эренбург». Только подпись автора различима.

Через два года, т. е. в 1948 году, я уже учился в выпускном двенадцатом классе и готовился к экзаменам на аттестат зрелости. Но как раз в это время возникли обстоятельства, выбившие меня из равновесия. Мой дядя настаивал на том, чтобы, закончив школу, я не думал ни о каком вузе, а освоил ремесло фотографа. В ответ на мое письмо по этому поводу Илья Эренбург откликнулся несколькими строчками, отпечатанными на машинке: «Дорогой Сеня, спасибо за письмо, советую не обращать внимания на домашние неурядицы и налечь на учебу, чтобы потом легче было бы попасть в высшее учебное заведение. Шлю сердечный привет...»

В том же духе сразу написала мне и Валентина Ароновна Мильман, секретарь Эренбурга: «Сема, голубчик... чувствую, что тебе сейчас трудно и даже очень. Советую тебе одно: всё, поскольку возможно, отложить в сторону и сосредоточить все силы и стремления на учебе. Вот надо, чтобы были все пятерки, – тогда дорога перед тобой открыта... А мы все, которые тебя любим и в тебя верим, постараемся сделать так, чтобы тебе было легче и интересней жить... Тебе ведь осталось так немного – соберись с силами и нервами и сделай всё на “отлично”»...

Весной следующего года я получил аттестат зрелости с серебряной медалью. Тогда это позволяло быть принятым в высшее учебное заведение без вступительных экзаменов. И я, конечно, поехал в Москву, преисполненный радужных надежд. Не раздумывая, пошел в Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова сдавать документы на отделение журналистики филологического факультета. Но не тут-то было: в приемной комиссии, как только увидели пятую графу моего паспорта, сказали, что у меня нет никаких шансов на зачисление. И отправили восвояси без всяких объяснений. Я не учел, какое это было время, не знал, что уже разгромили Еврейский антифашистский комитет, арестовали крупнейших еврейских писателей, зверски убили Михоэлса и что уже исподволь вынашивались другие зловещие планы.

Что было делать? Я обратился за советом к Эренбургу, предположив, что, может быть, стоит переориентироваться на Литературный институт имени Горького. Илья Григорьевич не мог ничего посоветовать в этой ситуации. Он, как и я, сомневался, но всё же позвонил при мне поэту Е. Долматовскому с просьбой «подкорректировать» мои стихи, поскольку в институт надо было представить образцы творчества. Чего уж греха таить, Евгений Аронович несколько часов поработал со мной в роли придирчивого редактора. Дальнейших осложнений не было. Так я стал студентом вуза, не связанного с моими намерениями.

Я успешно сдал экзамены и зачеты за оба семестра, но когда кончился учебный год, случилось неожиданное. Большинству из тех, кто был принят на первый курс прямо со школьной скамьи, вернули документы с обещанием перевода в педагогические вузы...

Так начался новый виток моих приключений на подступах к высшему образованию. И здесь не обошлось без вмешательства Ильи Эренбурга, но прежде, чем рассказать об этом, необходимо изложить предшествующую почти детективную историю. Я снова понес документы на филфак МГУ, но там, как и в прошлом году, не стали со мной разговаривать. Тогда я решил обратиться за содействием в Союз советских писателей СССР, при котором числился Литературный институт имени Горького. В приемной генерального секретаря ССП А. Фадеева сидел импозантный посетитель – человек в очень темных очках и с тростью в руке. Вдруг он посмотрел на часы и, сказав секретарше, что вернется ровно через час, ушел. Поскольку его лицо показалось мне знакомым, я поинтересовался, кто же это был, и выяснил – Вилис Лацис...

Я не мог не воспользоваться этим обстоятельством, зная, что писатель занимает высокий пост главы правительства Латвийской ССР. Дождавшись его возвращения, я с его позволения рассказал ему о своей проблеме. Лацис был в хорошем расположении духа.

– Что ж, я понимаю ситуацию, – сказал он. – Раз вы из Латвии, не будем жалеть бумаги! Пойдите в Постоянное представительство Совмина республики на улице Чаплыгина и попросите от моего имени постпреда Паэглэ написать ходатайство в Московский университет. Я ему тоже скажу об этом. А если ходатайство не поможет, сообщите мне. Что-нибудь придумаем.

Официальную бумагу из постпредства я передал в деканат факультета, где ее рассмотрели и... отклонили. Глухая стена! Тогда я написал письмо в Ригу на имя Лациса, не очень, правда, надеясь на какой-либо результат. Но дней через десять, 18 июля 1950 года, вдруг получаю правительственную телеграмму, состоящую из нескольких слов: «ПИСЬМО КАФТАНОВУ ВЫСЛАНО ЗАМПРЕД СОВМИНА ЛАТВИИ ОСТРОВ». Вскоре я узнал содержание «депеш», адресованной министру высшего и среднего специального образования СССР. Правительство республики, оказывается, просило зачислить меня на второй курс отделения журналистики филфака в счет брони Совмина Латвийской ССР! Это означало, что Московский университет не сможет больше сопротивляться.

Так и произошло. Меня приняли беспрекословно и даже выписали студенческий билет! Но, увы, я слишком рано обрадовался. «Детективная» история продолжалась. Когда осенью начались занятия, моего имени не оказалось в списке студентов отделения журналистики. Я обнаружил его совсем в другом месте – на романо-германском отделении. В деканате сказали: «Такое решение принято...» И вот, впервые посетив практическое занятие на семинаре, я почти ничего не понял со своим школьным немецким – настолько далеко здесь продвинулись в изучении языка.

È. Ýðáí áóðä

Вí ààðü 1945 ã ä

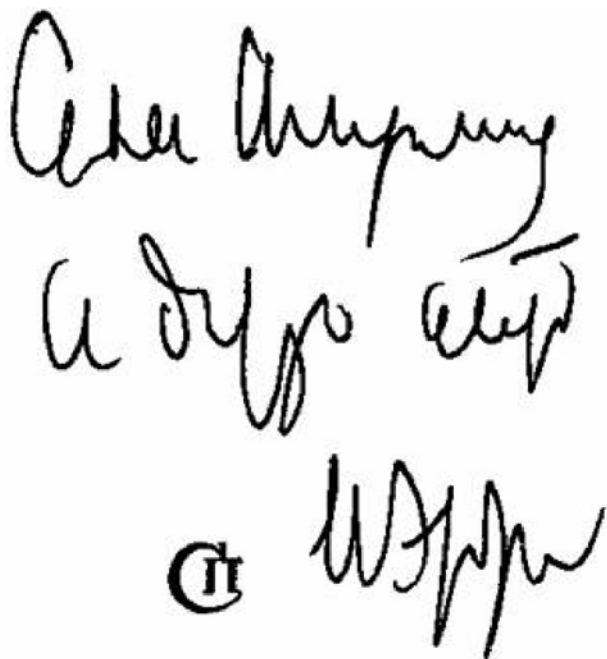
...Эренбург попросил меня прийти в назначенное время в его депутатскую приемную. Подумав над тем, что я ему рассказал, он решил связаться с одним из главных распорядителей на факультете – заместителем декана Зозулей. «Только давайте это обставим посOLIDнее, – сказал Илья Григорьевич, – позвоните ему, будто вы мой секретарь, и сообщите, что соединяете со мной». Набираю номер: «Михаил Никитович? С вами сейчас будет говорить Илья Эренбург» – и, услышав торопливое «да-да, я жду», передаю трубку. Отвечая по ходу разговора на задаваемые вопросы, Зозуля юлил и утверждал, что мое зачисление зависело не от него, а от Антропова, заведующего отделением журналистики, и советовал обратиться именно к

нему. Но когда затем Эренбург перезвонил Антропову, тот заявил, что возражение исходило от... Зозули. Игра в кошки-мышки не внесла никакой ясности...

В тот же день я поспешил к Антропову. Он не стал ничего объяснять, а лишь молча достал мое дело и показал находившееся там письмо Совета министров Латвийской ССР. На нем красовалась размашистая резолюция: «Латвия в этом году не имеет в МГУ брони, но если бы даже была, то у Шпунгина на нее нет права, так как он не является представителем коренной национальности». Это написал секретарь парторганизации факультета Ухалов, он же секретарь приемной комиссии.

И вот новая встреча с Эренбургом – у него дома. «Давайте оценим обстановку, – рассуждает Илья Григорьевич. – Вас приняли на одно отделение, произвольно перебросили на другое, а значит, скорее всего, вас вообще собираются исключить. Надо сейчас закрепить ваше положение. Это главное. Но, по-моему, всё-таки лучше вам остаться на романо-германском отделении...» Заметив мою растерянность, Эренбург произносит: «Не делайте печальные глаза» – и начинает меня убеждать, что следует в любом случае «иметь какую-нибудь профессию за душой», что она не помешает, а, наоборот, поможет в газетной работе, если это станет осознанным выбором в моей жизни. Он приводит в пример Чехова, Гроссмана, других писателей и известных журналистов. А я только киваю головой, не смея перечить.

Затем Илья Григорьевич пригласил стенографистку и, расхаживая по комнате, продиктовал письмо Зозуле. Я получил его в отпечатанном виде на бланке депутата Верховного Совета СССР. Выразив свое «чрезвычайное удивление» по поводу резолюции, ущемляющей права студента Шпунгина, «поскольку он не латыш», Эренбург писал: «Я позволю себе... просить Вас проверить обоснованность этих мотивировок. Я обращаюсь к Вам в данном случае как депутат Верховного Совета СССР от Латвийской ССР». И далее: «Шпунгин, как Вы знаете, зачислен в студенты приказом ректора университета за №299-у. Я считаю поэтому, что он имеет полное право приступить к занятиям... Я лично посоветовал ему пойти на романо-германское отделение. Мне удалось его в этом убедить, и я надеюсь после разговора с Вами, что никаких препятствий больше не возникнет».

Илья Григорьевич
Эренбург

Войдя в кабинет Зозули, я вспомнил «непонятный» семинар и почувствовал, что не могу заставить себя через силу смириться с учебой на романо-германском отделении. Я начинаю сомневаться, отдать ли вообще письмо Эренбурга по назначению, но всё же показываю его, не выпуская из рук. Заместитель декана видит депутатский бланк, читает на нем свое имя, тянется за письмом... Но в эту минуту я кладу его себе в карман... Зозуля – в полном недоумении. А я попросту ухожу...

Не желая упустить последний шанс, я с трудом записался и попал на прием к ректору МГУ. Я рассказал ему про то, как сначала меня приняли на отделение журналистики, а затем беспричинно и без моего ведома убрали оттуда...

– Позвольте, но вас оставили в университете? – не разобрав, что к чему, спросил академик А. Несмеянов.

– Да, оставили, но на другом отделении...

– Как это так – приняли на одно, а оставили на другом?.. Куда, собственно, вас зачислили, на какое отделение?

– Журналистики...

– Так в чем же дело? Идите туда, коли вас приняли, кто вам мешает?.. – говорит Несмеянов, не совсем, видимо, понимая происходящее.

Действительно, кто мне мешает?! После состоявшегося странного диалога я снова посещаю Зозулю и передаю ему со смиренным видом слова Несмеянова о том, что могу остаться на отделении, куда меня приняли, и никто, мол, не мешает этому... «Ректор в самом деле так сказал? – недоверчиво переспросил Зозуля. – Ну... если он разрешил, так оставайтесь...» Вот и всё. Больше на эту тему разговоров никогда не возникало. Позднее отделение журналистики было преобразовано в самостоятельный факультет, и я благополучно закончил его в 1954 году. Хочу добавить, что диплом с отличием вручил мне не кто иной, как ставший к тому времени председателем государственной комиссии Ухалов. Тот самый, которого не устраивало, что я не латыш...

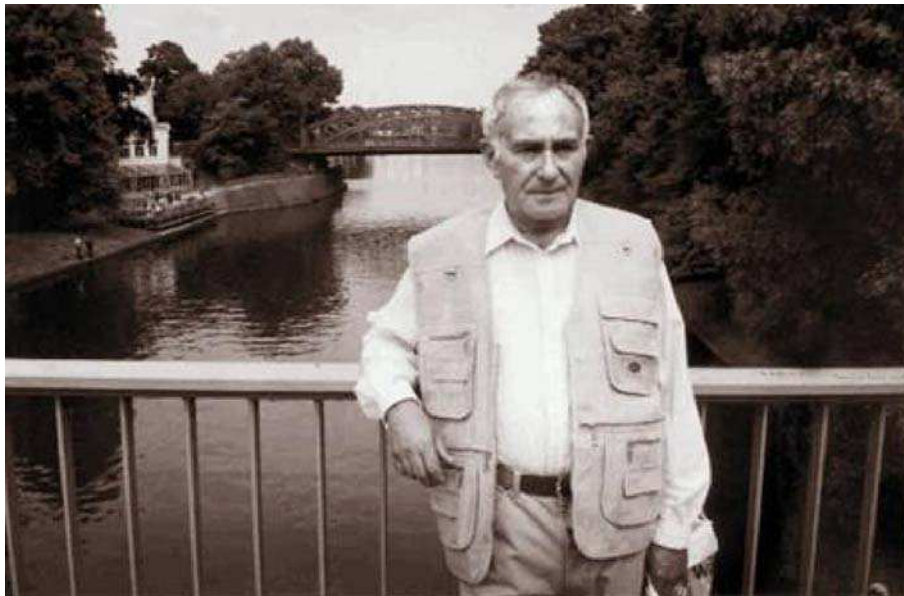
Как видно из моего рассказа, я не послушался совета Эренбурга. Хорошо ли, плохо ли, так получилось. Всё же его письмо, увиденное, но не прочитанное Зозулей, произвело должный эффект. Конечно, мне повезло, что Эренбург случайно оказался депутатом Верховного Совета СССР от Латвии, и более того – от города Даугавпилса, откуда я родом. Но не менее удивительно и другое совпадение. На прием к ректору мне удалось попасть лишь потому, что он был депутатом Верховного Совета СССР как раз от Советского района Москвы, где я был прописан...

После университета я отработал три года в Смоленске, а всё остальное время, десятки лет, – в Риге, где мне дали почетное звание заслуженного журналиста республики. Бывая в Москве, я не упускал возможности навестить к Эренбургу и пообщаться с ним накоротке. Я не помню случая, чтобы он когда-либо не принял меня, сославшись на занятость.

Однажды, было это в первой половине 1960-х, Эренбург рассказал мне, с какими сложностями он сталкивается в издании своего девятитомного собрания сочинений. Редакторы, держа нос по ветру, норовили пригладить любые сомнительные, по их мнению, тексты. И иногда доходило до курьезов. Например, в выражении «еврейский мальчик» требовали убрать первое слово, оставив только второе. Но, главное, по непонятным соображениям задерживался выпуск всего издания. Если первый том был подписан к печати в 1962 году, то второй – лишь через полтора года. Я, сказал Илья Григорьевич, уже отреагировал на это безобразие – предупредил издательство «Художественная литература» о готовности расторгнуть договор. Впрочем, добавил он, все понимают, что это невозможно. Потому что подписка на собрание с объявленным тиражом в 200 000 экземпляров давно закончена.

Другой раз зашла речь о взаимоотношениях Эренбурга и Шолохова, о которых я уже был наслышан. Удовлетворяя мое любопытство, Илья Григорьевич не стал подбирать слова для характеристики «живого классика». Пожалуй, самым мягким из них было слово «антисемит». Эренбург вспомнил, как в 1961 году, накануне его семидесятилетия, ему позвонил директор Центрального дома литераторов и растерянно сообщил о том, что на юбилей изъявил желание присутствовать Шолохов. Директор хорошо знал, сказал Эренбург, что если там будет Шолохов, то меня не будет. Назревавший скандал едва удалось предотвратить.

Иногда, находясь в подпитии, Шолохов неузнаваемо менялся и милейшим голосом вещал по телефону: «Илья, дружище, ну чего нам делить, ведь у нас с тобой всего лишь литературные расхождения!..»

Далее последовали подробности происшествия, которое случилось на совещании у Хрущева, созвавшего известных писателей страны:

– Вдруг встает Шолохов и начинает нести чушь об одном из моих ранних романов «В проточном переулке». Его выступление сводится к тому, что в этом романе одни только евреи изображены ярко, выпукло, а русские люди намеренно показаны плоскими и безликими. Поэт Александр Безыменский, не выдержав, попытался выразить протест против антисемитских высказываний в здании ЦК партии, но Хрущев грубо осадил его. Тогда я поднялся и, заявив, что не намерен сидеть за одним столом с фашистом, демонстративно покинул совещание...

– И то, что вы сказали, услышал хоть кто-нибудь? – спросил я, не скрывая своего удивления.

– Ну как же, – ответил Эренбург, – на совещании было человек тридцать, если не больше.

...Почти через тридцать лет после смерти Эренбурга его дочь, Ирина Ильинична, участвовала в подготовке наиболее полного варианта «Черной книги». По ее просьбе я послал ей вырезки публикаций, которые ее интересовали. Вскоре на мой рижский адрес пришла из Москвы посылка с тремя томами великолепно изданных мемуаров Ильи Эренбурга. На первом из них – надпись: «Дорогому Семе с благодарностью и на память о моем отце и Савиче. Июнь 96 г. Ир. Эренбург». Тома эти заняли достойное место в моей «эренбургиаде».

«дела»^{3[3]}. Последним тематическим исследованием на основе региональной фактографии стала работа сибирского историка Е. С. Гениной^{4[4]}.

Вырисовывается следующая история «дела КМК». В 1942–1943 годах евреи из западных областей Украины, Белоруссии, Прибалтики (а главным образом беженцы из Польши), вынужденные искать спасения от нацистского нашествия на востоке страны, в городе Сталинске Кемеровской области создали еврейскую религиозную общину. И хотя по ряду причин (отсутствие аттестованного по установленным правилам раввина и средств на аренду специального молельного помещения) эта община не была официально зарегистрирована, местные власти с самого начала знали о ее существовании и до поры до времени не видели в этом факте криминала. После прошедших в 1945–1946 годах репатриации польских евреев и реэвакуации их соплеменников, прибывших из европейской части СССР, нелегальная синагога в Сталинске, даже лишившись значительной части верующих и прежних руководителей, всё же продолжала существовать. Более того, в 1948 году она попыталась активизировать свою деятельность, направив от имени более чем 70 членов общины делегацию в Москву, чтобы приветствовать прибывшего в советскую столицу первого израильского посланника Голду Меир.

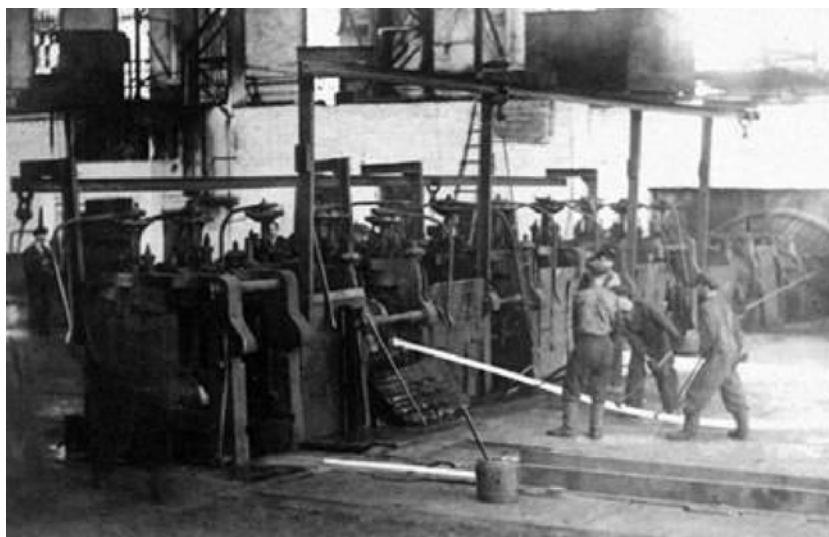
Однако последовавшие вскоре разгром ЕАК, аресты его активистов из числа видных деятелей еврейской культуры, всплеск репрессий в столице против так называемых еврейских буржуазных националистов не могли не сказаться на положении дел в провинции. Уловив, что любая неформальная еврейская национальная активность стала квалифицироваться центром как потенциальное политическое преступление, кемеровское начальство осознало, что ему наверняка не поздоровится, если оно и дальше будет «не замечать» существования нелегальной синагоги. Поэтому в конце 1949 года Молотовский райисполком Сталинска предписал ее закрыть. Одновременно региональные партийные органы начали собственное разбирательство. В результате выяснилось, что работавшие на КМК и состоявшие в партии руководители-евреи через жен и других родственников передавали денежные пожертвования неофициально действовавшей синагоге. Собранные таким образом средства шли на вспомоществование нуждавшимся евреям, в первую очередь тем, кто отбывал в данной местности ссылку или чьи родственники находились в лагерях и тюрьмах. Кроме того, были «вскрыты» факты, интерпретировавшиеся как хозяйственные злоупотребления и махинации этих благотворителей, а также осуществлявшееся ими «засорение» управленческих кадров предприятия нечистыми на руку родственниками и знакомыми, благо обвинения евреев в жульничестве, кумовстве и nepотизме в те годы были весьма «модными».

Среди проверяющих наибольшую активность проявлял секретарь партколлекции при Кемеровском обкоме С. В. Носов, первым усмотревший в обычном, если не сказать банальном для того времени деле о самочинном религиозном объединении признаки политического преступления. Именно он 25 февраля 1950 года сообщил первому секретарю Кемеровского обкома партии Е. Ф. Колышеву, что «под вывеской синагоги <...> скрывается контрреволюционная еврейская националистическая организация». В свою очередь, региональный партийный босс направил эту информацию «по принадлежности» в областное управление МГБ для проведения «оперативных мероприятий на предмет выявления шпионских связей»^{5[5]}. Уже 1 марта начальник УМГБ Н. Ф. Илясов отчитался перед Колышевым «спецсообщением» о первых результатах выполнения этого поручения.

^{3[3]} *Εάντι τῆ Ἀ. Γ. ἀσπίνου τῆ ἀδελφείῃ τῶν ἐξ Ἑλλάδος // Ἄντι τῆς Ἀδελφείῃ ἀσπίνου ὁδὸς ἀ τὴν ἡμέρην 1994 τ 2 (6). Ἰ. 46-*

^{4[4]} *Ἀσπίνου Ἀ. Ἰ. Ἐὰν τῶν ἐξ ἡ ἀδελφείῃ τῶν ἐξ Ἑλλάδος (ἐξ ἡμέρην 1940-ῶ - τῆ ἀσπίνου 1950-ῶ). Ἐδάν τῶν ἐξ Ἑλλάδος ἐὰν ὁ, 2003*

^{5[5]} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 254. Л. 121.

Однако партийный руководитель области не спешил «выносить сор из избы», то есть сигнализировать о случившемся в Москву, а попытался «замять» скандал собственными силами. Не предпринимая каких-либо конкретных действий, он ограничился рекомендацией продолжить начатое расследование. Ни шатко ни валко действовал и Сталинский горком: при рассмотрении персональных дел «провинившихся» руководителей КМК он прибегнул к крайней мере наказания – исключению из партии – только после нажима сверху. Дотошный Носов, напрямую подчиненный Комиссии партийного контроля в Москве, был соглядатаем за местными властями. И во всем этом он усмотрел предпринятую властями попытку без лишнего шума «похерить» проблему, чреватую непредсказуемыми последствиями. Вот почему он неоднократно жаловался потом М. Ф. Шкирятову, своему непосредственному начальнику по линии КПК при ЦК ВКП(б), что по вине Кемеровского обкома и конкретно т. Колышева «разоблачение вражеской организации (синагоги в Сталинске. – Г. К.) ведется исключительно медленно»^{6[6]}.

«Либерализм» партийного руководства Кемеровской области не укрылся и от бдительности Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), курировавшего партийные органы на местах. 18 августа 1950 года инструктор этого подразделения М. Якубович письменно проинформировал секретаря ЦК Г. М. Маленкова о том, что вопросу о нелегальной синагоге в Сталинске Кемеровский обком «до сего времени не придал политического значения <...> и не принял необходимых мер»^{7[7]}. Тогда же Колышеву позвонил из Москвы заведующий этим отделом Г. П. Громов, резко заявивший, что обком тянет с рассмотрением вопроса о засоренности руководящих кадров на КМК^{8[8]}.

Поняв, что дело приняло серьезный оборот и Москва в любом случае добьется доведения его до логического конца, Колышев, чтобы не попасть под жернова запущенной бюрократическо-репрессивной машины, вынужден был действовать в соответствии с ее алгоритмом. 19 сентября он собрал бюро обкома, на котором утвердил постановление «О недостатках и ошибках в подборе и расстановке руководящих кадров на Кузнецком металлургическом комбинате». В нем директору комбината Р. В. Белану за притупление политической бдительности был объявлен строгий выговор. Взыскание получил и его заместитель по кадрам П. М. Негай. Но самое серьезное наказание понес заместитель директора по коммерческой части Я. Г. Минц, который был изгнан с работы, будучи выставлен госбезопасностью одним из «главарей» группы националистов и вредителей, «орудовавших» на предприятии.

23 сентября Колышев направил Маленкову итоговый отчет о наведении «кадрового порядка» на КМК. Завершался доклад тем, что бюро Кемеровского обкома «приняло к сведению заявление начальника

^{6[6]} Генина Е. С. С. 26–27.

^{7[7]} РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 111. Л. 28.

^{8[8]} Там же. Д. 254. Л. 121.

областного управления МГБ т. Илясова о том, что органами государственной безопасности приняты меры к ликвидации нелегальной еврейской синагоги и пресечению ее националистической деятельности»^{9[9]}.

В течение сентября – декабря 1950 года с КМК было изгнано 35 руководящих работников, имевших связь с нелегальной синагогой. Кроме того, еще семь – упомянутый Минц, главный прокатчик С. А. Либерман, начальники отделов С. З. Аршавский (финансового), Г. Ш. Зельцер (планового), А. Я. Дехтярь (технического контроля), начальник сортопрокатного цеха З. Х. Эпштейн, заместитель начальника производственного отдела С. А. Лешинер, а также И. Б. Раппопорт (хозяин квартиры, где устраивались религиозные собрания) – были арестованы. Их этапировали в Москву и передали в распоряжение следственной части по особо важным делам МГБ СССР.

Казалось бы, кемеровское начальство могло перевести дух и рапортовать Москве о завершении хлопотного и неприятного «дела». Собственно, это и попытался сделать Колышев, направивший 25 декабря соответствующую записку секретарю ЦК М. А. Сулову, который, однако, был настроен не столь благодушно. Еще в сентябре через корреспондента «Правды» по Кемеровской области А. Нижегородова он получил письмо от работников КМК В. Бредникова и Г. Ермолаева, в котором те жаловались на местное начальство, стоящее «на грани предательства», и требовали от ЦК проведения «решительной чистки» руководящих кадров на КМК^{10[10]}.

В. А. Иерія

Приказав Колышеву немедленно прибыть в Москву, Сулов при встрече с ним в ЦК жестко потребовал: «Дайте объяснение, товарищ Колышев, почему вы просмотрели сионистскую организацию в Сталинске на Кузнецком комбинате?»

Логический крест на карьере Е. Ф. Колышева был поставлен 2 марта 1951 года, когда было принято закрытое постановление ЦК ВКП(б) «О работе кемеровского обкома ВКП(б)», освободившее Евгения Федоровича от обязанностей первого секретаря «как не обеспечившего руководство»^{11[11]}.

К апрелю 1952 года предварительное следствие по «делу КМК» было завершено, о чем министр госбезопасности С. Д. Игнатьев доложил Сталину. В подготовленном обвинительном заключении арестованным, проходившим по этому делу, инкриминировалась националистическая деятельность, вредительство (выпуск бракованного проката и т. п.), антисоветская агитация, связь с нелегальной синагогой, «служившей центром, объединявшим националистов». Кроме того,

^{9[9]} *Однi за А. 111. Ё. 20*

^{10[10]} *Однi за Ё. 25*

^{11[11]} *Генина Е. С. С. 34–35.*

Либерман и Лещинер, которые в 1946 году встречались в Кемерово с представителями ЕАК и передали для публикации в американской печати статью, содержащую «секретные сведения» о производственных мощностях КМК, обвинялись в шпионаже.

Н. А. Эшин

Заручившись предварительным одобрением со стороны Сталина содержания будущего судебного приговора, начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмин в начале мая передал «дело» в Верховный суд СССР, который должен был «проштамповать» уже принятое за него решение. Однако тут неожиданно репрессивно-бюрократическая машина дала сбой. Обвинив МГБ СССР в неудовлетворительном ведении следствия, выразившемся в почти полном отсутствии доказательной базы заявленного преступления, руководство Верховного суда СССР, приостановив судебный процесс, обратилось к Сталину с просьбой вернуть «дело КМК» на Лубянку для доследования^{12[12]}.

А. О. Щеголев

Сталин, несмотря на необходимость поступиться собственным предварительным одобрением предложений МГБ СССР, принял сторону руководства Верховного суда СССР. А оно – ободренное поддержкой – пошло еще дальше, решив по такому же сценарию «торпедировать» начавшийся вскоре процесс по «делу ЕАК». 15 мая 1952 года тот также был приостановлен. Причем принявший такое решение

председатель Военной коллегии Верховного суда СССР А. А. Чепцов прибег к однажды сработавшей мотивации – грубые недоработки предварительного следствия, обуславливающие необходимость проведения доследования. Видимо, руководство Верховного суда СССР, поддерживаемое, скорее всего, Л. П. Берией, интриговавшим против верхушки госбезопасности (прежде всего против замминистра и начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР М. Д. Рюмина), надеялось, что Сталин и на сей раз в номенклатурном подкованном противостоянии отдаст предпочтение органам юстиции. Однако этого не произошло. Сталин пока что доверял своему скандальному выдвиженцу Рюмину, спровоцировавшему масштабную чистку в силовых структурах. Он окончательно разочаруется в нем и выгонит из МГБ только в ноябре 1952 года. Вот почему, не желая, очевидно, преждевременной дискредитации нужного ему Рюмина, Сталин не позволил более политически важное (в сравнении с «делом КМК») «дело ЕАК» отправить на доследование. Процесс по нему возобновился 22 мая 1952 года.

Н. С. Адоньевич.

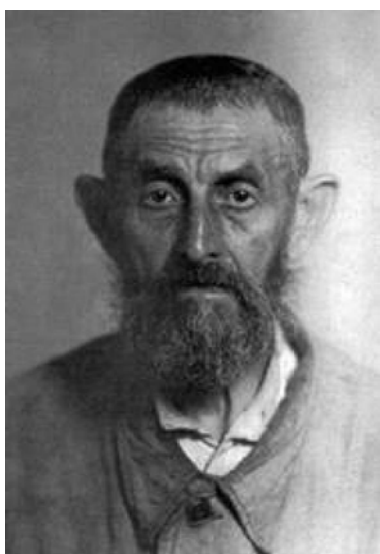
Как известно, «дело ЕАК» завершилось казнью тринадцати невинно осужденных. Рюмин мог торжествовать. Теперь он мог быть уверенным в том, что отныне ничто не помешает ему добиться аналогичного результата и в «деле КМК». 18 сентября 1952 года дело о тайной синагоге в Сталинске было рассмотрено на заседании военной коллегии Верховного суда СССР, проходившем под председательством генерал-майора юстиции И. М. Зарянова. Не так давно тот участвовал в вынесении смертного приговора С. А. Лозовскому, П. Д. Маркишу, Б. А. Шимелиовичу и другим членам ЕАК... Теперь он приговорил к высшей мере наказания еще четверых (Дехтяря, Минца, Либермана и Лещинера), столько же (Аршавского, Зельцера, Эпштейна и Раппопорта) – засадил в лагерь, последнего на 10 лет, остальных – на 25 лет. Сразу по окончании судебного заседания, которое длилось всего один день, четверо приговоренных к смерти, лишённые даже законного права на обжалование столь сурового приговора, были расстреляны.

À. В. Ááõýðü

Такова кульминация этой драмы – видимо, действительно последней в цепи замешанных на крови расправ сталинского режима над так называемыми еврейскими националистами. Был и затянувшийся на несколько лет финал в виде освобождения из-под стражи выживших и реабилитации – для некоторых посмертной. И если невинно пострадавших людей обвиняли, шельмовали, изгоняли отовсюду и арестовывали с поспешностью, шумом и скандалом, то признание со стороны государства неоправданности и полной незаконности этих кар растянулось на несколько лет и происходило почти потаенно.

Таким образом блулась мнимая незапятнанность политических риз власти...

È. Á. Dävüüðö.

Ϝ. Ő. Ψιθόαεί.

Ń. Á. Ęεάάθι αί.

* * *

Вниманию читателей предлагается документ, который впервые вводится в научный оборот. Он был выявлен в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ РФ). Поскольку документ не подвергался полноценной архивной обработке, он воспроизводится без соответствующих шифров.

ΑΙΕΟΙ ΑΙ Ο

ΥΔΕΑΙ ΑΙ ΔΑΙ ΑΙ Ι Τ Ε ΕΙ ΕΕΑΑΕΕ

ΑΔΟΙ ΑΙ Ι ΑΙ ΝΟΑΑ ΝΝΝ

18 ηύ όγύ 1952 ά

Είεγ

Υεç 1 15

ΝΙ-0062/52

Ι ΔΕΑΙ ΑΙ Δ

Εί άί άί Νίρçά Νίτáòñεεò Νίòεάεñòε-άñεεò Δαñ όάεε Αίάί ίάγ έίεεάγ

Αάδραί τά ηάά Νίρçά ΝΝΔ ά μñόάάç

ί δαηάάάάάεñόάφύάά άί άάάε-ί άεί δά ηñόεεε ÇΑΔΒΙ Ι ΑΑ, -έάί ά- ίίεεράεεή ηñόεεε ΔΥΑΕΕΙ Α ε ΕΑΑΑΑΕΙ ΑΑ, ί δε ηάεάάάά έάίεόάί ά ηñόεεε ΝΕΔΙ ΟΕΙ ΝΕΙ Ι ά çáεñόίί ηάάάίί çáηάάί έε ά ά δ Ι ηέάά 18 ηάί όγύ 1952 άάά δαηñ ίόδάεά άάεί ίί ίάάεί άί έφ:

1. Ι ΕΙ ΟΑ Βείάά Άδεμδίαε-ά, 1909 άάά δτáάάέγ, όδτáάίόά ά Εδú άί-όά, άάδγ, εç δάάί-εό, η άúñεεί ίάδäçíááίέάί, έñέεφ-άίίίά εç ΑΕΙ (ά), áάίάόίά, ίάñúέί ίά, áúάóάά çáί áεδäεόί δά Εçíáβείά ί άόάέεόδäε-άñείά έίί áείάόά ίί έίί ί άδ-άñέέε -άñόε ε ό δάί μ ίόδç;

2. ΕΕΑΑΔΙ ΑΙ Α Νίεή ίίá Ááñúáε-ά, 1907 άάά δτáάάέγ, όδτáάίόά ά Αίάί δτáάό δτáάεά, άάδγ, εç όί δάάάάά η άúñεεί ίάδäçíááίέάί, έάί áεάάόά όάñίε-άñεεό ίάόé, έñέεφ-άίίίά εç ΑΕΙ (ά), áάίάόίά, ίάñúέί ίά, áúάóάά áεάί ίά ί δτáάό-έεά Εçíáβείά ί άόάέεόδäε-άñείά έίί áείάόά;

3. ΑΑΟΟΒΔΒ Áεάεήάάδä Βείάέάε-ά, 1898 άάά δτáάάέγ, όδτáάίόά ά Οεδäñίέγ Ι ίεάάñέέ ΝΝΔ, άάδγ, εç όί δάάάάά η άúñεεί ίάδäçíááίέάί, έñέεφ-άίίίά εç ΑΕΙ (ά), áάίάόίά, ίάñúέί ίά, áúάóάά ίά-áεúñέεά ίόάάéά όάñίε-άñείά έίί ό δτáέγ Εçíáβείά ί άόάέεόδäε-άñείά έίί áείάόά;

4. ÇΑΕΥΟΑΔΑ Άδεμδέγ Οίόέάε-ά, 1907 άάά δτáάάέγ, όδτáάίόά έίέίίέε Νάάéάáε Όñόείτáñείά δáείίá Εεδτáάάάñέέé ίάέáñόé, άάδγ, εç έóéάέίá η άúñεεί ίάδäçíááίέάί, έñέεφ-άίίίά εç ΑΕΙ (ά), áάίάόίά, ίάñúέί ίά, áúάóάά ίά-áεúñέεά ίέάίίáτá ίόάάéά Εçíáβείά ί άόάέεόδäε-άñείά έίί áείάόά;

5. ΕΑΥΕΙ ΑΔΑ Νόέγ Áάδäί ίάε-ά, 1912 άάά δτáάάέγ, όδτáάίόά ηάéά Είόáάάόίá Όάδäúáίñείά δáείίá Εεάáñέέé ίάέáñόé, άάδγ, εç όί δάάάάά η άúñεεί ίάδäçíááίέάί, έñέεφ-άίίίά εç ΑΕΙ (ά), áάίάόίά, ίάñúέί ίά, áúάóάά çáί ίά-áεúñέεά ίότéçáññόáúίίά ίόάάéά Εçíáβείά ί άόάέεόδäε-άñείά έίί áείάόά;

6. ΥΙ ΟΥΑΕΙ Α Çáεί άί ά Όáεί ίάε-ά, 1898 άάά δτáάάέγ, όδτáάίόά ά Δä-εόú Άίί áεúñέέé ίάέáñόé, άάδγ, εç όί δάάάάά η άúñεεί ίάδäçíááίέάί, η 1917 ά ίί 1918 ά μñόδύáóάά ά Αόίάά, η 1918 ά ίί 1919 ά μñόδύáóάά ά ΑΕΙ (ά), áάίάόίά, ίάñúέί ίά, áúάóάά ίά-áεúñέεά μñόδύί δτáάόίίά όάδä Εçíáβείά ί άόάέεόδäε-άñείά έίί áείάόά;

7. ΑΔΟΑΑΝΕΙ ΑΙ Νάάéέγ Çείίáñúáε-ά, 1904 άάά δτáάάέγ, όδτáάίόά ά Ιίáñί ίñέçáñéά Αίάί δτáάό δτáάñέéé ίάέáñόé, άάδγ, εç δάάί-εό, μ ηόάάίέί ίάδäçíááίέάί, έñέεφ-άίίίά εç ΑΙ Ε (ά), áάίάόίά, ίάñúέί ίά, áúάóάά ίά-áεúñέεά όείάί μάίά ίόάάéά Εçíáβείά ί άόάέεόδäε-άñείά έίί áείάόά;

8 ΔΑΪΪΪΪΒΔΑ Ἐϋαεῖ Ἀδεῖαε: 1894 ἄα ὄαεῖε, ὄαεῖα ἄε Ἄεῖεεε
ὄαεῖεεῖε ὄαεῖε Ἄεῖεεεῖε ἰεῖεε, ἄαε, ἰεῖεεε ἰεῖεε, ἄεῖεεεῖε, ἄεῖεεῖε, ἰεῖεεῖε, ἰεῖεεε
ἰεῖεεε ὄαεε εἰεῖεεῖε ἄε. Ἄεεεῖεε - ἄεεεεῖε ἰεῖεεεεῖε, ἰεῖεεε ἰεῖεεεε

Ἰεῖεε Ἀ. Β. Ἄ, Ἐεῖεεῖε Ἄεῖε Ἄ. Ἄ. εἰ Ἐεῖεεῖε Ἄεῖε Ἄ. Ἄ. - ἰεῖεεῖε εἰ 58-1 «α», 58-7, 58-10, ε. 2 ε
58-11 ὄεεεεε^{13[13]};

Ἄεῖεεε Ἀ. Β., ῤεῖεεε Ἄ. ὄ, Ἰεῖεεεῖε ῤ. ὄ. εἰ Ἀεῖεεεῖε Ἄ. ῤ. - ἰεῖεεῖε εἰ 58-7,
58-10, ε. 2 ε 58-11 ὄεεεεε

ΔΑΪΪΪΪΒΔΑ Ε. Ἀ. - ἰεῖεεῖε εἰ 58-10, ε. 2 ε 58-11 ὄεεεεε

Ἰεῖεεεεεεεεεεεε ἰεῖεεεεεεε ὄεεεεεεεεεεεε.

Ἰεῖεε, Ἐεῖεεῖε Ἄεῖε, Ἄεῖεεεεε, Ἐεῖεεῖε Ἄεῖε, ῤεῖεεεε εἰ Ἀεῖεεεεεεε,
ἰεῖεεεε εἰεῖεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ 1945-1950 ἄε ἰεῖεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε

Ἰεῖεεεεεεεεεεεε ἰεῖεεεεεεεεεεεε, ἰεῖεεεεεεεεεεεε ἰεῖεεεεεεεεεεεε ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε, ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε

Ἐεῖεεῖε Ἄεῖε εἰ Ἄεῖεεεεεε εἰ ὄεεεε εἰ ὄεεεε εἰ ὄεεεε εἰ ὄεεεε εἰ ὄεεεε εἰ ὄεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε

Ἰεῖεεεεεεεεεεεε, Ἰεῖεεε, ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε

Ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε

Ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε
ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε εἰ ἰεῖεεεεεεεεεεεε

^{13[13]} Указанные статьи Уголовного кодекса РСФСР от 1926 года гласили:

58-1 «α» – «стремление к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими рабоче-крестьянских правительств»;

58-7 – «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях»;

58-10, ч. 2 – «пропаганда и агитация, содержавшие призывы к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений... с использованием религиозных или националистических предрассудков масс»;

58-11 – «агитация для возбуждения ненависти или розни между нациями, вызванная нападением на веру, честь или достоинство тех или иных наций»;

^{14[14]} ὄεε εἰ ὄεεεεεεεεεεεε, ἰεῖεεεεεεεεεεεε.

ΔΑΪΪΪΪΪΔΩ Ἐδαεῖ Ἀδαίαιε: ἅ ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε οἷε ἀὰ ἡὸαὸῦε 58-10 . 2 **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἔεσὲοὸ ἡαῖαῖαὺ ἅ **ΕῶἸ ἡῖεῖ** ἰὰ ἀαῖῶοὺ (10) ἐὰο, ἡ **ἔἰἰ** ὀεῖαὸεἰε ὅ ἰεὸ ἡῖαὺ εἰ οὐαῖῶαἅ ἔ ἡ ἰἰδαεαἱεαἰ ἰδαἱ ἰὰ ἰῖῶοὺ(5) ἐὰο.

Ὀαὸ ἀὰ **ΥΪ ΟῶΑἸΑ**, **ῒΑἸῶῶΔΑ** ἔ **ἈΔῶἈἸἸἸἸἸ** ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε ἡὸ. 58-7 **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἔεσὲοὸ ἡαῖαῖαὺ ἅ **ΕῶἸ ἡῖεῖ** ὀαεαἱ ἰὰ ἀαῖῶαὸῦ ἰῖῶοὺ (25) ἐὰο ἐαεαῖα, ἡ **ἔἰἰ** ὀεῖαὸεἰε ὅ ἰεὸ ἡῖαὺ εἰ οὐαῖῶαἅ.

Ἰἰ ἡαῖεῖ ἰἡὸε ἀὰ ἰδαῖοῖεαἱεε **ΥΪ ΟῶΑἸΑ** ῒαἱ ἀὰ ὀαἱ ἰαῖ: ἅ, **ῒΑἸῶῶΔΑ** Ἀδαεῖ **Οἰ ὀαἱ**: ἅ, **ἈΔῶἈἸἸἸἸ** ἡαἱεῖ **ῒἰῖῖῖῖ**: ἅ ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε ἡὸαὸῦε 58-7 **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἔεσὲοὸ ἡαῖαῖαὺ ἅ **ΕῶἸ ἡῖεῖ** ἰὰ ἀαῖῶαὸῦ ἰῖῶοὺ (25) ἐὰο ἐαεαῖα, ἡ **ἔἰἰ** ὀεῖαὸεἰε ὅ ἰεὸ ἡῖαὺ εἰ οὐαῖῶαἅ ἔ ἡ ἰἰδαεαἱεαἰ ἰδαἱ ἰὰ ἰῖῶοὺ(5) ἐὰο ἐαεαῖα.

ἡῖε ἰὸαὸῖεῖ ἰαεαῖεῖ ἐἡ: ἐῖῖῖῖῖ **ΔΑΪΪΪΪΪΔΩ** - ἡ 22 ἀαῖῶοὺ 1951 ἡῖα, **ῒΑἸῶῶΔΩ** - ἡ 23 ἀαῖῶοὺ 1951 ἡῖα, **ΥΪ ΟῶΑἸ Ο** ἔ **ἈΔῶἈἸἸἸἸ Ο** - ἡ 24 ἀαῖῶοὺ 1951 ἡῖα.

Ὀαὸ ἀὰ **Ἰ ΕἸ Ὤ**, **ἸἸἈΔἸ ἈἸΑ** ἔ **ἸἈῶἸἈΔΑ** ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε ἡὸαὸε 58-1 «α» ἔ 58-7 **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἰἰαῖῖῖ ὀὸῦ ἡῖῖῖ: ἔ ἰ ἁδἱ ἰαεαῖεῖ - ὀαῖῖῖῖῖ, ἡ **ἔἰἰ** ὀεῖαὸεἰε ὅ ἰεὸ ἡῖαὺ εἰ οὐαῖῶαἅ.

Ἰἰ ἡαῖεῖ ἰἡὸε ἀὰ ἰδαῖοῖεαἱεε **Ἰ ΕἸ Ὤ** Ἰεῖαἱ Ἀδαεῖ: ἅ, **ἸἸἈΔἸ ἈἸΑ** ἡῖεῖ ἰἰἱ Ἀαῖῖῖ: ἅ ἔ **ἸἈῶἸἈΔΑ** ἡῖῖῖ Ἀαῖἱ ἰαῖ: ἅ ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε ἡὸ. 58-1 «α» **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἰἰαῖῖῖ ὀὸῦ ἡῖῖῖ: ἔ ἰ ἁδἱ ἰαεαῖεῖ - ὀαῖῖῖῖῖ ἔαεαῖα, ἡ **ἔἰἰ** ὀεῖαὸεἰε ὅ ἰεὸ ἡῖαὺ εἰ οὐαῖῶαἅ, ἔ **ἈἈῶῶῶ** Ἀεαῖῖῖ ἁδἱ **ἸἸἈῖῖῖ**: ἅ ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε ἡὸ. 58-7 **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἰἰαῖῖῖ ὀὸῦ ὀαεαἱ ἡῖῖῖ: ἔ ἰ ἁδἱ ἰαεαῖεῖ - ὀαῖῖῖῖῖ, ἡ **ἔἰἰ** ὀεῖαὸεἰε ὅ ἰεὸ ἡῖαὺ εἰ οὐαῖῶαἅ.

Ἰἰ ἡαῖεῖ ἰἡὸε ἀὰ ἰδαῖοῖεαἱεε **ἈἈῶῶῶ** Ἀεαῖῖῖ ἁδἱ **ἸἸἈῖῖῖ**: ἅ ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε ἡὸ. 58-7 **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἰἰαῖῖῖ ὀὸῦ ἡῖῖῖ: ἔ ἰ ἁδἱ ἰαεαῖεῖ - ὀαῖῖῖῖῖ, ἡ **ἔἰἰ** ὀεῖαὸεἰε ἡῖῖῖ εἰ οὐαῖῶαἅ.

Ἰἡεαἱ ἰῖῖ Ἰ ΕἸ Ὤ, ἸἸἈΔἸ ἈἸΑ, ἈἈῶῶῶ, ἸἈῶἸἈΔΑ, ῒΑἸῶῶΔΑ,

ΥΪ ΟῶΑἸΑ ἔ **ἈΔῶἈἸἸἸἸ** ἔεσὲοὸ ἰαῖῖῖ «ῒ ἡῖῖῖῖῖ ὀδῖ ἅ Ἀαεεῖε Ἰὸα: ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ 1941-1945 ἡ» ἔ ἰὰ ἱμῖ ἰαίεε ἡὸ. 33 **Οἷ ΔΝῶΝΔ** ἡῖῖῖῖῖ ἰαῖῖῖ Ἰδαεεῖ ἰἰ Ἀαδῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖ **ἡῖῖῖῖῖ** ὀἰῖῖῖῖῖ ἡ ἔεσἱεε ἰἡῖῖῖῖ ὀ ἡῖῖῖῖῖ ἰαῖῖῖ: **Ἰ ΕἸ Ὤ** - ἰδαἱ Ἰὸα: ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ ἰ ἡῖῖῖῖ, ἰδαἱ Ἰὀῖῖῖῖῖ Ἰὀῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖ, ἰδαἱ Ἰὀῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖ, ἰδαἱ Ἰὀῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖ «ῒ ὀδῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ»; **ἸἸἈΔἸ ἈἸΑ** - ἰδαἱ Ἰὀῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖ, ἰδαἱ Ἰὸα: ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ Ἰ ἡῖῖῖῖῖ, ἰδαἱ Ἰὀῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖ «ῒ ὀδῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ»; **ἈἈῶῶῶ** - ἰδαἱ Ἰὸα: ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ Ἰ ἡῖῖῖῖῖ ἔ ἰδαἱ «ῒἱ ἡῖῖῖῖ»; **ἸἈῶἸἈΔΑ** - ἰῖῖῖῖ «ῒ ὀδῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ» ἔ «ῒ ὀδῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ»; **ῒΑἸῶῶΔΑ** - ἰδαἱ Ἰὀῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖ ἔ «ῒἱ ἡῖῖῖῖ» ἔ ἰῖῖῖῖ «ῒ ὀδῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ»; **ΥΪ ΟῶΑἸΑ** - ἰδαἱ Ἰὀῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖῖ, **Ἰὀῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖῖ** ἔ ἰδαἱ Ἰὸα: ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ Ἰ ἡῖῖῖῖῖ ἔ «ῒἱ ἡῖῖῖῖ» ἔ **ἈΔῶἈἸἸἸἸ** - ἰδαἱ Ἰὸα: ἡῖῖῖῖῖ ἔ ἰῖῖῖῖ «ῒ ὀδῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ».

Ἰδαῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖῖ ἔ ἔἡῖῖῖῖῖ ὅ ἰῖῖῖῖ ἡῖῖῖ ἰὰ ἰἡῖῖῖῖῖ.

Ἰῖῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖῖῖ ἔ ἡῖῖῖῖῖῖ ἔ.

ἡῖῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖ:

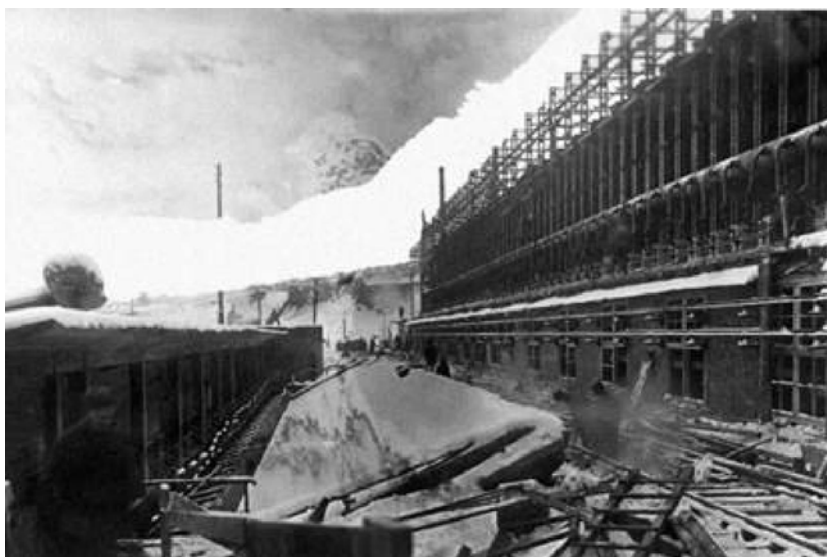
ἡῖῖῖῖῖῖ ῒἱ ἡῖῖῖῖῖῖ

Ἀἡῖῖῖῖ ἔἡῖῖῖῖ, ἔἡῖῖ ἡῖῖῖῖῖῖ

ἡῖῖῖ ὀῖῖ ἡῖῖῖῖ

Ὤ Ὄἡ Δῶ. Ἀδαεῖ ἡῖῖῖῖῖ ἡῖῖῖῖῖ. Ἰἡῖῖῖ.

^{1[15]} По документу судебного дела, приговор в отношении осужденных к высшей мере наказания Минца, Либермана, Лещинера и Дехтяря был приведен в исполнение в день окончания суда. Решением Верховного Суда СССР от 25 мая 1957 г. осужденные по «делу КМК» были полностью реабилитированы

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2005 ХЕШВАН 5766 – 12 (164)

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ СТАМБУЛА

Ирма Фадеева

Окончание. Начало в [№11, 2005](#).

Αάδαίηεεά ίαυείύ ίάδαεεε ίά ίάί ύύη:άεάεά Α άίύεάάίύε πύδαίηόάεγύ, ά ηεεόάίεγύ ες πύδαί ύ ά πύδαίό ίίε πύδαίεεεήί άεάάάάδύ πύδαίε ίεάάεάίίηε άεεάίεήί ό ραείίό ε οάάεόεγύ. Νύδαίεεεήί, εάε γόί ίε ίίεάεάόή ίάδαίεηεήί ύί, άύά ε άεάάάάδύ εςεγύεε ίό άδαεό ίάδαίά άεάάάάδύ ίό:άεάίεη, άίεεεάίό ίάεάό ίείε ε ίεδαεηείε ίεδη. ίίε όάεάε ά

*hò dāoi úó āi ai eyō, oñō iyēē i adāā oāñ cīē i āññ āi āi ói ē: oī xē ai ēy. È í á oī ēuēī āi ādāi ai à ēi ēāē qēōēē...
Í í āiō i dēōēā yī iōā dāātēpōēē ē ñāi āi ā*

Во второй трети XIX века реформы начались и в Османской империи. В еврейских общинах многие ощутили угрозу самим основам национальной жизни именно тогда, когда были сняты средневековые ограничения: в передвижении, образовании, занятиях, в одежде и внешнем облике. Рванувшаяся к знаниям и светскому образу жизни еврейская молодежь теперь разительно отличалась от своих отцов. Когда неевреи и часть евреев упрекали «ретроградов» в индифферентности к реформам Танзимата, осуждали их за неспособность установить различие между языком и религией, они и представить себе не могли, каковы будут вскоре последствия этих реформ. У общин от них еще не было противоядия. Противоядия от угрозы ассимиляции, исчезновения народа, тогда еще не имевшего своего угла, своего государства. Когда «прогрессисты» писали, что «ретрограды» в безумном ослеплении полагают, будто изучать иностранный язык равносильно принятию новой веры, они видели лишь одну сторону медали. Еще немного, и настали времена, когда евреи уже превосходно осваивали язык страны пребывания, создавали литературу на прежде неведомых для них наречиях, становились классиками – подобно Гейне, Пастернаку, Мандельштаму. Но какова была цена! Целые поколения евреев, прежде всего европейских утратили родную речь и религию, почти утратили национальность. Найти баланс между самоидентификацией, собственной самобытной культурой и столь же необходимыми для сохранения народа новыми знаниями и образом жизни оказалось сложнейшей задачей! В сходное положение попали, кстати, и турки, вынужденные европеизироваться под угрозой гибели государства.

Ādāēñēā āiōē, ó: āiēāñy oēīē Āēyīñā

Ñi ēdīā

1900 āi ā

Создавая собственную цивилизацию, европейские народы заимствовали чужие изобретения и открытия. Но при этом они сохраняли исконные традиции и стиль повседневной жизни. Турки же восприняли обычаи, чуждые их культуре. Что же получилось в итоге? «Турок, который воспринимает европейскую цивилизацию и при этом отказывается от своих национальных обычаев и морали, становится... цивилизованным человеком, но это уже не турок. Чтобы быть цивилизованным турком, он должен сохранить свое национальное лицо». Так говорилось в статье об этике и многовековых обычаях турок, опубликованной в газете «Сабах» («Утро»). Проблемы подобного рода занимали наиболее развитую часть турецкого общества, в котором, как и в России, существовали «западники» и «почвенники». И евреям, и туркам было чрезвычайно сложно дозировать заимствования цивилизации, сложившейся в иной религиозной системе.

Биограф упомянутого выше Альбера Коэна Исидор Лоэб в 1854 году описывал свои впечатления от Стамбула: «Еврейские общины Константинополя утратили прежнюю значимость. Обосновавшись в Османской империи после изгнания из Испании, они и их потомки занимали высшие посты, являлись влиятельным элементом в государстве. Мало-помалу греки и армяне вытеснили их с высоких административных постов, они также утратили прежние позиции в коммерции». Регресс общин Исидор Лоэб объяснял нехваткой интеллектуальных достижений, замедлением развития общей культуры в тот период истории, отсутствием популярных общепризнанных лидеров.

Всё это, однако, можно отнести скорее к следствиям упадка общинной жизни, нежели к его причинам.

Хорошо знавший османские реалии XIX века Убичини по-своему интерпретировал бедственное положение стамбульских евреев: «С 1859 года разногласия в общине вызваны, как это ни покажется странным, реформами и внедрением светского элемента, размывающими прежние ее институты, в то время как новые еще не успели утвердиться. Отсюда смятение, разлад, нестабильность в общине».

Попытка османских властей объединить разобщенные этносы единой целью, укрепить близкую к развалу империю и прежде всего объединить разноязычную молодежь общей системой образования (оно велось бы, конечно, на турецком языке) не была успешной. Каждая община имела собственную религию, отстаивала интересы своего этноса. Не случайно большевики в России, придя к власти в 1917 году и желая добиться «унифицированного», послушного властям населения, уничтожали не только классы, но и религиозные институты различных общин, до чего турки в XIX веке еще не додумались.

В 1847 году султан Абдул-Меджид I посетил основанную несколько лет назад военно-медицинскую школу. Поскольку в школе учились дети из армянских и греческих семей, султан обратил внимание на отсутствие там еврейских детей и спросил, каковы причины.

Высокому гостю ответили, что еврейские дети не могут обучаться в школе по религиозным мотивам: требовалось специальное приготовление еды (кашрус), соблюдение субботы, религиозных праздников. Султан распорядился устранить препятствия к обучению евреев и внимательно отнестись к их религиозным нуждам. Всё было сделано очень быстро. Под контролем раввина оборудовали кошерную кухню, организовали религиозную службу, еврейским ученикам предоставили право покидать школу в пятницу и возвращаться в воскресенье. Той же привилегией они пользовались в дни своих праздников. И всё же в середине XIX века мальчиков из еврейских семей, посещавших медицинскую школу или другие учебные заведения, было совсем немного.

20 сафера 1258 года хиджры (5 апреля 1842 года) правительство обратилось в главный раввинат с предложением убедить еврейских акушерок пройти курс специального обучения в медицинской школе. Ни одна акушерка на призыв не откликнулась.

Директор лицея «Галата Сарай», основанного в 1864 году, господин де Сальв следующим образом объяснял отношение еврейских общин Стамбула к реформаторской политике правительства: «Евреи страны большей частью испанского происхождения. Из Испании их некогда изгнала инквизиция, и они сохранили религиозную нетерпимость, от которой страдают сами. Они не могут решиться поместить своих детей в мусульманское учреждение, управляемое к тому же христианами*. Менее фанатичные из них требуют для своих единоверцев особо приготовленную пищу, что порождает тысячу сложностей и в принципе разрушает то единство, которое власти хотят установить».

У евреев были основания не доверять иноверческим школам и учителям. Сами они никогда не поощряли прозелитизм, но нередко становились жертвами попыток обратить их в чужую веру.

Религиозная пропаганда иезуитов (орден был основан в 1534 году) активизировалась в Стамбуле в XVI – начале XVII веков и была обращена к грекам и евреям. Греки пытались бороться. Патриарх Константинополя подал жалобу султану с просьбой положить конец деятельности агрессивных католиков. Но верх одержал влиятельный французский посол, взявший их под свою защиту.

В 1609 году, в царствование султана Ахмеда I (1590–1617), нескольких еврейских детей иезуитам всё же удалось обратить в католицизм. Жалобы еврейской общины Стамбула тоже не дали результата. Иезуитов изгнали из страны лишь тогда, когда их активность стала угрожать и властям. Но они опять через некоторое время появились в Османской империи и начали открывать там свои школы.

Свои школы открывали в Стамбуле и протестанты. В еврейские газеты попал отчет директора одной из таких школ в Хаскёе, адресованный лондонскому руководству:

«Когда я основал школу, – говорилось в отчете, – было время еврейской Пасхи. Поэтому наше учреждение закрыли на три недели. Когда оно открылось, в школу записались 50 детей. На следующий день пришли 72 ребенка, а позднее их стало еще больше. Обучение я начал с уроков английского языка, поскольку очень многие из них говорили только на ладино, а несколько учеников на идише. Основой программы были

Ветхий и Новый Завет, а также ряд других христианских сочинений. Я старался, чтобы мои ученики запоминали христианские молитвы, так как был убежден, что в добрый час эти свидетельства веры посеют в их невинных сердцах добрые семена для будущего развития. Вот что им читали в последние месяцы: пять глав из евангелия св. Матфея, шесть глав из св. Марка, восемь – из св. Луки, восемь – из Посланий св. Иоанна. Дети столь охотно включились в учебу, что девочки даже отказываются учить иврит.

Маленькие евреи уже знают 13 догматов христианской веры, и их привязанность к Христу растет день ото дня. Кроме того, мальчики изучают арифметику и географию, а девочки обучаются шитью и вышивке. Впрочем, родители очень бедны и с удовольствием, даже с энтузиазмом посылают детей в нашу школу, где всё бесплатно: учебники, одежда, обувь, питание. Именно поэтому наши усилия вполне могут стать успешными».

Отчет в газетах, вышедших на ладино, весьма впечатлил читающую публику. Главный раввинат Стамбула взял под свой контроль школьное образование евреев. В немалой степени открытие новых еврейских школ Всеобщего еврейского альянса в 70–80-х годах тоже было стимулировано этой публикацией. Альянс был создан в 1860 году группой французских евреев для просветительских целей и борьбы с дискриминацией единоверцев в разных странах мира.

Османские власти прежде всего принимали меры для распространения начального образования среди всех слоев населения. В 1857 году Департамент народного образования, входивший ранее в ведомство шейх-уль-ислама, был преобразован в независимое министерство.

В 1867 году специальным декретом дети немусульман были допущены к обучению в начальных школах рушдие, а также в школы более высоких ступеней, включая университет. Стало известно, что университет посещают не только еврейские юноши, но и девушки.

Члены общины внимательно следили за строгим соблюдением религиозных предписаний в заведениях, где обучались еврейские дети. Сохранилось их письмо директору султанской медицинской школы, о которой уже шла речь, датированное 11 реджеба 1282 хиджры (30 ноября 1865 года). Вот его фрагмент: «Поскольку контроль за едой и напитками еврейских учеников, посещающих султанскую медицинскую школу, до сих пор осуществлялся единственным учителем (калфой), то вследствие разделения учеников, вызванного разделением классов, стало очевидно, что один человек (калфа) не может контролировать и религиозную службу, и кашрус для учеников “Галаты” и “Гюльхане”. А поэтому было бы целесообразным назначить еще одного калфу. В этом качестве мы делегируем к Вам Вашего слугу фармацевта Ясефа, рекомендуемого общиной Хаскёя. Это способный человек, имеющий диплом. Если его примут доброжелательно, он будет служить с молитвою, радостью и признательностью».

В годы, когда главным раввином был Якир Гиерон (1863–1873), а позже его ближайшие преемники, раввинат постоянно ходатайствовал перед османскими властями о вмешательстве, чтобы пресечь посягательства на религиозный закон, с чьей бы стороны они ни исходили. Правда, иные ходатайства были воистину абсурдными. Главный раввин потребовал однажды, чтобы стамбульские власти запретили французскому археологу-христианину вести раскопки в Палестине – под тем предлогом, что тот оскверняет почву Святой земли. В общине тех лет вообще не переводились интриганство, фанатизм и агрессия – даже в отношении единоверцев.

Доктор Шпицер, еврей из Моравии, был назначен профессором анатомии и директором стамбульской медицинской школы, поскольку состоял личным медиком султана Абдул Меджида и успешно лечил последнего. Директор попытался внедрить в школе более прогрессивные методы обучения, но коллеги встретили новшества в штыки. Вследствие интриг своих же единоверцев Шпицер был вскоре отстранен от работы. Султан назначил его начальником канцелярии османского посольства в Вене. Позднее он стал дипломатом Высокой Порты в Неаполе. Неприглядных фактов подобного рода было немало.

В 1862 году не самые лучшие представители общины объединили усилия, чтобы воспрепятствовать открытию школы в квартале Пири-паша, построенной при содействии известного благотворителя графа Авраама де Камондо. В школе предполагалось преподавание иврита, турецкого и французского. Идея обучать детей французскому вызвала особое возмущение нескольких раввинов; они восприняли ее как святотатство. Гнев их обрушился на Камондо. Графа подвергли отлучению от общины (херем), и в 1870 году ему пришлось покинуть Стамбул. Инициатором этой кампании стал раввин Исаак Акриш, которого за чрезмерную активность власти в конце концов отправили за решетку. Однако он обрел весьма влиятельного заступника, и султан его помиловал. После тюрьмы неугомонный раввин продолжил бороться «за правду». Он решил сместить с поста главного раввина Авидора. Составленную им петицию подписали многие члены общины, Акриш сумел вручить ее лично великому везиру, известному реформатору

Танзимата Фуаду-паше. Великий везир созвал на совет трех влиятельных раввинов: Хаима Палачи из Измира, Якира Гиерона из Эдирне и Менахема Коэна из Сереса. Фуад-паша надеялся, что они смогут положить конец распрям, расколовшим общину и связанным с постом главного раввина. Прибывшие высказались в пользу Авигдора, но мир, который они пытались восстановить, оказался непрочным. Вскоре страсти вспыхнули с прежней силой; Авигдору пришлось оставить раввинат. На его место избрали Якира Гиерона из Эдирне. Он занимал этот пост в течение десяти лет до 1873 года.

Христианские общины греков, армян и славян сумели гораздо успешнее, чем евреи, воспользоваться реформами Танзимата. Они четко определили собственные интересы и цели, консолидировались и создали влиятельные национальные организации.

Законы, издававшиеся в период Танзимата (1839–1871), распространялись на все немусульманские миллеты. Фуад-паша предложил еврейским общинам разработать проект реформ по типу того, что был принят Портой при участии представителей христианских общин. Там предусматривалась секуляризация многих традиционных религиозных норм. Получив ираде с подписью султана, главный раввин Якир Гиерон созвал именитых людей, чтобы учредить комиссию для разработки Органического статута главного раввината (*Naḥamhane nizamnamesi*). В комиссию вошли 12 человек; возглавляли ее четыре раввина. Подготовленный комиссией документ был утвержден султанским ираде от 20 шаввала 1281 хиджры (1 апреля 1864 года), но вступил в действие лишь в 1867 году.

Ḥayy-ḥayy

В предисловии к Органическому статуту упоминаются внутриобщинные распри, не только вредящие самим евреям, но и досаждающие правительству. В этом документе сформулированы принципы равенства всех подданных империи перед обновленными законами. Община внешне подчинилась новым правилам, но внутренние распри и раскол так и не были преодолены.

В 1866 году раввин Шломо Камхи опубликовал брошюру с резкими и оскорбительными нападками на караимов. Заканчивалась она призывом к уничтожению караимов, как к делу в высшей степени богоугодному. Реакция караимской общины на этот труд была вполне предсказуема. Они тотчас направили жалобу главному раввину с просьбой утихомирить ретивого автора брошюры; что незамедлительно было исполнено. Шломо Камхи подвергся не только порицанию, но и суровому наказанию. Найденные экземпляры его сочинения сожгли.

Танзимат не смог умерить межобщинные разногласия и вражду. В 1867 году греки подняли восстание против турок. Восстание было подавлено Эйюмером-пашой. Раньше всех об этом оповестила читателей еврейская газета на ладино в специальном приложении «Вести с Крита». Весь тираж был моментально продан. Отношение еврейской улицы к происшедшему привело греков в бешенство. Жертвами столкновений на сей раз оказались первые же подвернувшиеся под руку мелкие торговцы-евреи, которых пришлось защищать турецкой полиции. Греческая газета «Гармония» истолковала конфликт как сугубо

религиозный. Не впервые главам двух общин, патриарху Константинополя Грегуару и главному раввину, пришлось обращаться к единоверцам с призывами к спокойствию.

Упадок еврейских общин, обнищание населения, заметные уже в XVIII веке, бросались в глаза и в следующем столетии, – особенно иностранцам. В 1870 году бывший американский посол при Высокой Порте М. Кэрролл Спенсер в балтиморской газете «Saturday Night» опубликовал статью о бедственном положении евреев Стамбула. Статью перепечатали в стамбульской газете «Levant Times» от 4 августа 1870 года. Не смог обойти эту тему и француз П. Боден, опубликовавший в 1872 году брошюру «Евреи Константинополя». В предисловии автор безуспешно пытается понять, почему европейские путешественники, посещавшие Стамбул, отзывались о евреях с презрением и насмешкой, а не с состраданием. Собственные впечатления от посещения еврейских кварталов он описывает следующим образом: «Удручающие картины, которые мы увидели на улицах пригородных районов Балата и Хаскёя, глубоко затронули наши сердца: невыносимо было смотреть на еле живых людей. С первого дня мы задумались о том, как вытащить этих несчастных парий из бездны нищеты? Как вернуть к нормальной жизни трясущихся стариков, удрученных мужчин с угасшим взглядом, изможденных, прикрытых лохмотьями женщин, тянувших за руку столь же истощенных детей? Трудно себе вообразить что-либо более терзающее душу, более поразительное, чем картина массовой нищеты несчастных еврейских семей, оставшихся без всякой помощи...

Возможно ли, – продолжает П. Боден, – возродить к полноценной жизни народ, который некогда был инициатором всего, что мы позаимствовали на Востоке, и который даже в Средние века удивлял своими способностями и трудолюбием?

И всё-таки можно исправить нынешнее положение вещей, можно устранить увиденное нами зло. Для этого необходимо подготовить к современной жизни новые поколения народа, пробудить их сознание правильным и последовательным воспитанием, школьным образованием обоих полов. Чтобы подготовить молодежь к упорядоченной трудовой жизни, следует создать сеть профессиональных училищ, в которых дети могли бы продолжить учебу после начальной школы. Конечно, должны быть организованы мастерские и предприятия мануфактуры, в которых молодые люди, обучившиеся ремеслу, могли бы найти применение своим силам и умению и заработать деньги для нормальной жизни. Очень важно начать. Всё зависит от первого, надлежащим образом воспитанного и обученного поколения. Следующие за ним не только воспримут достигнутое первым, но и преумножат его. А результат будет обнадеживающим: эти бродящие бесцельно по улицам столицы призраки, отторгаемые всеми, исчезнут, уступив место живым людям этого же народа».

От программы возрождения еврейских общин автор брошюры переходит к ответственности христианских народов за положение евреев Турции: «Прискорбно видеть в наши дни людей, которые не понимают нас, таких же христиан, осмелившихся возвысить голос и требовать улучшения участи еврейской расы в Турции. Другие говорят нам: “Но что мы можем сделать? Причем здесь мы?” Мы убеждены: есть средство им помочь, возродить общину. И это – новая система образования, то есть обучение и воспитание трудолюбием. Нас могут спросить: “Можно ли ждать возрождения народа, у которого всё в прошлом, который когда-то был инициатором всего, что мы получили с Востока, в том числе и в индустрии? Возможно ли вернуть им это трудолюбие?” Думаю, не понадобится слишком много усилий, чтобы добиться полного успеха».

Брошюра П. Бодена была издана за три года до открытия двух первых школ Всеобщего еврейского альянса. Спустя более полувека работы альянса произошли разительные перемены. Отдельные школы в еврейских кварталах были открыты уже в конце 60-х годов XIX века на пожертвования отдельных благотворителей. В 1868 году такая школа была основана упомянутым выше распорядителем фонда Ротшильда Альбером Коэном. В 1871 году в районе Пири-паша открылась школа, основанная раввином Якобом Саулом. Однако массовое строительство школ и специально разработанная для еврейских детей система образования – несомненная заслуга Всеобщего еврейского альянса. С 1874 по 1882 год в Стамбуле появилось 10 школ: пять для девочек и пять для мальчиков. Столь энергичные меры постепенно начали давать результаты. Знающая иностранные языки еврейская молодежь смогла теперь включиться в экономическую, политическую и культурную жизнь страны, на равных конкурировать с представителями других этносов. Правда, Альянс не раз упрекали за чрезмерную опеку общин, за то, что он «своими благодеяниями испортил турецких евреев, приучив их по всякому поводу протягивать руку за подаванием». Те, кто видел обратную сторону действий Альянса, отмечали отсутствие инициативы в среде самих стамбульских евреев, привыкших теперь жить за чужой счет. Шла ли речь о ремонте какого-нибудь строения или о написании некоего документа, заходил ли разговор о борьбе с эпидемией, все обычно восклицали: «Alianza esta alli!» («Альянс там») либо «Alli no esta la Alianza?» («Почему там нет Альянса?»). Всеобщий еврейский Альянс продолжал свою деятельность вплоть до провозглашения Турецкой республики.

À ἰαεῶν ἑὲ δῶν ὀν.

В соответствии с установленным Танзиматом равенством немусульманских миллетов султанское правительство приглашало на торжественные церемонии и приемы глав различных религиозных конфессий. В октябре 1867 года австрийский император Франц-Иосиф I прибыл в Стамбул по приглашению султана Абдул Азиза. На приеме присутствовал и главный раввин Якир Гиерон. Высокого гостя он приветствовал по-древнееврейски; потом его речь императору перевели на французский. Два года спустя глава столичных еврейских общин прибыл и на аудиенцию, данную султаном императрице Евгении Монтихо, супруге Наполеона III.

В 1873 году египетский хедив Исмаил-паша вел переговоры со стамбульскими властями. На приеме в честь хедива во дворце Эмирхан присутствовал главный раввин Моше Леви, нашедший случай поблагодарить Исмаил-пашу за льготы, предоставленные евреям Египта. Евреи вновь включились в политическую жизнь страны, давшей им убежище несколько столетий назад.

Первый парламент Турции открылся 23 декабря 1876 года. Среди его депутатов было несколько евреев: от Стамбула – Авраам Аджиман, от Багдада – Менахем Салах, от Боснии – Зивер, от Янины – Дэвидсон Леви. В сенат избрали Дэвидсона Кармону. В парламенте депутаты-евреи, в отличие от христиан, последовательно поддерживали политику османских властей, всё еще рассматривая последние как единственную защиту в условиях враждебного окружения. Память о лояльности османских султанов неизменно сохранялась в еврейских общинах. В апреле 1892 года исполнилось 400 лет с начала бегства сефардов из Испании и прибытия первых переселенцев в Османскую империю. По этому поводу главный раввин Моше Леви был принят во дворце Йылдыз султаном Абдул Хамидом II (1876–1909). Главный раввин преподнес султану турецкий перевод еврейской молитвы, содержавшей признательность султанам за предоставленное в тяжелейшие времена убежище. Текст молитвы был помещен в изукрашенный золотом бювар. Молитву эту читали в синагогах. Еврейские газеты посвятили приему у султана специальные выпуски, описав к тому же бегство из Испании.

Правда, надо заметить, что доверие султана к еврейским общинам подчас принимало нежелательные для них формы. Из всех немусульманских миллетов в конце XIX – начале XX века только евреи оставались лояльны к султанскому правительству. Поэтому, ссылаясь на акты Танзимата о равенстве всех подданных, султан предложил Моше Леви обдумать участие евреев в османских воинских формированиях. Главный раввин не мог отказаться. Вслед за согласием Моше Леви последовало одобрение общинного совета.

Несмотря на временную приостановку выпуска газеты властями, Давид Фреско продолжал критиковать главный раввинат за царивший в нем беспорядок. Три года спустя его исключили из общины. Текст отлучения был опубликован на ладино и переведен на турецкий язык для властей. Но времена были уже другие. Фреско не пропал. Его имя всплыло позднее, в 1919 году, в связи с визитом группы лиц к главному раввину Хаиму Нахуму. Среди них был и Давид Фреско, по-прежнему остававшийся главным редактором газеты «El Tiempo».

Известно, что евреи приняли участие в младотурецкой революции 1908 года. Некоторые вели себя весьма активно. К примеру, Нисим Руссо состоял на службе у Хюссейна Хильми-паши, главного инспектора трех вилайетов Румелии. Примкнув к младотуркам, он занялся распространением плакатов с призывами к революции, которые клеил на стенах домов в Салониках. 22 июня 1908 года Нисим влез на стул в каком-то кафе и открыто призвал публику к восстанию против султана Абдул Хамида II. Он сотрудничал в младотурецких газетах Салоник, а позднее Стамбула. После победы революции и захвата власти младотурками Руссо вместе с другими сторонниками партии «Единение и прогресс» прибыл в Стамбул. Джавид бей, министр финансов в новом правительстве, назначил Руссо главой отделения в своем министерстве. Через некоторое время министр перевел его на другое место, но с прежним жалованьем.

Раввин Х. Нахум.

Эммануэль Карасу тоже примкнул к младотуркам. Он стал связным партии и координировал деятельность ее членов в Салониках, Стамбуле, в прочих городах страны. У него были и другие обязанности, и он, по-видимому, успешно с ними справлялся. После революции Карасу стал депутатом младотурецкого парламента. В годы первой мировой войны, пользуясь доверием властей, он прилично обогатился на поставках в армию.

Сотрудником Нисима Руссо в годы правления младотурок стал Израэль Ауэрбах, подданный Германии. Руссо и Ауэрбах были связаны с немногочисленной группой стамбульских сионистов. Оппоненты приверженцев сионизма обвиняли их в своякорыстии, попытках использовать движение в собственных целях.

После принятия младотурецкой конституции 1908 года в Стамбуле заговорили о сионизме, о доктрине Герцля. В ряде газет на разных языках публиковались статьи о сионистском движении, заявления его лидеров, отклики. Читающая еврейская публика в массе своей воспринимала их с полным безразличием, как нечто вовсе к ней не относящееся. Она не сомневалась, что сионизм лишен перспектив в Османской империи, частью которой была в те годы Палестина. Большая часть еврейской общины была занята очередным этапом внутренней борьбы. Противники главного раввина Моше Леви воспользовались событиями младотурецкой революции 1908 года и сместили его. Новым главным раввином стал Хаим Нахум. Он, в свою очередь, не устраивал другую часть недовольных, и те попытались заменить Нахума его собственным тестем, директором еврейской семинарии. Интрига не увенчалась успехом, но нападки на главного раввина не прекращались. Идеи сионизма играли в этом противостоянии существенную роль. Бывший активный участник движения младотурок Нисим Руссо, потерявший свою должность и рассорившийся со вчерашними сподвижниками, тоже

выступил против Хаима Нахума, которому правительство явно оказывало доверие. Руссо решил создать в Стамбуле ячейку сионистского движения и принялся искать спонсоров. К новой своей деятельности он привлек Израэля Ауэрбаха, не имевшего османского подданства.

После Балканской войны 1912 года усилились атаки национальных организаций на младотурецкое правительство. Организации эти требовали прямого вмешательства великих держав в дела страны, требовали расчленения османского государства. В этих условиях Руссо удалось получить разрешение на создание общества, цель которого формулировалась довольно туманно: устройство и компактное поселение евреев в османской Палестине. Вскоре общество было запрещено властями. Что касается евреев, попавших в османский парламент, – Виталия Фараджи, Эммануэля Карасу, Ниссима Масляха, Иехезкеля Сассона и сенатора Бехора Ашкенази, то они были очень далеки от сионизма. Они сотрудничали с младотурецкой верхушкой, поддерживали ее политику.

Поражение турок в Балканской войне способствовало успеху государственного переворота в январе 1913 года, когда к власти пришли противники младотурок – иттиляфисты, члены партии «Свобода и согласие». Вчерашние сионисты Руссо и Ауэрбах при содействии Карасу создали новую патриотическую организацию, лояльную по отношению к новой власти и ни в малейшей мере не отвечающую интересам еврейских общин. Это был Национальный совет, который помог его создателям удержаться на плаву и в 1919 году.

Реформы затронули кроме всего прочего многовековую корпорацию раввинов, имевшую довольно сложную структуру и выполнявшую самые разные функции. Различные звания были упразднены. В июле 1914 года был разработан регламент для корпорации раввинов Стамбула, по которому она подразделялась всего на четыре категории: 1) Шилах Цибур (ведущий молитву) и Мезмерим (певцы); 2) Талмидей Хахомим (мудрецы); 3) раввины, входившие в общинный религиозный совет (meclis-i umumi ruhani); 4) раввины (семь человек), входившие в специальный духовный совет (meclis-i ruhani). Но внутренние перемены не сплотили общину. Особенно острые споры возникали по поводу выборов главного раввина. В 1911 году общинный совет, где было несколько сионистов, затеяли кампанию против главного раввина Хаима Нахума. В газете «El Tienro» этих людей называли «псевдосионистами», – вероятно, имея в виду корыстные цели, которые те преследовали. Но «псевдосионисты» сумели заручиться поддержкой всех раввинов, входивших в общинный совет. «El Tienro» вообще считала деятельность совета неконструктивной. Она упрекала раввинов в том, что они занимаются интригами внутри общины, прикрываясь сионистскими лозунгами. В газете говорилось также, что раввины стремятся сформировать новый совет, состоящий исключительно из их сторонников. Каковы бы ни были подлинные цели отдельных группировок внутри общинного совета, не вызывает сомнений тот прискорбный факт, что в общине царили раздоры и члены ее не умели договориться, достичь согласия.

Реформированию подвергся и религиозный суд Бет-Дин. Главой суда иногда был главный раввин. В прошлом Бет-Дин занимался и религиозными, и гражданскими, и коммерческими проблемами, причем решал тяжбы не только между евреями. Туда в некоторых случаях обращались и неевреи, имевшие деловые отношения с евреями. В начале XX века юрисдикция этого суда распространялась уже только на религиозные вопросы. Некогда же его власть была столь велика, что он предавал проклятию и отлучению всех признанных виновными членов общины. В 1912 году были реформированы и процедура судебного заседания, и система применения цитат и ссылок, на основании которых принимались решения. И всё-таки община и общинные институты в прошлом столетии менялись очень медленно. В какой-то мере это оправдывалось нестабильностью условий их существования...

В июле 1914 года началась первая мировая война. Турция участвовала в ней на стороне Германии и Австро-Венгрии. Все школы, финансировавшиеся странами Антанты, были закрыты. Поскольку школы Всеобщего еврейского альянса были начальными, то еврейские дети, желавшие продолжать образование, посещали турецкие, французские или американские лицеи. В школах Альянса обучение велось на французском языке, а потому многие дети дальнейшее образование получали во французских колледжах и лицеях. Закрытие этих учебных заведений лишило перспектив многих учащихся. В создавшейся ситуации инициативу взяло на себя общество Бней-Брит, основавшее еврейский лицей, где за основу была принята программа государственного лицея «Галата Сарай», тогда лучшего в Стамбуле. Лицей открыли в 1915 году. Обучение в нем велось на французском, помимо него дети изучали древнееврейский, английский, немецкий, турецкий. Среди преподавателей были профессора лицея «Галата Сарай», приглашенные из Франции турецким правительством. Позже общество Бней-Брит основало лицей для девочек, в который, правда, из-за нехватки средств вскоре стали принимать и мальчиков. Лицей Бней-Брит считался одним из лучших в городе. Там учились не только евреи, но и турки, греки, армяне, балканские славяне, поскольку лицей давал право сдавать экзамен на степень бакалавра.

В годы первой мировой войны число евреев Стамбула составляло примерно 80 тысяч. В годы Мудросского перемирия, заключенного в 1918 году и стимулировавшего в значительной мере войну турок за независимость, в Стамбул съезжались евреи из различных провинций, особенно тех, где шли бои. Много беженцев прибыло с Кавказа: там русские сражались с турками.

Экономический кризис, охвативший после войны многие страны, лишил работы массу людей. Евреи не были исключением. Турецкие порты закрыли не сразу, что дало возможность эмигрировать в Европу и США большому числу желающих. Население Стамбула значительно сократилось. По официальным данным, к 1927 году численность стамбульских евреев снизилась почти вдвое: до 47 035 человек.

Дальнейшая история еврейских общин Стамбула определялась уже новыми политическими и правовыми нормами республиканской Турции, в которой были разрушены и прежние традиции, и сами миллеты, и их отношения с центральной властью. Война и послевоенная разруха быстро свели на нет те преимущества, которые еврейская торговля получила в предвоенные и первые годы войны. Оставшимся в республиканской Турции евреям пришлось приспособиваться к новой власти, новым правилам игры, новым условиям существования, которые отнюдь не сулили спокойной жизни.

— Et apòny a aeòo i dai taaaò aèe-aaòt' aèou, i de aeòat' i na a' No ai aèe i m' ai t'eei i daeò aeùno ai.

«Если же на первых порах евреи-офицеры пострадают от неприязни своих товарищей, то это нам не страшно, но мы не можем допустить того оскорбления, которое, в противном случае, наносится чести еврейской нации».

Делегация выразила далее уверенность, что при первом боевом крещении страсти улягутся и восстановятся сносные отношения.

«Сказанное вполне подтверждается положением вещей, которое имело место при Временном Правительстве и на Донском фронте».

После того как генерал Деникин снова указал на крайне тяжелое положение евреев-офицеров, в какое они могут попасть, делегация всё-таки продолжала настаивать на своем, заявляя, что не страшно, если даже иногда евреи-офицеры получают пулю в спину. «Такое положение, такая неприязнь долго длиться не будет, но принцип равенства нам слишком дорог».

Тогда генерал Деникин указал на другую сторону вопроса:

«Я боюсь серьезных волнений среди офицерства и не могу поэтому принять вашу точку зрения».

Дальше генерал Деникин пытается объяснить настроение армии против евреев тем обстоятельством, что армии приходится сражаться лицом к лицу с еврейскими коммунистическими легионами.

Делегация немедленно возразила, ссылаясь на слова генерала Шкуро, что всего-навсего таких легионов насчитывается один в 300 человек. Правда, носят слухи о таком же отряде в Одессе, но всё это находится в области предположений. Засим чрезвычайно странно, что такое настроение рождается у армии против евреев ввиду одного отряда в 300 человек и совсем не имеет места при виде десятков тысяч русских братьев-красноармейцев, с которыми приходится сражаться и которым всё так быстро прощается.

После этого генерал Деникин заметил, что при уходе большевиков из Екатеринослава там сконцентрировалось 130 еврейских комиссаров. На это делегация ответила, что еврейские комиссары фабрикуются чрезвычайно искусственно: весьма часто простых евреев, которые ничего общего с большевизмом не имели, возводят в чины комиссаров, дабы создать видимость их многочисленности. И совершенно правильно по этому поводу заметил генерал Шкуро, что в Юзовке одного крупного буржуа превратили в комиссара.

Тогда генерал Деникин заявил, что вследствие существующей сплоченности между евреями следовало бы повлиять на еврейские большевистские дружины.

Делегация выразила удивление по поводу того, что генерал Деникин мог думать о каком бы то ни было влиянии евреев на большевиков, которые, именно как большевики, порвали всякую связь с еврейством. «Когда московский раввин Мазе обратился к Троцкому с указанием на страшный вред, наносимый его деятельностью еврейству, Троцкий ответил, что он ничего общего с еврейством не имеет и еврейства знать не хочет».

Широкие еврейские массы непричастны к большевизму. На выборах на различные национальные съезды и в общинные советы, на которых проявляется настоящая политическая физиономия еврейства, не был избран ни один большевик.

Генерал Деникин. Это могу понять я, но пойдите и объясните это массе.

Делегация. Вы сумели совершить чудо, создав могучую дисциплинированную армию, и вам нетрудно будет при помощи приказа заставить офицерство считаться с вашими словами.

Генерал Деникин. Да, нами многое достигнуто, и слава Б-гу, если мои боевые приказы исполняются. Желать же сейчас, при данном составе и моральном уровне армии, большего невозможно.

Делегация. Такое неприязненное отношение со стороны армии к евреям встретят и еврей-солдаты, принятые по мобилизации.

Генерал Деникин. Думаю, что евреи-солдаты легче сживутся в массе прочих простых солдат, и вряд ли в этом отношении можно ожидать больших трений.

Делегация. Не следует ли считаться с настроением еврейских масс, уязвленных в своем национальном достоинстве? Можно ли от них требовать, чтобы они отдавали свою голову, идя в армию, из которой выбрасывают их братьев?

Генерал Деникин молчал.

Переходя к вопросу о грабежах, генерал Деникин заметил, что, насколько ему известно, они утихают и что в Харькове совсем спокойно. На что делегация ответила, что в Харькове не только не спокойно, но до сих пор идет так называемый тихий погром, ежедневно выражающийся в десятках самых тяжелых случаев грабежей и насилия.

Далее делегация представила генералу Деникину копию прошения Лозовской городской управы на имя генерала Май-Маевского, которое произвело на него видимое впечатление.

Εάνδο αι αι έσει ηεία ιτάδι à á Οαηό ται

Ναι ό γαδι 1919 αι

«Что касается Екатеринослава, то без ужаса говорить нельзя: целыми улицами еврейские дома и магазины разгромлены дотла, сотни женщин изнасилованы, много убитых. Вначале мы склонны были считать это результатом “упоения победой” и разгоревшихся страстей солдат и были уверены, что скоро всё это пройдет. На самом же деле эти зверства и ужасы решительно не проявляют тенденции к прекращению».

«Эти зверства происходят также на железных дорогах – на всем протяжении пространства, занятого Добровольческой армией. Из вагонов евреев буквально выбрасывают в окна. Ни один еврей не может спастись. В лучшем случае он спасет свою жизнь ценой огромного выкупа».

Генерал Деникин: «Да, трудно ожидать чего-либо хорошего от людей, совершенно оподлившихся, чрезвычайно павших в моральном смысле. Ведь тот факт, что этот люд попал в армию не по мобилизации, не делает его лучше; это ведь не добровольцы, идейно шедшие в армию, за каждого из которых я мог бы поручиться; это ведь – сброд. Его физиономия станет ясна, если принять во внимание общее падение нравов».

Дальше генерал Деникин пытался доказать, что эти погромы не исключительно еврейские.

Делегация: «Погромы начинаются исключительно с евреев, но впоследствии, конечно, разливающаяся волна захватывает и неевреев, перекатываясь и на их дома и магазины».

«Впрочем, – заметил генерал Деникин, – об этих эксцессах мне известно больше, чем вам».

Затем делегация обратила внимание генерала Деникина на то, что такого рода эксцессы, помимо всего прочего, отражаются и на собирании средств, в которых армия так нуждается. Ведь не могут же люди заниматься сбором денег в то время, когда надо спасти последнюю рубаху от разграбления, жен и дочерей – от насилия.

Переходя к деятельности «Освага», генерал Деникин просил указать факты, доказывающие его антиеврейскую пропаганду. Делегацией были предъявлены две прокламации без подписей.

Генерал Деникин заметил, что он затрудняется сказать с уверенностью, какого происхождения эти прокламации и действительно ли они исходят от «Освага».

«Вы, – сказал он, – могли бы лучше всех расследовать это обстоятельство».

Делегация выразила удивление, как может она сделать это более успешно, чем генерал.

«Для вас имеется очень простой путь: пошлите, ваше высокопревосходительство, вашего курьера или адъютанта в отделение “Освага”, и он принесет вам всю его литературу, среди которой, конечно, окажутся и эти листовки. Впрочем, одна из этих прокламаций получена в самой типографии, где печатаются все издания “Освага”».

Генерал Деникин: «Не странно ли это, что одновременно с вашим заявлением я получаю почти ежедневно письма, обвиняющие “Осваг” в том, что он продался жидам?»

Переходя к дальнейшим мерам, предложенным в записке, генерал Деникин, ссылаясь на крайне обостренное, озлобленное отношение со стороны населения и армии к евреям, категорически отказался от выступления с какими-либо декларациями, находя их не только не полезными, но и могущими оказаться вредными. На это делегация указала, что значение, придаваемое им названному настроению, преувеличено, что это настроение поддерживается известной частью русского общества, ложно понимающей задачи момента и возводящей борьбу с евреями в патриотический подвиг.

«Если же вы скажете, что это не только не патриотично, но прямо вредно, потому что это разрушает тыл, деморализует армию и мешает дальнейшему победоносному наступлению, что разорение четырехмиллионного еврейского населения влечет за собой разрушение экономических основ всей страны, то русское общество вас послушается и переменит свою тактику. Точно так же, если вы прикажете “Освагу” прекратить свою травлю, она будет прекращена».

Делегацией было указано на факт, имевший место в Ростове-на-Дону, где темными элементами тоже всячески подчеркивалось якобы существующее в широких народных массах погромное, враждебное отношение к евреям, которое, однако, быстро исчезло, как только свыше указано было на недопустимость каких бы то ни было эксцессов.

Делегация продолжает настаивать на необходимости декларации и на ее срочности именно теперь, когда Добровольческая армия вступает в пределы Полтавской, Херсонской и Киевской губерний с крупным еврейским населением.

«Там еврейское население пережило все ужасы набегов большевиков, григорьевцев, махновцев, и следует сказать откровенно, еврейское население не может забыть того, что и махновцы, и григорьевцы, и большевики – все русские люди. Теперь же, перед приходом Добровольческой армии, вам необходимо сказать: довольно. Пусть добровольцы не повторят то, что другие сделали до них. Адмирал Колчак издал декларацию, хотя у него, наверное, не было таких непосредственных к этому поводов. Может быть, он это сделал из политических соображений».

Генерал Деникин: «Да, там американцы... Я считаю декларацию ненужной».

В заключение генерал Деникин заявил, что, относительно эксцессов, он усилит меры к прекращению их. «Вы должны мне верить, что нами в этом отношении уже многое сделано. Если бы мы не сделали, то было бы нечто страшное».

По отношению к «Освагу» генерал обещал расследовать истинное положение дел и в этом отношении принять соответствующие меры.

Что же касается армии, то он решительно отказался от каких бы то ни было непосредственных мероприятий; исподволь он надеется внести некоторое успокоение.

На определенный вопрос, предполагает ли он издать какие-либо приказы, генерал Деникин ответил категорически: «Сейчас нет. Быть может, со временем, если это потребуется».

Беседа длилась один час с четвертью.

АРИСТОТЕЛЬ И НАЕМНЫЕ ГОЛОВОРЕЗЫ

Аריסטотел Агеа

Герберт Голд (р. 1924) – американский писатель, родился в еврейской семье. Изучал философию в Колумбийском университете. В 1942-м, прервав учебу, пошел в армию, где прослужил до 1946 года.

Писал романы, рассказы, эссе, детские книги. Занимался журналистикой. Преподавал в разных университетах.

Написал много романов, в том числе три, основанных на собственной биографии: «Отцы: роман в форме мемуаров» (1967) – о своем отце, иммигранте из России, ставшем успешным бизнесменом, который учил сына, как выживать в Америке; «Мои последние две тысячи лет» (1972) – книгу, по определению Голда, «о том, как быть и стать евреем и писателем в Америке»; «Семья: роман в форме мемуаров» (1981) – в нем прообразом героини романа – архетипа еврейской матери – послужила Фрида Голд, мать писателя.

Издal три сборника рассказов «Пятнадцать на три» (1957), «Любить и нравиться» (1960), «Колдовская воля» (1971), а также сборник эссе «Век счастливых вопросов» (1962).

Рассказ «Аристотель и наемные головорезы» взят из сборника «Любить и нравиться».

В 1933 году у моего отца было два грозных врага. С одним он сражался весь фруктово-овощной день: с раннего утра, с рассвета, в куртке из овчины таскал и грузил ящики на шаткий пикапчик, а потом до вечера обслуживал покупателей в узком темном магазине, построенном в переулке между пекарней и магазином электротоваров. С другим врагом он воевал по ночам – стонал и ворочался в странных кошмарах, где рассерженного человека вечно преследуют, а он не может бежать.

Дневной его враг был общим у большинства американцев – Великий Кризис. Ночной зверь рычал и топал на улицах фантастической Германии.

– Гитлер! – говорил он за завтраком, мотая головой, чтобы прогнать сон. – Мне стыдно, что я человек. Другим клубничкам противна гнилая – они гниют от стыда, если ее не выдернуть...

– Съешь еще чашку хлопьев, чтобы набраться сил, – приговаривала мать, как верная жена скорбя вместе с ним, потому что без сил никуда на взбаламученной планете.

– Извини, некогда – посмотри на часы. – Он не жаловался; другой земли он не знал. – Салат уже пошел и Пасха скоро.

В кожаной куртке и армейских ботинках, стоя, он допивал кофе, ставил чашку в раковину и отправлялся на рынок возле кливлендской равнины. Майским утром до рассвета он бился с капитально отремонтированным мотором дважды подержанного грузовичка, ругался, поднимал капот, протирал провода и свечи. Мать открывала окно на кухне и наблюдала оттуда. Мотор кашлял, замолкал, наконец заводился – и за дело. Мать смотрела вслед машине и махала рукой. За дело – с ножиками, молотками, долларами в карманах, колодой карт и смешными картинками, чтобы показывать приятелям промозглым майским утром. По пригородным улицам, тарыхтя, на пригородное шоссе и через спящий город, где фонари разом гаснут на заре и редко когда поприветствуют его по пути освещенное окно спальни или кухонные звуки.

Но на Центральном фермерском рынке уже кипит жизнь. Под цинковыми рифлеными крышами и на открытом воздухе вокруг грузовиков с овощами – торговый гомон. Фермерские жены продают горячий жирный суп из громадных кастрюль, по пять центов суп до торговли, и по десять горячий кофе с пирожками после – продают ошалелым едокам, а те заглатывают их целиком и не могут вспомнить, второй у них это завтрак или третий. Отец шагал по коридорам салата и молодого гороха, по зеленым проулкам шпината, в безмолвные залы ранних фруктов, прибывших по железной дороге. Наедине и заодно с едой он благодарно принимался, вдыхал воздух полной грудью, непринужденно, по-домашнему радуясь вкусу и запаху своего товара. Он отправлялся на продуктовый рынок, как на церковную службу – за щедростью Америки забывался и Гитлер, и банковские каникулы. Он сжимал в руке сливу, так что брызгал сок. Вытирал глаза.

Во фруктовой берлоге его застиг Джо Рини.

– Что ты тут делаешь, Сэм?

– То же, что ты. Хорошо, а?

– Но сможем ли мы это продать? У меня сливы с прошлой недели лежат.

Отец пожал плечами, задев рукавом за ящик.

– В холодильнике они раскисают. А что еще мы можем сделать?

– Ничего... а эти с виду первый сорт. Ну-ка попробую.

– Давай, пробуй. А я куплю.

Зеленщики, конечно, искали расположения фермеров – последние были другой породой и в те дни не мылись из протеста против дороговизны жизни. Их лучшие продукты раз за разом гнили на полях, а сами они часто мучились животом, в безнадежных попытках справиться с непроданным урожаем. Даже первосортных помидоров, прогретых солнцем и присоленных, может оказаться невпроворот! Фермеры страдали от закладных, от кожных болезней, непочиненных изгородей, вечно беременных жен. Регулярно выезжая из своих безлюдных угодий навстречу одуряющему городскому гоготу, чтобы вернуться иной раз без прибыли, семян и удобрений, они тоже пускали по рукам карточки.

Зеленщики-эмигранты, итальянцы и евреи, с их немногочисленными греческими и негритянскими коллегами, обменивались анекдотами, вырезанными из журналов, и похабными картинками. Сперва они конкурировали и спорили, потом собирались кучками, чтобы поесть и посудачить и в доверительной передышке раннего утра посетовать на трудные времена. На восходе солнца разъезжались с сожалением, гоня свои грузовички навстречу наждачному дню.

Фермерские жены, закутанные, красные и неароматные, как их мужчины, допивали остатки кофе и молча наблюдали за происходящим. Капли жирных сливок бегали по дну алюминиевых кружек, как перепуганные мальки. У фермеров шли свои совещания – шепотом, – только они никогда не заканчивались взрывом смеха. Их карточки были другими мечтами – мечтами об охоте и верховой езде, готическими фантазиями о ритуалах, торжествах и карах. Призрак Черного легиона бродил по окрестностям Кливленда. Стоваривался с ку-клукс-кланом в Парме, с Бундом^[1] в Лейквуде, и ходили слухи о строевой подготовке на полях с парнями-часовыми, вооруженными метловищами. Карточки объединяли их для мести и борьбы за священный порядок. Родственники, редко видевшиеся друг с другом, сходились по воскресеньям после церкви

и слушали воспаленные речи, несшиеся с кузова пикапа. Мрачной зимой 1933 года некоторые фермеры ощутили, что они призваны – по крайней мере настолько, насколько доходил до них призыв человека в синем костюме из Джексона в Мичигане^[2].

Ал Флейвин был фермером, с которым отец имел дело без малого десять лет. Они не дружили, но отец давал цену не меньше других, а Флейвин хорошо ухаживал за своим салатом; связь их была коммерческая. Рассерженный человек, в свое время боровшийся на сельских ярмарках, великан с могучими волосатыми руками, он вкусил славы впервые с тех пор, как расстался с юношескими победами на пропотевшем брезенте. Люди слушали его. Он стал Командором, или Рыцарем, или Драконом, или как это у них там называлось в Черном легионе. Он не мог выплатить долг за теплицу, зато мог до зари собрать легионеров для совещания на окраине города.

Наверное, Флейвин ощущал разлад с собою, когда, распустив слушателей, обменявшись с ними мистическими рукопожатиями и сокрушив более слабые ладони в своей лапе, взбирался на пикап с привязанным грузом и смиренно приступал к торгу с Сэмом Стейном.

– Ладно, возьму одиннадцать ящиков по цене десяти, – сказал отец.

– Десять ящиков, – упрямо повторил Ал Флейвин.

– Одиннадцать ящиков. Или десять, и моя цена.

– Нет. Десять ящиков. По моей цене.

– Ал, послушай меня, – спокойно сказал отец. – Ты ведь знаешь, по твоей цене я не могу купить. Джо Рини будет торговать дешевле; раскидает листки под все двери, и где тогда буду я? К делу надо подходить разумно.

– Ты меня слышал.

– Что с тобой, Ал? Плохо себя чувствуешь сегодня? Что-то болит?

– Джо Рини у меня не покупает. Я привожу первосортный товар.

– Я знаю, знаю, поэтому и стою здесь и спорю с тобой. Я хочу твой товар, Ал, он мне нравится.

Отец покачивался и улыбался. Ал Флейвин стоял за баррикадой салата. Терпение, терпение – дух испытывается на земле. Наконец они сошлись, где-то между спросом и предложением, а затем, объединившись в традиционном эпилоге успешных переговоров, вдвоем перегрузили зелень на отцовский пикап. Разгоряченные и запыхавшиеся после труда, отдав и приняв деньги, они обычно превращались на несколько

минут в благодушных союзников, и пухлый зеленщик закуривал с массивным хмурым фермером. Прищурился глаза, Ал Флейвин старался вспомнить, кто такой он и кто другие люди.

– Ну, Ал, сигару? – сказал отец.

Теперь Ал вспомнил. Он пощупал карточку и определил моего отца:

– Жид!

– Чтоп... чтоп... – проговорил отец.

Флейвин в хлопающих галошах, которые носил чуть не до лета, затопал прочь, двинув отца плечом так, что тот повернулся кругом. Отец продолжал бормотать «Чтоп... чтоп», не в силах выговорить «Что? Почему?» Он был изумлен, потом сгорбил в мрачной задумчивости. Солнце давно встало, но ночной кошмар вдруг обрушился на дневную мечту, и он очутился на кривых печальных улицах старого Нюрнберга.

Отец перестал покупать у Ала Флейвина. Но этим дело не кончилось. Каждое рыночное утро, дважды в неделю, он слышал слово Флейвина – сперва шепот, потом выкрик в спину. Короткий слог скреб по нервам. Рынок перестал быть радостью. Мать взяла с него обещание, что он не будет драться. Флейвин, огромный, обросший борцовским мясом, жаждущий схватки, раздавил бы его в своих лапах. Это была стратегия. Флейвин был Командором. Он надеялся обратить колеблющихся, катаясь с Сэмом Стейном в сточных канавах рынка.

– Я раньше убью его молотком! – кричал отец.

– Сэм, Сэм, нам не нужны неприятности.

– Я разобью ему голову гвоздодером!

Мать ласкала его, гладила.

– Подумай о своем деле. У тебя семья, Сэм, ты должен их учитывать.

– Я УБЬЮ ЕГО, БЕЛЛА!

– Тихо, ты делаешь шум – соседи. И меня ты должен учитывать. Прошу тебя, ради твоих детей, не надо неприятностей.

– Нет, нет, нет. – Глаза у отца покраснели от бессонных мыслей, в белке лопнула жилка. Он дышал так, словно ему не хватало воздуха. – Нет, ты права, Белла. Но если он еще раз заденет...

И раз этот случился в знойном июле, когда даже ранним утром люди на рынке пыхтели и потели под кровавым глазом солнца, еще лежавшего над изнуренным городом. Лед таял и капал из ящиков с салатом и тут же испарялся на цементе, не остывшем за ночь. Раскормленные рыночные крысы ковыляли на обожженных лапах. Флейвин выскочил из-за груды ящиков, притворившись, будто торопится, и заехал коленом отцу в живот, так что он потерял равновесие, пошатнулся и упал, как пьяный. Он застонал. Он пытался и не мог выдохнуть. Воздух заперло, замкнуло, уничтожило где-то внутри, и он валялся на мягком рыночном мусоре, а

маленькая вселенная боли в животе кружилась быстрее земного шара, и только минутой позже, когда вихревая боль в средостении замедлилась до слабости и слабость перешла в кислую тошноту, наполнившую рот, он снова вспомнил, кто он. Это надругательство над жизнью причиняет гложущую печаль человеку, который уткнулся теменем в ящик с салатом и силится вздохнуть. Кровь кричала у него в ушах, как орлы. Это жажда убийства – уничтожения. Это страшная боль, которая заставляет человека забыть, что он Сэм Стейн.

Флейвин ржал во всю силу легких и манил его громадными ручищами. Прежде молчаливый, он обучился ораторским приемам:

– Смахивает на пьяного, а? Ну, прямо ханыга. Сроду не видал жида-ханыги – а вы, ребята?

Услужливый смех.

Остальные сбегутся на шум драки. Флейвин был в башмаках, вышиб доску, вышел из сломанного ящика, изготовился.

У Сэма Стейна сильно болел живот. Он поднялся, чувствуя головокружение, и помотал головой, чтобы прогнать туман. Нашупал в заднем кармане никелированный молоток-гвоздодер. Флейвин пригнулся, его длинный подбородок подергивался от нетерпения. Пуговицы на штанах натянулись, из ширинки торчал уголок рубашки. Флейвин мог подождать более удобной минутки, чтобы заявить о себе людям. Сейчас их не замечали за торговой суетой; рынок бурлил, не ведая о двух врагах; еда возвышалась над ними и вокруг них большими башнями и сводами, и наблюдали за ними всего два-три фермера. Наблюдал и Джо Рини – ужасаясь, глотая слюну.

Отец дал обещание матери.

Он любил жизнь, правоту и любил побеждать.

Флейвин мог убить его.

Отец быстро отошел, сутулясь, краснея от стыда, бледнея от замыслов, схватил Джо Рини за рукав и потащил.

– Джо, Джо, – сказал он. – Я хочу с тобой поговорить. Я знаю, у тебя есть друзья. Я хочу с ними тоже поговорить.

– Что ты хочешь сказать, Сэм?

– Может быть, я и убил бы его, но, может быть, нет. Если бы он меня избил, это было бы не так уж хорошо. Остальным казакам это пришлось бы по вкусу. Или еще хуже. Плохой прецедент. Никакой справедливости в этом. Так что...

Рини с жаром заговорил в пустоту:

– Ты же знаешь, как они пьют. Они пьяницы. Так что не поднимай себе давление.

Взгляд отца заставил его умолкнуть. Рини согласился. Отец медленно решал:

– То, что делается сейчас на рынке, Джо, скоро для любого из нас станет небезопасно.

– Ты о чем думаешь, Сэм? – спросил Рини.

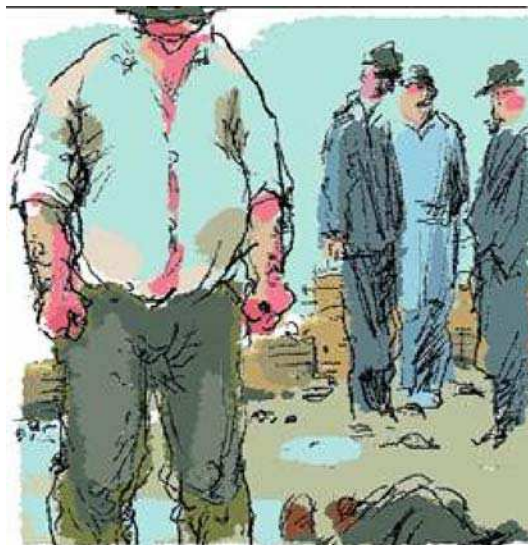
Он думал, но на свой лад: прецедент, моральный дух, пример. Это был политический вопрос, и отвечать на него надлежало нечистыми, компромиссными средствами политики. Страстный ответ – окровавленное лицо Сэма Стейна, толпа, втихомолку улыбающаяся над поверженным телом Сэма Стейна, разгоряченный Ал, решивший, что сбылась его мечта о могуществе – это был бы наихудший вариант, и яростное тело отца чуть не подарило его Флейвину. Философское решение состояло в том, чтобы подавить эту жаркую внутреннюю судорогу и тогда уже, только тогда, придумать острастку для этой казацкой банды.

Иов и Ной имели терпение; правда, Иову был позволен гнев. Человек необразованный, мой отец знал, что патриархи даже говорили о том, что страсть на земле надо употреблять правильно. Но он не знал другого места для справедливости, кроме как здесь, внизу, на земле, где надеялся народить еще детей.

Он глубоко вздохнул, раз, другой, еще раз – вот так оно лучше, – а потом поблагодарил Б-га за то, что Он дал ему чувство ответственности. Он поблагодарил Создателя за то, что вспомнил о своей здоровой, покладистой, вечно жалующейся жене. Печально поблагодарил Всемогущего за осмотрительность – и за своего друга Джо Рини. Он сказал Джо Рини:

– Теперь ты мне поможешь.

В тот же вечер Джо нашел троих молодых друзей, о которых шла речь. Отец захотел с ними встретиться... «рад нашему знакомству». Как официально мы себя ведем, когда смущаемся. За пятьдесят долларов он мог заказать избиение с любыми деталями, какие назовет. Кроме, конечно, извращений – вы что, думаете, мы педерасты? Они были просто администраторы.

– Нет, нет! – кричала мать. – А потом он тебя убьет, и что хорошего? Мы не можем себе этого позволить!

– Мы не можем позволить себе другого, – непреклонно отвечал отец. – Мы сделаем то, чего французики не желают сделать. Когда он поднимет хвост, мы войдем в Рейнланд и положим этому конец. Ты не обязан слушать этот шум. Ты прекращаешь его, как умеешь. Прекращаешь его. Прекращаешь.

– Сэм, Сэм, это опасно, это пятьдесят долларов.

– Это стоимость жизни, Белла.

Друзья Джо Рини, три молодых человека с прилизанными волосами, нервными руками и бородатыми анекдотами были очень дружелюбны. Они качали меня на колене, как малыша, и трясли погремушку, хотя мне уже исполнилось восемь лет. Они подробно говорили о деле, потому что отец любит дело. Кроме того, он желал определенности. Мать подала печенку – толстые куски с крупно нарезанным сочным луком. Как можно деловым людям обсуждать серьезные вопросы, не набравшись сил? И кружки с крепким черным кофе.

– За пятьдесят долларов, мистер Стейн, – сказал предводитель группы, – мы вам можем его убить. Без доплаты. Нам и так, и так работать. Его грузовик остановится перед светофором при въезде в город – а тут и мы.

– Нет, нет, – сказал отец. – Только чтобы попал в больницу, больше ничего.

– Мистер Рини говорит, что работал с вами в брокерской конторе. Говорит, что вы старые приятели. Нам это ничего не стоит.

– Нет! – сказал отец. – У человека жена и дети, как у меня. А старший – глупый, не сможет сам содержать ферму.

– У нас дети умные, – с улыбкой вмешалась мать, довольная их аппетитом. Она вежливо похлопала по столу салфеткой. – Мой старший мальчик приносит такие отметки от учителя...

– Тихо, Белла. Если хочешь поговорить, пойди позвони кому-нибудь по телефону. Слушай.

Бизнесмены, воспитанные в почтении к матерям, виновато пожали плечами и с сожалением продолжали выслушивать совестливого заказчика. Они не привыкли к тонкостям, но выросли в крепких семьях, и материнская гордость их радовала.

– Так что не делайте того, что вы сказали, – повторил отец. – Я только хочу, чтобы он немного научился, чтобы у него было время немного подумать. Больница.

– Хорошо, – с неохотой отозвался предводитель. Воля ваша. Если передумаете, вы нас найдите, ладно? Цена для вас будет та же.

– Больница, – повторил отец и заставил их пообещать.

– О деталях не беспокойтесь, мистер Стейн. Пятьдесят долларов теперь много тянут.

Отец сердито встал и со стуком поставил чашку на блюдце.

– Я сказал: больница!

– Больница, больница, – скорбно подхватили они и вышли гуськом.

Утром Флейвин не появился на рынке. Совсем нетрудно было проследовать за ним на «фордике», остановиться рядом на красный свет, выплюнуть сигареты и быстро перебраться в пикап. Так что вместо Флейвина появился усталый, работающий молодой головорез и, кивнув папе, сказал, что они действовали аккуратно, как договорились. Но и наоборот ничего бы не стоило сделать.

Отец не радовался. Затуманенным взглядом он выразил свое сожаление о тяжести мира: он вынужден был нанести поражение Флейвину, не заслужив поцелуя победы. Жизнь наградила его – как награждает всех – еще одним пятнышком на идеале безупречной доблести. Он счел это необходимым делом всего-навсего и предвидел возможность того, что его, в свою очередь, подстережет человек, который не обременит себя мыслями о его жене и детях. Тем не менее разум утешал его.

– А что, если он так же с тобой поступит? Где я буду с детьми? Где будешь ты, если умрешь?

– Да, это риск. Но в этой жизни приходится рисковать и защищать себя, как умеешь. А теперь позволь ответить на твой вопрос: если умру, меня нигде не будет.

Он послал Флейвину букет за пять долларов, а на следующее утро – двухдолларовое растение в горшке, с мясистыми влажными листьями, осыпанными декоративными блестками. Джо Рини одобрил. Приятель, навестивший Флейвина в больнице, сообщил, что больше никаких цветов ему не посылали.

Мораль из этого случая отец извлек ту самую, какую хотел преподнести Англии и Франции в 1933 году и позже. Дней через десять Флейвин тихо появился на рынке в бинтах, но по-прежнему трудоспособный и сильный. Он продал отцу помидоры, и они по-джентльменски спорили о цене. Настороженно величали друг друга «мистерами». Разговоры о Черном легионе продолжались, но со стороны Флейвина никаких выпадов. А через несколько лет и разговоры прекратились.

Порой отец думал, что его могут избить, но этого не случилось, хотя однажды его ограбили. Флейвин не имел к этому касательства.

Флейвин хорошо воспринял урок, преподанный, согласно Аристотелевым принципам, с умеренностью, человеком, чья врожденная страстная мягкость привела его к разумной твердости: больница для Флейвина, ничего больше. Кошмары продолжают, но на них есть ответы – пусть рискованные, рациональные, не окончательные и не вполне рыцарские. Бедный Флейвин, не привыкший к сюрпризам, – он был обескуражен.

А мать утешилась. Папа заработал еще пятьдесят долларов – в возмещение потраченных на доброе дело.

Ἰ ἀδελφὰ Ἀεὲς ἰδὰ Ἀϊεὺς ἀὰ

^[1] Ἰ δὲ ἰαὲν ἰεὺ ἰδὰ ἰεὺ Ἀαὶ αἰ ἰ-αὶ ἀδελφὰ ἰεὺ ἰαδὲ ἰεὺ ἰεϋ
^[2] Ἀαδὺοἰ ἰ, εἰ ἀαὺ ἰ ἀεὺ ἰοαὺ ἰεὺ (xαδελφὺ Ἰαδὰ ἰεὺ; 1891-1979) - ἰἰ ἀεὺ ἰεὺ
 ἀαεὺ ἰδὲ ἰαδὲ ἰεὺ, ἰαδὲ ἰα-αεὺ ἰ αἰ ἰεὺ εὖ ἰο ἰδὲ ἰεὺ Ὁ Ἀ. Δαδελφὰ, ἰ 30-ὸ ἀαὺ αἰ ἰεὺ
 ἰδὲ ἀεὺ ἰεὺ ἰεϋ

СОСЕД

Рעעו אַלע יאָר

Квартира, сдававшаяся на втором этаже над рынком, уже с полгода стояла пустая, хотя смотреть приходили.

Хозяину квартиры надоело ходить каждый раз показывать ее людям, и он стал посылать их, чтоб ходили и смотрели сами, а ключ оставил у соседа Йихья, у которого в прошлом году умерла жена.

Йихья с женой Малкой любили, чтобы в доме было красиво, и детей так воспитывали, и всю жизнь собирали красивые вещи, и всё им казалось мало. Когда же почувствовали, что достаточно, дети из дома уже ушли, а тут и Малка умерла. И Йихья обнаружил, что одному ему смотреть на свои красивые вещи скучно.

Поэтому он охотно взял ключ и показывал пустую квартиру людям. Ему с первого же раза неловко показалось, что квартира такая запущенная и грязная. Тем более что приходили и женщины. Йихья пристально приглядывался к каждой женщине старше сорока. Он любил свою Малку, пока она была, но теперь ее не стало, и нужно было не откладывая искать другую, чтобы красивые вещи в его доме не стояли зря.

Однажды в теплый воскресный вечер, когда народу на рынке было совсем мало, Йихья пораньше прибрал свой прилавок с орехами и семечками и, наскоро перекусив, пошел в соседнюю пустую квартиру.

Сначала он только закрыл окно в кухне и соскреб голубиный помет со стола и подоконника. На следующий день выгреб из углов окурки, бутылки из-под воды и кока-колы и подмел пол. Сделав это, он заметил, какие мутные и заросшие в квартире окна. Здесь Йихья остановился. Мыть окна в чужой, посторонней квартире?

Но на следующий день пришла осматривать квартиру женщина. Небольшая, круглая, хорошего возраста. Йихья всё ей подробно показал, обратил ее внимание на удобные антресоли и ниши, объяснил, как легко переложить проваливающиеся кое-где плитки пола – он знает надежного и недорогого мастера. Женщина неопределенно двигала губами и говорила мало, но обещала, что послезавтра придет посмотреть вместе с дочкой. «Не знаю, не знаю, – сказала она напоследок, – девочка молодая, каждый день через рынок ходить».

Ну и что, что дочка? Дочка – это ничего, даже хорошо. У него у самого их было три, но всё уже далеко. Йихья вымыл и окна, и пол, и нечистый унитаз, и раковину. Теперь квартира выглядела не так скверно, но, подумал Йихья, жить в ней всё равно не хотелось. Йихья сходил домой, взял горшок с высоким

многоствольным кактусом, который Малка начала выращивать лет двадцать назад, и поставил его под окном в салоне. Сам он этот кактус не очень любил, но, может быть, он будет придавать квартире жилой вид.

Нет, не придавал. Горшок на полу выглядел чудно и сиротливо. Тогда Йихья снова сходил к себе и принес большого перламутрово-голубого фаянсового лебедя, в спине которого была ваза для фруктов. Сбежал вниз, взял у Нахума апельсинов и яблок. И поставил лебедя под вторым окном. Лебедь с фруктами был такой красивый, что Йихья, как всегда, невольно им залюбовался. Но теперь стало еще более очевидно, что этого мало.

Тогда Йихья взялся за дело всерьез. Он приволок с рынка несколько пустых картонных ящиков и расставил их по всей квартире. Накрыв все ящики разноцветными скатерками и салфетками, вышитыми и связанными рукодельницей Малкой. И на каждый поставил красивую вещь.

На ящике посреди салона стоял коричневый гипсовый светильник, три полуголые девушки, изящно изгибаясь, держали три факела с переливчатым стеклянным пламенем, а в пламени скрывались лампочки. Малка сердилась, когда он привез этот светильник из Яффо, и говорила, что он купил его, чтобы смотреть на голых баб. А Йихья и не видел в них никакой соблазнительной наготы, а видел только, как плавно линия спины переходит в руку, а рука – в факел, увенчанный трепещущим розовым огнем.

В комнате, где у прежних соседей была спальня, он поставил предмет, который особенно радовал его, потому что не имел никакого полезного назначения, кроме красоты. Это был шарообразный пучок упругих белых нитей, похожий на большой одуванчик, и, если включить его в сеть, на концах нитей беспорядочно вспыхивали и гасли красные, синие и зеленые искры. Правда, электричество в квартире было отключено. Поэтому рядом он поставил еще стеклянную банку, где, не смешиваясь, переливались сами по себе тягучие многоцветные слои густой жидкости. Эта банка была настоящим чудом, и Йихья немного жалел выносить ее из дому, но очень уж приятно было представлять себе, как он покажет ее этой женщине и ее дочке и как они будут вместе на нее любоваться.

Под конец, немного поколебавшись, он снял у себя со стены портрет мудрого чудотворца Баба Сали, не настоящий, писанный красками, а второй, вырезанный из календаря, и повесил его в спальне соседней квартиры. У него не было уверенности относительно происхождения женщины, но портрет был небольшой, и чудотворец не мог помешать, даже если она его не почитала.

Но на следующий день ему дома быть не пришлось. Сильно заболели оба ребенка разведенной младшей дочери, и она со слезами потребовала деда к себе в Кфар-Сабу. И так получилось, что он не смог показать женщине квартиру и не был свидетелем ее удивления, когда она увидела ее преобразенной.

В Кфар-Сабе он пробыл почти две недели. Дети выздоровели быстро, но заболела сама дочь. Йихья несколько раз звонил хозяину соседней квартиры, но никак не мог застать его дома, а сотовый его телефон был почему-то отключен.

Когда Йихья вернулся наконец домой, он только забросил к себе сумку с грязным бельем и подошел к двери соседней квартиры. Дверь была всё та же облупленная и исцарапанная, и полуотворванный звонок по-прежнему висел на одном проводке. Йихья прислушался – внутри было тихо. И он отпер дверь.

Он не успел даже понять, что за новый запах появился в квартире, как из ванной вышла молодая беленькая девушка, обмотанная большим полотенцем. Йихья приветственно заулыбался:

– Дочка? – спросил он. – А мама где?

Но девушка, испуганно глядя на небритого черного Йихью, крикнула что-то в сторону комнаты. Йихья много наслушался этого языка на рынке, но понимать не научился.

Из комнаты вышел молодой мужчина, потемнее волосом, но с такими же непонятными Йихье расплывчатыми чертами лица. Это и были новые соседи Йихьи.

Ни имени той женщины, ни адреса ее они не знали и вообще слышали про нее первый раз.

– А ваши вещи вон там, – сказал молодой человек и показал на стоявший в углу картонный ящик и рядом горшок с кактусом. – Вы очень красиво всё сделали, спасибо, но нам не надо.

Йихья извинился перед соседями, пожелал им удачи на новом месте и забрал свои вещи домой. Он полил кактус, спокойно перетерпевший двухнедельную засуху, и поставил его на место. А ящик задвинул подальше в кладовку – остальное расставлять по местам ему не хотелось.

СВЯТАЯ

Beit Olivot

Окончание. Начало в № 11, 2005

Симона позвонила к ней на работу и взволнованным, задышающимся голосом попросила немедленно прийти в синагогу. – Чтонибудь плохое? – встревоженно спросила Эстер.

– Да ты что! – Симона замахала свободной от телефона рукой так, что ее платье зашумело, будто крона пальмы под порывами грозового ветра. – Наоборот, самое лучшее. Тебе невероятно повезло! Удивительно, беспардонно! Приходи, приходи скорей, а то я лопну от восторга!

Заинтригованная, Эстер оказалась в синагоге через пятнадцать минут. Симона уже была там. Ее лицо сияло, словно субботний подсвечник.

– Давай присядем, – точно скрываясь от посторонних глаз и ушей, она отвела ее в самый дальний угол совершенно пустой женской половины и усадила в глубокое кресло, обитое пурпурным плюшем. В этом кресле по субботам и праздникам сживала жена раввина, поэтому в будни оно всегда пустовало. Эстер недоумевающе посмотрела на подругу.

– Я предполагала, – начала Симона, придвигая к креслу обыкновенный стул и быстро присаживаясь на краешек. – Предполагала, но боялась даже думать об этом варианте.

Она сделала большие глаза и перешла на шепот.

– Два года назад умерла жена главы кабалистов Реховота. Это была святая, настоящая святая. Про нее до сих пор чудеса рассказывают. К ней приезжали женщины не только со всего Израиля, но даже из Америки и Европы. И для каждой у нее находилось доброе слово, хороший совет. Но особенно славилась она подбором псалмов. В голове у нее точно рентген какой стоял, посмотрит на женщину и говорит: для твоего тикунa – исправления души – надо читать такие и такие номера псалмов. Начинает бедняжка читать, и спустя пару месяцев жизнь у нее полностью меняется: бездетные беременеют, больные излечиваются, безработные мужья работу находят, беспутные дети становятся на правильную дорогу. Невозможные, немислимые дела! – Симона всплеснула руками. – Она была моей дальней родственницей, мы иногда встречались на свадьбах. Красавица, умница, праведница! И умерла как праведница. Пекла халы на субботу, наклонилась к духовке, проверить, как подошло тесто, и упала. Умерла за секунду. Не смерть, а поцелуй Всевышнего.

Дети у нее уже все женаты, дома никого, только муж да его ученики. Муж, бедняга, год не мог в себя прийти. Жили они, как два голубка, душа в душу. Идеальная пара: он праведник, а она святая. Нужно было видеть, как они между собой разговаривали! Губы почти не шевелились, понимали друг друга с полувздоха, полунамека.

Симона на секунду смолкла. Потом положила руку на подлокотник кресла и несколько раз осторожно погладила запястье Эстер.

– Ну вот, год он даже слушать не хотел о втором браке. Но не может кабалист без жены, нельзя мужчине одному по этой дороге идти. Стали думать, кто ему подходит. А проблема вот в чем: он ведь коэн, из рода первосвященников. Ему по закону можно жениться только на девушке или вдове. Разведенная не годится. Но в его положении, – Симона многозначительно подняла глаза к потолку, – он должен вести себя как настоящий первосвященник. А первосвященнику вдова тоже запрещена, только девушка. Многие девушки были бы счастливы стать женой такого праведника, только он ни о ком даже слушать не хотел. Спрашивал только имя и дату рождения, что-то про себя подсчитывал и говорил: нет, не то. Не подходит. Мы уже бояться стали, что он специально так поступает, чтоб не жениться.

– Мы – это кто? – спросила Эстер.

Симона испытывающе посмотрела на нее.

– Ладно, скажу. Раз ты в такое дело ввязываешься... Кабалистов его уровня во всем мире меньше десятка. Все друг с другом связаны. Если спускается в мир откровение, то каждый из них знает не только, что нужно говорить или делать, но и кому это поручено. Ошибки быть не может. Один выполняет, а остальные проверяют, так ли. Мой муж один из них. Рав Бецалель Ифарган из Реховота – тоже.

Я ему про тебя просто так рассказала, на всякий случай. А он подумал, подумал и вдруг говорит: это она. Не просто говорит, а загорелся весь, засветился изнутри. Скрытая, говорит, праведница. Мир на таких держится.

Тогда я ему подробности начала рассказывать, жизнь твою, мол, не совсем праведница, заповеди только недавно начала соблюдать. Ну, – Симона перешла на извиняющийся тон, – чтоб он правду знал, понимал, с кем дело иметь хочет. А он: она сама про себя ничего не знает. Душа, говорит, такая высокая, что до определенного момента могла жить без заповедей. А сейчас наступает время раскрытия.

Симона заглянула в глаза Эстер.

– Он хочет тебя видеть. И как можно скорее.

Эстер несколько минут просидела в полной растерянности. Ее будущий муж представлялся ей совсем по-другому. Вдовец, с женатыми детьми... Старый, наверное, человек.

– А сколько ему лет? – наконец решилась она задать вопрос.

– Возраст, – назидательно произнесла Симона, мгновенно возвращаясь к привычному для нее тону, – это понятие духовное. Есть молодые старики и старые юноши. Мужа надо выбирать по праведности, а не по прыги.

– Ну а всё-таки?

– Я думаю, года пятьдесят три, максимум четыре. В крайнем случае, пятьдесят пять, но не больше.

– Симона, он для меня слишком стар!

– А ты знаешь, какая разница была между Ицхаком и Ривкой, Яаковом и Рахелью? Еще больше! И ничего, целый народ родили, чтоб не сглазить, кабалисты живут очень долго, до ста лет. И умирают бодрыми, полными сил, а не дряхлыми развалинами. Так что перед тобой минимум сорок лет супружества.

Сегодня, вспоминая тогдашние разговоры, Эстер не могла взять в толк, как поверила этим рассказам, как легко и доверчиво пошла за малознакомой женщиной, изменив по ее слову всю свою жизнь. Почему не слушала увещаний родителей, отмахивалась от предупреждений знакомых и родственников. Ее вело, тащило, точно на буксире, она чувствовала туго натянутую, подрагивающую бечеву и точно знала, как поступать.

Первая встреча состоялась на квартире у Симоны. Рав Бецалель произвел на Эстер очень приятное впечатление. Несмотря на седую бороду до пояса, у него оказались живые, блестящие глаза, добрая улыбка и, что совсем неожиданно для кабалиста, незаурядное чувство юмора. Через пять минут после начала разговора Эстер улыбнулась, а через десять рассмеялась во весь голос. С этим таинственным пожилым кабалистом ей было проще и приятнее, чем со сверстниками.

Спустя полчаса в комнату вошла Симона. Впрочем, отсутствовала она чисто символически, дверь была полуприкрыта и Эстер слышала, как она возится на кухне и вполголоса разговаривает с кем-то по телефону. Реб Бецалель распрощался и вышел, а Симона пригласила подругу отведать только что испеченный пирог.

– А почему ты Бецалелю не предложила? – спросила Эстер, внезапно почувствовав легкую тень обиды за кабалиста, обойденного лакомым кусочком. Тогда она не придавала этому значения, но, вернувшись домой и припоминая подробности встречи, поняла, что переживает за него, воспринимая его обиды, точно свои. Ее душа уже начала переплетаться с душой практически чужого человека, и, поймав себя на чувстве обиды за Бецалеля, Эстер поняла, что попалась, и, если он попросит ее стать его женой, она ответит согласием.

– Он не ест в гостях, – ответила Симона. – Только приготовленное женой или дочерью.

– Даже у тебя, у твоего мужа? – удивилась Эстер. – Ты ведь говорила, будто они из одной группы.

– Вообще нигде. Ни на свадьбах, ни у друзей, ни даже у раввинов. Только дома.

Она развела руками.

– Мой муж тоже нигде не ест. Каждую крошку, каждый глоток я должна приготовить своими руками. Тяжела и неказиста жизнь супруги кабалиста!

Она прыснула от смеха, и Эстер, не удержавшись, расхохоталась вслед за ней. Еще ничего не произошло, они с Бецалелем еще не произнесли ни одного слова о свадьбе, но Симона уже обращалась к ней, как к своей, стоящей по другую сторону занавеса, скрывающего от непосвященных внутреннюю жизнь изучающих тайное знание.

В конце второй встречи Бецалель попросил ее руки. Внезапно посерьезнев, он сказал:

– Наши души вместе спустились в этот мир. Я видел, я знаю. Ты согласна стать моей женой? Моим спутником, моей половиной?

И Эстер, словно отвечая на вполне заурядный вопрос, ответила:

– Да, согласна.

Она ждала, что Бецалель поцелует ее или обнимет, но он лишь улыбнулся.

– Все подробности я обсужу с Симоной. Тебе не придется ни о чем думать. До свидания. В следующий раз мы увидимся уже под хупой.

Он вышел, оставив Эстер в полнейшем замешательстве. Но через минуту в комнату вбежала Симона и принялась целовать ее с таким жаром и страстью, что замешательство тут же рассеялось.

– Счастливая! – смеялась Симона, стряхивая с ресниц непонятно откуда взявшиеся слезы. – Какая удача! Б-же милосердный, как тебе повезло! Ты просто не понимаешь, какая удача тебе подвалила.

Эстер действительно не понимала, так же как и ее родители. Узнав о предстоящем замужестве, они пришли в ужас. Несколько дней прошли под грозовой сенью непрерывных упреков, слез и причитаний. Но Эстер чувствовала упругое давление натянутой бечевы и стояла на своем. Она давно уже не девочка, взрослый, самостоятельный человек, ей и решать, с кем разделить свою жизнь.

В конце концов родители сдались.

– Поступай как знаешь, – сказала мать. – Мои слезы закончились. И я очень надеюсь, что тебе не придется воспользоваться твоими.

Она ошиблась, мать. Слезы понадобились Эстер очень скоро, гораздо скорее, чем она могла предположить.

Первое подозрение закралось еще во время предсвадебного инструктажа. Несколько дней подряд Симона объясняла ей законы и запреты супружеской жизни. Эстер только диву давалась, как могут люди усложнить такое относительно простое дело.

Но привычка быть хорошей ученицей оказалась сильнее возникающего неприятия, Эстер быстро освоила незамысловатые расчеты, запомнила правила и без малейшего труда отвечала на «каверзные» вопросы Симоны. Убедившись, что материал усвоен, она отложила в сторону книги и приступила к главному.

– Сейчас я кое-что тебе расскажу, – заговорщицким тоном предупредила она. – Написанное в книгах, – она дружески похлопала по золотому тиснению на переплете, – это для обыкновенных, нормальных людей.

– Ничего себе, нормальных! – возмутилась Эстер. – Мне от этих законов вообще расхотелось в постель с мужем ложиться.

– Для нормальных, обыкновенных людей, – строго повторила Симона. – У кабалистов же законы куда строже.

Она посмотрела на вытянувшееся лицо Эстер и улыбнулась.

– Не пугайся, не пугайся. На самом деле чем строже законы, тем легче женщине. Сейчас объясню.

И она пустилась в пространные объяснения. Цитаты из «Зогара» сменялись высказываниями Аризаля, примеры из жизни великих кабалистов перемежались рассказами из ее собственной, Симониной жизни.

К концу рассказа Эстер грустно посмотрела на подругу и спросила:

– Слушай, а зачем вообще нужна вся эта активность? С такими запретами я мужа смогу поцеловать один раз в месяц, и то не в каждый. Давай уж сразу – постояли под хупой и разошлись себе по разным комнатам.

Симона рассмеялась.

– Вот глупая! Как же без этого? А чем реже, тем дольше готовишься, острее чувствуешь. Мы же не кролики, чтобы спариваться каждый день. И вообще, ты максималистка: или всё, или ничего. Я обещаю, ты еще вспомнишь эти свои слова и посмеешься.

Но Симона ошиблась. В семейной жизни Эстер оказалось совсем не до смеха.

Хупа была очень скромной, родители Эстер, ближайшие родственники, несколько учеников Бецалея, Симона с мужем, и всё. По закону детям присутствовать на свадьбе родителей не полагалось, поэтому его три взрослых сына и две дочери пришли только на праздничный ужин.

Столы накрыли в реховотском доме раввина Ифаргана – просторном, но довольно обветшалом строении посреди апельсинового сада. Дети, почти одного возраста с Эстер, смотрели на нее настороженно, хоть улыбались приветливо и всячески старались выказать свое расположение. Только глаза выдавали.

Вина не пили, вместо него поднимали бокалы с виноградным соком. Сок делали сыновья Бецалея, а еду для ужина приготовили его дочери. За столом сидели отдельно – мужчины на одном краю, женщины на другом. Муж Симоны произнес небольшую речь, толкование одного запутанного места в Талмуде. После чая все разом поднялись и стали прощаться. Эстер осталась с мужем одна в пустом доме.

После Симониного инструктажа она ничего не ждала от первой ночи. Так и получилось. Вернее, формально всё произошло, они нежно и долго целовались, а после того, главного, что сделало их мужем и женой, Бецальель взволнованным голосом произнес благословение, которое говорят после соединения с девственницей, и как предписывают правила, сразу отдалился, пересел на другую постель, поговорил с ней немного и ушел в другую комнату, учиться. Она приняла душ, походила немного по комнате, рассматривая подарки, приготовила чай и, положив на блюдце кусочек пирога, постучалась к мужу.

Бецалель оторвался от книги и несколько секунд смотрел на нее недоумевающим взглядом, словно не понимая, кто стоит перед ним. Потом узнал, улыбнулся, поблагодарил за чай, но эти первые несколько секунд сказали ей больше, чем все последующие слова.

Она занимает в его жизни место где-то между холодильником и газовой плитой. Удобный, полезный и приятный для жизни предмет, который нужно содержать в порядке, улаживая разговорами и улыбками. Впрочем, а на что она рассчитывала? Это ее выбор и теперь придется обживать новый дом, новое пространство.

В общем, на бытовом уровне жизнь с Бецалелем оказалась простой и легкой. Он никогда не повышал голос, всегда улыбался, расспрашивал о родителях, даже запомнил их дни рождения и каждый вечер напоминал ей позвонить им. Дома его почти не бывало, утром он уходил в синагогу на молитву, потом возвращался позавтракать и снова уходил, теперь уже до полудня, преподавать в Доме учения. Обедал он дома, спал около часа и возвращался к ученикам. Вечером к нему приходили избранные, самые близкие ученики, и с ними он занимался почти до утра. Перед рассветом Бецалель тихонько прокрадывался в спальню и, стараясь не скрипеть, устраивался на своей кровати.

Спали они раздельно, он приходил к ней один раз в неделю, по субботам, а так как две субботы в месяц она была ему запрещена, их супружеская жизнь практически не занимала времени. То, как он это делал, подчиняясь своим правилам и законам, не приносило Эстер никакого удовольствия.

– Зачем он приходит ко мне? – думала она всякий раз, когда Бецалель перебирался на свою постель и моментально засыпал. – Он будто исполняет тяжелую повинность. Может, он думает, что я этого хочу? Вовсе нет, мне это тоже ни к чему. Наверное, он надеется, что Б-г пошлет нам ребеночка. Иначе я не понимаю, для чего нужна вся эта пачкотня?

Но Б-г ничего не посылал. Виновата в этом, конечно же, была она, дети Бецалеля, каждый день приходившие к ним в дом, живым упреком разгуливали по комнатам и вели с ней бесконечные разговоры. Эстер быстро нашла с его дочерьми общий язык, они не воспринимали ее как жену отца, а относились, словно к подруге, рассказывали о болезнях детей, жаловались на мужей, одалживали денег до конца месяца.

Денег у Бецалеля было много, на жизнь хватало с избытком. Откуда они берутся, Эстер никогда не спрашивала, в конце концов, он прожил до нее целую жизнь, поднял большую семью. В начале месяца он давал ей приличную сумму на хозяйство, а если не хватало, то по первой же ее просьбе добавлял еще, никогда не спрашивая отчета.

Спустя несколько месяцев после свадьбы Бецалель спросил:

– Ты очень любишь свою работу?

– Даже не знаю. Мне нравится то, что я делаю.

– Если хочешь, можешь уйти. Денег нам хватит.

– Хорошо, я подумаю.

Подумав, Эстер решила пока оставить всё, как есть. Деньги ведь еще не всё. И вообще, как там сложится ее жизнь с Бецалелем, мало ли что, да и пенсия – надо подумать о будущем. В общем, решила остаться. Но Бецалель, словно догадавшись, не стал ее ни о чем спрашивать.

Через полгода он вернулся к прерванному разговору.

– Я бы хотел, – прямо сказал он, – чтобы ты перестала работать.

«Еще бы, – подумала Эстер, – столько возни по дому, а кухарку не наймешь, доверия ей никакого, проще жену к плите пристроить. Но с другой стороны, ведь это мой муж, мой дом, моя семья, кто же должен брать на себя эти хлопоты, если не я?» И Эстер согласилась. Бецалель очень обрадовался и подарил ей золотую брошку в виде бабочки. На вкус Эстер довольно аляповатую, но, чтобы сделать мужу приятное, она стала прицеплять ее к платью по субботам и праздникам.

Родители, узнав о решении Эстер, в очередной раз возмутились.

– Неужели ты училась в университете для того, чтобы стать домохозяйкой? – без устали спрашивала по телефону мать.

Но и это прошло, жизнь устоялась, бесшумно катясь по уже ставшей привычной и обжитой колее. Дома работы хватало, Эстер поднималась до восхода солнца, а ложилась глубокой ночью, просунув в приоткрытую дверь комнаты, в которой занимался Бецалель с учениками, последний поднос с кофе и печеньем. Бечева подрагивала, туго натянутая давлением быта и обстоятельств, бесконечный водоворот небольших дел и микроскопических, но остро покусывающих проблем затягивал Эстер с самого утра, не давая времени остановиться, подумать, даже просто отдохнуть. Иногда, уже смежив веки, она пыталась сообразить, на что же ушел день, целый день ее единственной, неповторимой жизни, но перед глазами начинали вертеться сковородки, противни с кугелем, бесконечные стаканы кофе, и сон ласковой лапкой сжимал ее голову.

– Он тебя околдовал, – говорила по телефону мать. – Он задурил тебе голову своей магией. Посмотри, в кого ты превратилась! Бесплатная полумойка, дармовой повар, кофе им на подносике, пирожки в тарелочках. Опомнись, Ора, беги, беги от него, пока не поздно!

Но самым большим разочарованием для Эстер оказались не трудности быта, а шок от того, что таинственное и манящее, к которому она хотела прикоснуться, выйдя замуж за кабалиста, не только не приблизилось, а, наоборот, ушло еще дальше. Несколько раз она просила мужа разрешить ей присутствовать на его ночных уроках. Поначалу Бецалель лишь улыбался и переводил разговор на другую тему, но Эстер не уступала, и тогда он поговорил с ней с полной откровенностью. Именно эта откровенность, не оставляющая сомнений в окончательной глубине ответа, и оказалась особенно горькой.

– Есть две причины, мешающие твоему присутствию на уроке, – сказал он. – Первая иррациональная, вторая рациональная. Кабала переносит человека в иллюзорные миры. Переносит настолько, что блуждать по ним можно всю жизнь, полностью оторвавшись от нашей реальности. Чтобы этого не произошло, в ученики я принимаю только взрослых семейных мужчин. Жена и дети не дадут ему потеряться в иллюзорном мире. Они наиболее сильная привязка к действительности. У тебя же такой привязки нет. И это первая причина.

А вторая заключается в том, что для понимания кабалы, настоящего, глубокого понимания, необходимо хорошо знать Талмуд, мидраши, не говоря уже о Танахе. Объяснений я не даю, только заголовки, расшифровать их ученик должен сам. Если не смог – значит, еще не готов. Ты просто не поймешь, о чем идет речь.

Но Эстер всё равно попросила разрешения послушать урок, и Бецалель, после долгого размышления, разрешил ей сидеть за неплотно прикрытой дверью.

– У меня на занятиях никогда не присутствовали женщины, – пояснил он, – и я не хочу создавать прецедент.

Той ночью Эстер, как обычно, протолкнула в комнату передвижной столик, уставленный тарелками с печеньем, стаканами и двумя термосами с крепко заваренным кофе, но дверь прикрывать не стала. Она пододвинула стул, села и начала прислушиваться.

Голос Бецалея доносился вполне отчетливо, и уже спустя несколько минут Эстер осознала, что он был прав. Язык, на котором ее муж вел урок, был, вне всякого сомнения, ивритом, Эстер понимала значение каждого слова, кроме арамейских терминов из Талмуда, но связать слова воедино, составить из них мало-мальски внятное предложение у нее не получалось. Просидев полчаса, она тихонько поднялась, прикрыла покрепче дверь и ушла к себе, спать.

Прошло несколько лет. Бецалель почти перестал приходить к ней в постель. Иногда они не встречались по два, три месяца. Эстер перестала даже думать о том, что это может приносить радость или доставлять удовольствие. Ее жизнь пролегла далеко в стороне от плотских утех. Однажды, во время пасхальной уборки, когда всё в доме переворачивается вверх дном, она обнаружила в одном из ящиков удостоверение личности Бецалея. Взглянув на дату рождения, она ужаснулась.

«Пятьдесят три, максимум четыре. В крайнем случае, пятьдесят пять, но не больше», – вспомнила Эстер слова Симоны и горько усмехнулась. Ее мужу пошел седьмой десяток, и его прохладность в постели была более чем понятна.

«Сложилось, как сложилось», – подумала Эстер и вернула удостоверение на место.

Симона, как обычно, явилась вечером поболтать. Она приезжала почти каждый день, специально ради этих поездок получив водительские права. Помогала по хозяйству, рассказывала новости. Иногда они вместе учили что-нибудь из священных книг, читали псалмы. Эстер хотела поговорить с ней о возрасте ее мужа, а потом – потом заболталась о пустяках, да так ничего и не сказала. Чего уж теперь, раньше надо было думать.

Но иногда, как сейчас, например, давление бечева ослабевало и мысли, задвинутые в самый уголок сознания, возвращались. Зачем она идет в микву, для кого, для чего? Ее ласки никому не нужны, ее совсем еще крепкому, молодому телу суждено увянуть без мужского внимания. Ежемесячное очищение требуется лишь для того, чтобы не испортить продукты.

Она припомнила, как год назад перед приходом учеников заскочила на секунду в туалет, посмотреть, не кончилась ли бумага, и в спешке забыла ополоснуть руки из кружки для ритуальных омовений. Потом заварила кофе и отнесла мужу в комнату, где он готовился к занятиям. Бецалель поднес ко рту стакан, замер и вернул его на поднос. Он ничего не сказал, но посмотрел так внимательно, что она тут же вспомнила про омовение, вспыхнула от стыда, подхватила стакан и убежала обратно на кухню. Вернувшись через десять минут, она молча поставила перед мужем свежесваренный кофе. Бецалель, так же молча, взял ее руку и поднес к губам.

Он никогда не целовал ей руки, и вообще ей никто ни разу такого не делал, и от неожиданности она снова вспыхнула, вырвала ладонь и выскочила из комнаты. Из-за этого поцелуя она и ходит теперь в микву.

А вот и здание миквы. Эстер остановилась, достала из сумочки пачечку бумажных носовых платков и тщательно отерла лицо. Ее слезы никто не должен видеть. Они принадлежат только ей. Ей одной.

Эстер поднялась на освещенное ярким фонарем крыльцо и позвонила. Свет в глазке, врезанном посередине железной двери, померк – смотрительница подошла выяснить, кто звонит. Через секунду дверь распахнулась:

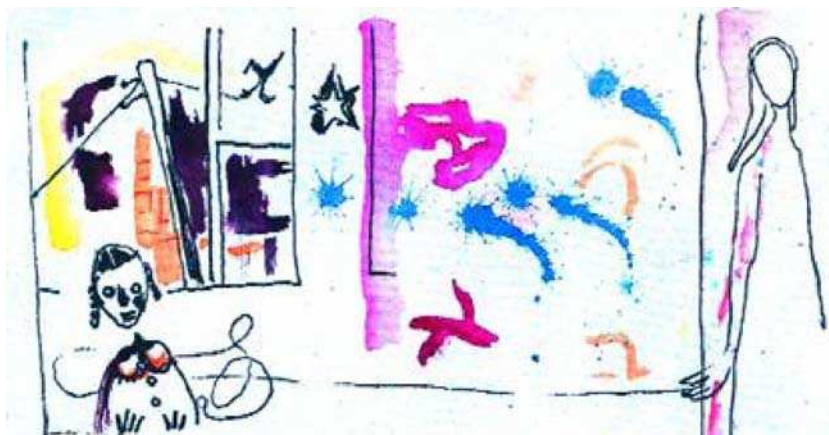
– Рабанит Ифарган! – почтение наполняло голос смотрительницы. – Пожалуйста, пожалуйста.

Эстер прошла внутрь. На стульях у стен коридора сидело несколько женщин, ожидающих, пока освободятся кабинки. Увидев Эстер, они встали.

– Садитесь, садитесь, – махнула она свободной рукой и двинулась к ближайшему стулу, с тем чтобы занять очередь.

– Пожалуйста, рабанит, – удержала ее смотрительница, указав на другой конец коридора. Там размещалась «комната невесты», роскошно отделанное помещение со встроенным бассейном и керамикой на уровне пятизвездочной гостиницы. В нее пускали только невест перед свадьбой. Кабинки, куда дожидались очереди женщины, представляли собой обыкновенные душевые комнаты. В них мылись, готовились к окунанию и звонком вызывали смотрительницу. После проверки она сопровождала женщину в общий бассейн. Окунувшись, та возвращалась обратно в душевую.

Хотя никаких указаний на этот счет не существовало, в «комнату невесты» смотрительница пускала только жен раввинов. Эстер каждый раз пыталась занять место в общей очереди, но смотрительница перехватывала ее на подороге. Можно было бы и сразу пойти в «комнату невесты», но попытка усесться в общей очереди есть часть ритуала. Нечего привыкать к почестям.

В кабинке она сразу закрыла дверь и принялась набирать ванну. Такое удовольствие можно себе позволить только в микве. Дома, хоть солнечный бойлер вполне хорошо нагревает воду, вечно толкуются чужие люди: то ученики к Бецалелю придут, то посетители за благословением. Только и успеваешь, что закрыться в ванной комнате, быстро ополоснуться под душем, натянуть на еще влажное тело одежду и выйти. Ванна заполняет комнату паром, расслабляет, после нее нужен халат и время прийти в себя, подсохнуть. Да и вообще, мытье – интимное дело, никто из чужих не должен знать, когда она моется, чтобы не пробуждать нескромные мысли.

Эстер достала из сумочки специальный гель и капнула несколько капель прямо под бьющую из крана струю. Да, напор здесь куда лучше, чем в их обветшалом доме, со старыми, забытыми отложениями трубами. Надо бы их поменять, но когда? Может быть, ближе к лету. Надо бы узнать у Симоны адрес хорошего сантехника и ближе к лету устроить ремонт. И кондиционер заодно сменить, ему уже лет двадцать, он больше скрежещет, чем холодит.

Комнату наполнил аромат хвои. Эстер разделась, встала в ванну, задернула занавеску и медленно, растягивая удовольствие, опустила в воду.

Минут десять она ни о чем не думала, просто наслаждалась, впитывая всей кожей тепло и глубоко вдыхая запах соснового леса. Постепенно мысли вернулись к трубам, сантехнику, Симоне. Да, Симона. Она была первой, после Бецалеля, кто поцеловал ее руку. Бецалель словно открыл незримые ворота, после его поцелуя жизнь Эстер приобрела иное направление. И опять всё началось с Симоны.

В тот вечер Симона приехала раньше обычного. Огорченная и встревоженная, она никак не могла успокоиться и ходила, ходила по кухне, бросая на Эстер умоляющие взгляды.

– В чем дело, что случилось?

– Плохо! Со старшим внуком плохо!

Шестилетний Менахем был любимцем Симоны, и она часто приводила его с собой. Эстер тоже нравился этот спокойный, улыбчивый мальчик. Он тихонько играл с привезенными с собой игрушками или рассматривал картинки в книжках.

– Что с ним?

– Позавчера поднялась температура. Думали, как обычно, подхватил в садике вирус. На второй день пошли к врачу, тот отправил на анализы. Сама знаешь, пока их сделают, пока результаты будут... А ребенок весь горит и заговаривается. Тени какие-то видит, обращается к ним, плачет, смеется. Ну, в общем, повезли его в больницу. Они посмотрели и сразу в палату, подключили бедняжку к капельнице, пару уколов поставили. Наутро, думали, полегчает, да куда там! Не падает температура, держится как приклеенная.

– А что врачи говорят?

– Сильный вирус, организм должен справиться сам. Антибиотики против вируса не помогают, ждут кризиса, а он не наступает. Помолись за мальчика, дай ему благословение!

– Я? – изумилась Эстер. – Да кто я такая, чтобы благословения давать!

– Ты жена большого праведника, кабалиста.

– Ну и что? Вот у него и проси благословение. Он скоро вернется, сразу его и попросим.

– Его тоже попросим, но и твое слово в этом мире не пустой звук. Заслуги молитв Бецалеля, его учебы и его праведности на вас двоих делятся.

Эстер поколебалась несколько мгновений, потом вспомнила мальчика, его мягкие волосики, озорной блек глаз.

– А как это делать? Я же не знаю.

– Ты просто подумай о нем и попроси Всевышнего о помощи. А Он Сам слова в твои уста вложит.

Эстер взяла Симону за руку и попробовала представить лицо Менахема, а когда это получилось, прошептала несколько фраз. В общем, это были самые обыкновенные просьбы о скорейшем выздоровлении. Ничего особенного, так она молилась за родителей и за мужа три раза в день.

– Омейн, омейн! – жарко воскликнула Симона и прильнула губами к ладони Эстер.

На следующий день Симона приехала в неурочное время – утром.

– Что-нибудь с Менахемом? – встревоженно спросила Эстер.

– Ты – святая, – объявила Симона. – Через час после твоей молитвы температура упала, а сегодня его отключили от капельницы, и он уже бегает по палате.

– Я тут ни при чем, – не согласилась Эстер. – Случайное совпадение.

– Совсе не случайное! В мире нет ничего случайного. Ты попросила, и тут же помогло. Какая же тут случайность!

Переспорить Симону было невозможно. Слава открытия праведницы принадлежала ей, и она не собиралась с ней расставаться. К Эстер зачастили женщины с разными просьбами, у кого в семье не ладилось, у кого муж болел, или дети росли непослушными, да мало ли бед у евреев. И со всем этим скарбом болезней и несчастий они шли к Эстер, прося благословения или совета. Особенной популярностью пользовались псалмы, которые она назначала читать в качестве молитвы о спасении. Для каждой просительницы Эстер подбирала другой набор, благо псалмов царь Давид написал великое множество. Как и почему она останавливалась на том или ином порядке чтения, Эстер сама не понимала, наверное, сердце подсказывало, что кому сказать.

И помогало. Непонятно почему и как, но помогало. Спустя дни, недели, а то и месяцы многие женщины возвращались в ее дом и со слезами благодарили за совет и благословение. Эстер не понимала, как это работает, объясняя чудеса заслугами Бецалеля.

Спасенные рассказывали о чуде подругам, те – своим подругам, и скоро Эстер пришлось строго ограничить часы приема. Вокруг ее дома толпились десятки женщин, телефон звонил не переставая. Тихая жизнь закончилась. Она попросила совета у Бецалеля, но тот только улыбнулся.

– Это твоя стезя, – говорила его улыбка. – Каждому человеку Всевышний назначает свою лямку, и тянуть ее нужно без ропота.

Эстер вылезла из ванны, тщательно вытерлась, расчесала волосы. Ногти она подстригла еще дома, можно звать смотрительницу. Та появилась, еще до того, как Эстер отпустила кнопку звонка. Быстро и ловко осмотрела ногти на руках, и руки, потом ногти на ногах и ноги, не пристал ли где волосок, нет ли ранки или коросты, оглядела спину, груди, живот, бедра и подбородком указала на бассейн.

Эстер спустилась по ступенькам в теплую воду, закрыла глаза и мысленно произнесла набор букв, которым когда-то обучил ее Бецалель. Что они означали, он объяснять не стал, только предупредил, что их ни в коем случае нельзя произносить вслух или передавать другому человеку.

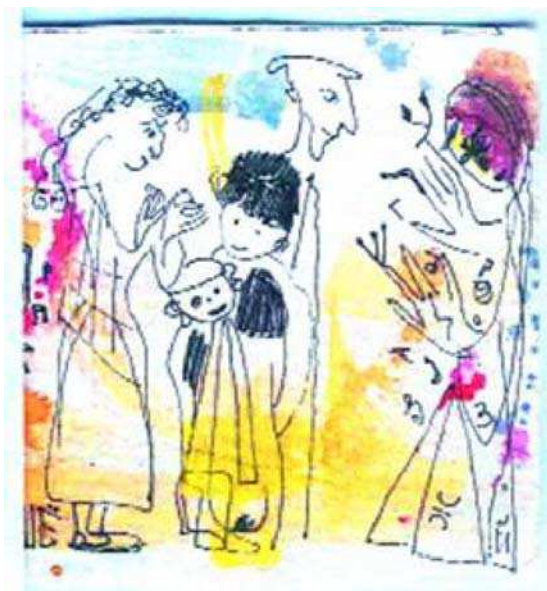
– Только ты, только в микве и только один раз. Собьешься или перепутаешь – жди до следующего раза.

Следующий раз наступал через месяц, поэтому Эстер хорошенечко выучила записанные на бумажке буквы и ни разу не ошиблась. Сколько прошло погружений с того, первого, а не ошиблась.

Она собралась с мыслями и окунулась. Глубоко, так, чтобы вода накрыла ее до самой верхушки.

– Отлично! – крикнула смотрительница и прикрыла ее голову краем полотенца. Эстер скрестила руки на груди, чтобы отделить низ живота от уст, произнесла благословение и окунулась восемнадцать раз. Восемнадцать – числовое значение слова «жизнь», а жизнь приносит только исполнение заповедей Всевышнего.

Потом она не спеша вытиралась, сушила феном волосы, расчесывалась, смазывала тело увлажняющим кремом – ведь вода в микве хлорирована и если не намажешься, через полчаса кожа начинает чесаться. Симона говорила ей, что, если принести воду из миквы на себе домой, в дом входит благословение. Настоящая жена кабалиста не омывается после миквы и даже толком не вытирается. Эстер пробовала, но после нескольких попыток перестала. Невозможно чесаться до утра, как шелудивая собака!

У выхода ее поджидала смотрительница.

– Рабанит Ифарган, моя племянница уже три года замужем, а детей всё нет. Благословите, пожалуйста.

– Пусть она придет ко мне завтра, в шесть тридцать вечера.

– Спасибо, рабанит, большое спасибо.

– Пока не за что.

Женщины в очереди, уже другие, завидев Эстер, дружно поднялись со своих мест. Она помахала им рукой и потянула на себя входную дверь. За порогом, видимо не успев позвонить, стояла жена рава Зонштейна.

– Добрый вечер, рабанит Ифарган!

– Добрый вечер, рабанит Зонштейн! Как дела?

– Слава Б-гу! А у вас?

– Слава Б-гу!

– Как муж?

– Слава Б-гу, чтоб не хуже. Как ваши дети?

– Не сглазить бы, слава Б-гу. Как учеба вашего мужа?

– Б-г помогает.

– Ну, чтоб мы слышали только хорошие новости.

– Дай-то Б-г!

– Дай-то Б-г!

Эстер пропустила рабанит Зонштейн, постояла несколько секунд на крыльце и, спускаясь по ступенькам, начала погружаться во влажное чрево реховотской ночи.

ЙОСЕФ

Илана Арци

Окончание. Начало в № 11, 2005

Â ÒP DÛÏ Â

Во дворце у фараона званый ужин. Их величеству подносят кубок с вином. Только фараон собрался пригубить:

– Фу, муха. Виночерпий, спишь? На нарах отдохнешь!

Отломил фараон ломоть хлеба, жует. Крак, зуб надломился, какой ужас – в хлебе камушек.

– Ко мне главного пекаря! Что себе позволяешь, идиот? Ты повинен в разрушении монаршего зуба! В тюрьме поразмыслишь над своим преступлением!

Девять лет уже сидит Йосеф в одиночке. Тут к нему новеньких подсаживают. Проходит еще год.

Утро. Смотрит Йосеф, а виночерпий и хлебопек мрачнее тучи.

– Что стряслось?

– Да сны какие-то странные привиделись.

– Расскажите, может, Ашем меня просветит.

– Вот мой сон, – начинает виночерпий: – Беру три виноградные грозди, выжимаю в золотой кубок и отдаю фараону.

– Через три дня, – улыбается Йосеф, – ты выйдешь на свободу и снова будешь подавать фараону вино. Очень рад за тебя.

Слышит пекарь эти слова и свой сон рассказывает:

– Вижу я, будто у меня на голове три корзины. В верхней – пышные хлеба; на них слетаются птицы и клюют булки прямо с моей макушки.

– Три корзины – три дня. Через трое суток повесит тебя фараон, а тело твое будут клевать птицы.

Так всё и происходит. Виночерпия освобождают, а булочника казнят.

Йосеф просит выходящего на волю виночерпия напомнить о нем фараону.

Не нравится это Ашему:

– Надеешься на человека, Меня не просишь? Сиди еще два года.

ΝΙ Ψ ΟΑΡΑΪΑ

И снится фараону сон.

Будто стоит он на берегу Нила, а из воды выходят семь тучных коров. Пока они в тростнике пасутся, появляются еще семь. Только тощих и черных. Они набрасываются на упитанных буренок и проглатывают их, как удавы, при этом ничуть не толстея.

Проснулся фараон в холодном поту. Потом снова задремал. Видит: поднимаются семь колосьев на одном стебле. Зерен в них бесчисленно. Рядом из земли растут семь пустых колосков. Эти пустышки втягивают в себя колосья, полные зерен.

Поразился снам фараон, велит:

– Позвать ко мне лучших мудрецов и колдунов!..

Позвали.

– Растволкуйте мои сны. Дадите верный ответ – награжу, нет – пеняйте на себя, казню.

– У тебя родятся семь дочек, а потом умрут.

– Чушь!

– Ты завоюешь семь стран, но не удержишь их под своей эгидой.

– Бред! Есть еще в моем государстве толкователи снов?

– Есть! – заорал виночерпий. – Вспомнил! Я с ним в тюрьме сидел. Мне и хлебопеку сны приснились, так он их правильно разгадал!

– Кто такой?

– Еврей Йосеф, раб Потифара.

– Доставить его сюда немедленно.

Йосефа подстригли, помыли, одели в чистые одежды и привели к повелителю Египта.

– Слушай, два сна мне приснились. Никто разгадать не может. Возьмешься? Говорят, ты умеешь...

– Если Ашем поможет, разгадка найдется. А что за сны?..

Выслушал Йосеф фараона. Помолчал и говорит:

– Семь тучных коров, семь полных колосьев – это семь урожайных лет. Тощие коровы и пустые колосья – значит, следом наступят семь лет голода. Голод будет страшен настолько, что все забудут про урожайные годы. Словно их и не было.

– А зачем два сна?

– Это один сон. Тебе послано предупреждение. Чтоб ты понял: Ашем сделает задуманное очень скоро. Дает он тебе понять: надо найти и назначить мудрого управителя. Он соберет за семь сытных лет столько урожая, что хватит на годы голода.

– Вижу я, что Ашем с тобой. Даровал Он тебе верное толкование моего сна. Нет в Египте человека мудрее, чем ты. Ты больше не раб. Назначаю тебя вторым после себя правителем. Никто без твоего разрешения не возьмет впредь в руки ни мотыгу, ни меч!

Снимает фараон с руки перстень и надевает на палец Йосефу – подарок к тридцатилетию.

Двенадцать лет просидел в тюрьме сын Якова.

Стал Йосеф на колеснице разъезжать. Женщины во всем Египте при его появлении взбирались на стены, чтобы им полюбоваться. Молод, красив, статен, умен главный министр фараона, да еще и холостой! Швырялись они в него орешками – только успевай уклоняться. Аснат – сиротка, приемная дочь Потифара – тоже поднялась на стену. Глянула: «Ах!»

Сорвала с груди медальон и бросила Йосефу. Он подобрал. Смотрит – женское украшение, а по краю родные буквы святого языка.

– Чей медальон?

– Мой!

Отдал фараон Аснат Йосефу в жены. Родились у них два сына – Менаше и Эфраим.

АІЕІА

Начал Йосеф с того, что построил пирамиды – специальные хранилища для зерна. Это потом они стали усыпальницами фараонов.

Закрома повелителя Египта быстро пополнялись. В пирамидах зерно оставалось сухим и целым. В обычных же амбарах оно гнило и превращалось в труху.

Миновало семь урожайных лет. Началась засуха. Кончились у населения припасы. Послали делегатов к фараону:

– Голодаем, выдай нам хлеб.

– С этим – к Йосефу.

Обратились к Йосефу:

– Выдай рабам твоим хлеба. У нас зерно закончилось.

– Что у вас есть?

– Пока еще скот не перемер – отдадим его за зерно.

– Ладно.

Кончилась опять мука у хозяек. Снова встали мужчины у дверей Йосефа:

– Дай хлеба.

– А чем оплатите?

– Есть у нас наделы земли, всё равно засеять их нечем. Да при такой засухе и смысла нет сеять.

– По рукам.

Вся земля перешла в руки фараона.

Опять запасы иссякли. Стучат люди в ворота Йосефа:

– Хлеба нам! Голодаем!

– А чем возместите расходы казны?

– Ничего у нас нет; осталось только самим в рабы продаться. Да лучше уж рабом стать, чем голодная смерть.

За исключением жрецов (их сам фараон подкармливал), всё население Египта превратилось в рабов правителя. Рабам же, как известно, пища идет от хозяина. А в окружающих странах голод был страшный. В Ханаане тоже его почувствовали.

Сказал Яков сыновьям:

– Слышал я, что в Египте есть хлеб. Поезжайте, привезите его, чтоб семьям нашим не голодать.

Десять старших братьев отправились в путь. А младший, Беньямин, остался при отце.

Рассуждают братья:

– Коли уж идем в Египет, надо Йосефа из рабства выручать!

– Выкупим, если это возможно. Не отдадут добром – силой отбить придется!

– Если он жив еще...

В город они входили через разные ворота. Потом собрались вместе во дворе Йосефа. Вышел к ним статный чернобородый вельможа в сверкающем золотым шитьем одеянии. Сел на возвышении и приготовился слушать. Слуги над его головой опахалами из пальмовых листьев покачивают. Мух отгоняют. Вельможа из кубка освежающего напитка пригубил и спрашивает:

– Зачем пожаловали, чужеземцы? Откуда будете?

Не узнали его братья. В ножки поклонились до самой земли. Вздрогнул Йосеф – сон давнишний про одиннадцать колосьев сбывается! Но где же Беньёмин? И жив ли отец?

– Мы из Ханаана, пришли купить хлеба.

– Не верю. Шпионы вы, пробрались тишком, через разные ворота, чтоб землю эту разведать.

– Мы сыновья одного отца. Нас – двенадцать братьев. Младший теперь при родителе нашем, а еще один давно пропал.

– Жизнью фараона клянусь, что не выйдете отсюда, если не придет ко мне ваш младший брат! Да и вообще – есть ли он у вас? Или вы уже послали его домой с донесением? Заключить их под стражу вон в тех покоях!

На третий день соизволил Йосеф вновь говорить с братьями:

– Слушайте внимательно. Ашема я сердить не хочу. Пусть один из вас будет сидеть в заключении, остальные же пусть съездят к отцу и хлеб семьям отвезут. Потом вернетесь обратно вместе с меньшим братом. Иначе не видеть вам более моего лица.

– Вот, наказаны мы за то, что видели страдания нашего брата и не сжалились над ним!

– Говорил я вам, – воскликнул Реувен, – не грешите против ребенка! Теперь воздастся нам!

Не ведали братья, что этот суровый чужеземец понимает святой язык. При них-то ведь был толмач, переводивший ему с иврита.

Вышел Йосеф в другие покои и разрыдался. Успокоившись и умывшись, вернулся, продолжил беседу:

– Пожалуй, я оставлю в заложниках вот этого. Как тебя звать?

– Симон.

– Вытяни вперед руки. Эй, свяжите его. Отведите туда, где давеча содержались все эти иврим. Отвесьте им зерна, сколько скажут.

Сам же тихонько приказал слуге:

– В мешок каждому поверх зерна положи его кошель.

На привале Леви открыл свой баул с зерном и... о чудо:

– Братья, я нашел свой кошель с деньгами!

Остальные раскрыли тотчас свои мешки, и каждый обнаружил кошель, и ни одной монетки не убыло!

– Как же так?! Теперь этот египтянин скажет, что мы – воры, украли деньги!

Вошли они в палатку к Якову, рассказали всё, а в конце добавили:

– Теперь мы обязательно должны привести к нему Беньёмина, а иначе Шимону конец.

– Йосефа нет, Шимона нет, теперь еще и Беньёмина хотите забрать у меня? Ни за что не отпущу!

Однако страшный голод вымел все сусеки – нечего есть:

– Сходили бы вы в Египет, – просит Яков сыновей, – купили бы муки.

– Мы-то с радостью, да только ты не велишь Беньёмину идти с нами. Без него же нам муку не продадут!

– Ручаюсь, что приведу Беньёмина назад! – воскликнул Иеуда. – А если нет, то повинен я перед тобой и в этом мире, и в грядущем.

– Что ж, – вздохнул Яков, – ступайте все вместе, а я буду молиться за вас.

Йосеф сидел в зале для аудиенций, когда привели к нему братьев. С трудом скрыл он свою радость, узнав в молодом бородаче Беньёмина. Тут же наклонился к слуге и тихо приказал:

– Накройте в столовой праздничный стол. Дайте этим людям умыться с дороги и отдохнуть. В полдень я буду с ними обедать.

Братьев испугало радушие хозяина. Хмурые подошли они к вельможе:

– Мир тебе. Вот дары Святой земли: мед, миндаль, пряности, фисташки. А это – серебро, что по ошибке попало к слугам твоим в прошлый раз.

– Мир вам, – перевел в ответ толмач, он же Менаше – старший сын Йосефа. – Не бойтесь, что вас обвинят в воровстве. Это Ашем положил кошель в ваши сумки.

Появился слуга с Шимоном. Всех отвели в пиршественный зал. Рассадил по старшинству. Вошел Йосеф. Братья склонились до земли. Он едва кивнул и занял возвышение во главе стола:

– Здоров ли ваш отец?

– Слава Ашему, бодр и здоров.

– А этот славный юноша и есть ваш меньшой брат?

– Да!

– Пусть благословит тебя Ашем! – сказал Йосеф Беньёмину. – Садись рядом со мной!

После трапезы повелел Йосеф слуге:

– Наполнишь мешки братьев зерном, а младшему положи еще и этот кубок.

Рано утром собрались братья в путь. Только миновали городские ворота, догоняют их люди Йосефа. Египтянин с осла слез и к ним:

– Эй, так порядочные гости не поступают! Откушали да кубок у моего господина стянули!

– Зачем порочишь нас напрасно? Никогда мы не воровали! Даже серебро, что обнаружили в прошлый раз, хотели вернуть.

– Мне велено вас обыскать.

Осмотрел все мешки. Наконец дошел до Беньёмина. И... Что это сверкнуло на солнце? В руках царедворца – кубок Йосефа.

– Ага, воришка, теперь ты попался и пойдешь со мной. Вы все – свободны. Можете продолжать путь.

Но братья повернули назад. Пришли к Йосефу и пали ниц:

– Отпусти отрока!

– У вашего брата обнаружили мой кубок для гаданий. Теперь Беньёмин навсегда останется у меня. А вы возвращайтесь к отцу.

Сам затаил дыхание. Что-то будет? Вдруг братья уйдут и бросят сына Рахели, а отцу скажут: мол, с Беньёмином случилась неприятность – остался в рабстве, как в свое время Йосеф.

– Не губи отца нашего! Пощади его седины. Вся жизнь его в этом мальчике. Он – последнее, что осталось у него от любимой жены!

– Я обещал, – подступил к Йосефу Иеуда, – что приведу Беньёмина к отцу целым и невредимым! Если надо – возьми в рабы меня. Тебе же выгодно будет! Я сильнее мальчика, выносливее. Буду тебе служить до конца своих дней. Ну, подумай сам, как я в глаза отцу посмотрю?!

– Пусть все египтяне выйдут отсюда! – вскричал Йосеф страшным голосом.

Те быстро удалились. А он зарыдал и кинулся к братьям:

– Ани Йосеф! (Я – Йосеф!) – закричал он на святом языке. – Подойдите же ко мне. То, что было, – забудем! Подойдите! Вы раскаиваетесь, и это главное.

Расцеловал он братьев, а Беньёмина обнял, и рыдали они оба. Затем обратился к братьям, смущенным, взволнованным, незаметно утиравшим слезы:

– Скорее возвращайтесь к отцу, скажите ему, что я жив. Забирайте семьи и возвращайтесь ко мне с отцом. Голод будет еще долго.

– Берите самые лучшие повозки, – подтвердил фараон, – забирайте отца и возвращайтесь. А не то мой Йосеф, чего доброго, заскучает и бросит нас.

ÉÎÑÁÔ ÆÆÁ!

– Как же сообщить отцу эту радостную весть, чтоб она его не убила? – совещались братья по приезде домой.

– Я вам помогу, – сказала маленькая внучка Яакова, – я буду петь под окном у дедушки такую песенку: «Еще Йосеф жив! Еще сынок твой жив!» Потом вы к нему войдете и всё расскажете!

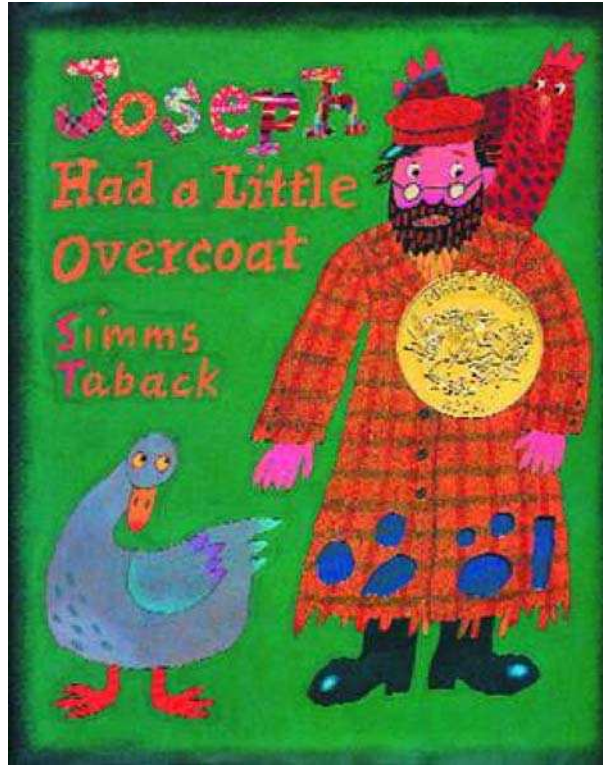
Так и поступили. Сначала Яаков рассердился и хотел прогнать малышку, думая, что она смеется над ним. Но тут вмешались сыновья, и радость наполнила дом Яакова. Осталось только сложить пожитки и отправляться в Египет. Поселил их Йосеф в земле Гошен. Она была богата пастбищами и удалена от других областей. Так что семья Яакова с египтянами до поры не соприкасалась.

Маленькой же девочке была дарована такая долгая жизнь, что именно она, после двухсот десяти лет египетского рабства, указала Моисею, где искать саркофаг Йосефа. Тогда только смог он найти и поднять из Нила драгоценные останки. Надо было выполнить просьбу Йосефа: «Когда выйдете из Египта, заберите меня с собой».

ИСКУССТВО КРОЙКИ И ШИТЬЯ

Михаил Горелик

Художник Симмс Табак малость перелицевал старую, любимую с детства, идишскую песню «Об их мир а мантл»^[1], и вот что у него получилось^[2]:

אָדער זיין אַזוי ערנסט זענען אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי, און ער האָט אַזוי אַזוי אַזוי.

אָ ערנסט אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי:

אָדער אַזוי אַזוי אַזוי

אַזוי - און אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי

אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי

אָ ערנסט אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי:

אָדער אַזוי אַזוי אַזוי.

אַזוי - און אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי

אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי

אָ ערנסט אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי:

אָדער אַזוי אַזוי אַזוי.

אַזוי - און אַזוי אַזוי אַזוי אַזוי

è íáè á íáì á í óεεíεíí óíðá

Ó Έίηόά áúé ì áεáí úεéé σάðó:

íòáðúé è ííòάðòúé.

Έ άíò - ίí ίάðáσέé áάí á άεéíòσέ

è ίοίðáεéíγ' á π'ðíá ίάάíηò è òú

íáíþ çàì óεéíþ íáíòðá

Ó Έίηόά áúé ì áεáí úεéé άεéíòσέ:

íòáðúé è ííòάðòúé.

Έ άíò - ίí ησέé εç ίάάí ί'εάòíé

è áúíéé íòáεáí áíðγ'-άά ÷άγ' ηέéì ίííí.

Ó Έίηόά áúé ì áεáí úεéé ί'εάòíé:

íòáðúé è ííòάðòúé.

Έ άíò - ίí ησέé εç ίάάí ί'όάάε'ό' ί'ðéσέé

é áðþεáì è ί'ðεíη'όάά'όé é ί'áé ί'íáòγ'εéé.

Ó Έίηόά áúé ì áεáí úεáγ' ί'όάάε'ό'á

Í áí áεéáú ίíá ί'íòάðγ'εάíí

òáí'áðú'ό' ί'άά' áí'íá'ú'á'ί'έ'-άά' ί'á' áúéí.

Έ άíò - ίí çáì éíηé è ί'áðεíη'άáé γ'ò'ó

éíη'ό'ðεþ. Í ÷áì εεά'ί'á?

Í òíí, ÷òí' áí'á'á'á' ì ί'εéí'í' ηá'ε'ά'ò'ú

÷òí-ί'έ'á'á'ú'εç'ί'έ'-άά.

В предуведомлении Симмс Табак обещает читателям мораль и держит слово: «всегда можно сделать что-нибудь из ничего» – это и есть обещанная мораль. Оптимистическая и стимулирующая.

Песня, вдохновившая Симмса Табака, – а ее он тоже приводит в переводе на английский, даже и с нотами, – куда лаконичней: кроме героя этой саги и ветшающих и превращающихся друг в друга вещей, в ней больше нет ничего, если не считать, конечно, важного припева «ля-ля»: нет ни ярмарки, ни племянника со свадьбой, ни мужского хора, ни замужней сестры в городе, ни чая с лимоном, ни подтяжек.

Кажущаяся на первый взгляд бессмысленной избыточность книжной версии художественно вполне оправдана. В песне слова вписаны в музыкальное пространство, у Симмса Табака – в визуальное. Он не иллюстратор: в его книжке текст и картинка равноправны: замужняя сестра, ярмарка и прочие отсутствующие в песне радости – элементы карнавального мира, созданного художником. Племянник должен жениться, чтобы Йосеф мог сплясать, а Симмс Табак – запечатлеть его пляску.

Художник создает образ райского штетла, образ литературный, театральный, бродвейский, образ постмодернистский и концептуальный: с афишей Мориса Шварца^[4] и фотографией Молли Пикон^[4] на стене избы, с нотами «Тумбалалайки» в руках певцов «мужского хора», с обрывками «Форвертс», где сообщается о прибытии хелмских^[5] ребе в Касриловку и об их же изысканиях причин солености океана^[6], с «Морген Фрайхайт»^[7], информирующей о том, что «Скрипач на крыше упал с крыши» («фотография» места происшествия прилагается), с «Если бы я был Ротшильдом»^[8] (актуально для Йосефа с его минималистским гардеробом) и «Еврейским философом Менделе Мойхер-Сфоримом»^[9].

Наличествуя также фото неких Тойбеле и Зигмунда, надо полагать, местечковых родственников Йосефа – а как же иначе: ведь они названы только по именам. Однако Тойбеле – очевидная аллюзия на знаменитые зингеровские рассказ и пьесу «Тойбеле и ее демон» (за ними маячат тени Ан-ского с Вахтанговым и Цемаха^[10]). Что касается Зигмунда, он вполне узнаваем: Фрейд внимательно наблюдает с фотографии за поисками исчезнувшей пуговицы (можно себе представить, что он об этой пуговице думает).

Маленькие парадоксы времени, обратная перспектива, будущее предшествует прошлому: это у Молли Пикон могла бы висеть фотография Йосефа. Впрочем, в раю, как мне доводилось слышать, нет ни прошлого, ни будущего – только настоящее (во всех смыслах).

Да, есть еще мудрые мысли, написанные рукой Симмса Табака для назидания Йосефа; они обрамлены и развешаны рядом с фотографиями на стенах смиренной обители: «Если пальто старое, только дыры на нем могут быть новыми», «Уродливая заплатка лучше прекрасной дыры», «Что имеем, не храним – потерявши, плачем», «Если бедняк ест цыпленка, один из них болен». А еще письма Симмса Табака Йосефу, тоже полные мудрых мыслей: «Дорогой Йосеф! Пожалуйста, вспомни, что дом без окон не дом, а пальто без

пуговиц не пальто». Рассеянными персонажам следует время от времени напоминать, в каком мире они живут, а то ведь могут и запамятовать.

В одном из писем Симмс Табак рассказывает своему адресату его же историю. Уж он-то ее точно знает! Симмс Табак изобразил Йосефа похожим на самого себя: правильно, мадам Бовари – это я. Впрочем, визуально идентифицируясь со своим персонажем, автор просто приближается к первоисточнику: ведь песня поется от первого лица («Об их мир а мантл»).

Интересное расхождение книжки с песней – добавление сквозного эпитета «маленький»: все вещи Йосефа от пальто до пуговицы – «маленькие». «A little», наверное, следовало бы переводить уменьшительно-ласкательным суффиксом: «пальтишко» («пальтецо»), «пиджачок», «жилеточка», «шарфик», «галстучек», «платочек», «пуговичка». А может, и нет: ведь «маленький» – составная часть рефрена каждого эпизода: «У Йосефа был маленький».

И всё-таки, с чего бы это? Зачем вообще он здесь, этот «a little», – только ли для повтора? Содержательно вроде ни за чем, да и на картинках Симмса Табака Йосефовы одежды никак не уменьшены: пальто как пальто, пиджак как пиджак – даже и не пытался отобразить им же самим введенный «a little», не считал важным и нужным. Тогда зачем?

В качестве предположения: в «Сказках Матушки-гусыни» есть стишок, известный каждому, для кого английский язык родной. Стишок начинается словами «Mary had a little lamb», песенка на эти слова – шлягер на все времена, тоже всем хорошо известна, – по популярности что-то вроде «Жили у бабуси два веселых гуся»:

Mary had a little lamb,

Its fleece was white as snow.

And everywhere that Mary went

The lamb was sure to go.

Ó Ì yòè áúè ì àéáí úèéè yáí áí íé,

Áá óááíòèà áúèà áúèà, èàè ñí áá

È èúúà áú í è óèà Ì yòè,

Βᾱί αὶ τὲ ἀῖψάο ἀἴκεαὲ γὰ ἰ αὲ.

«Mary had a little» – «Joseph had a little» – вряд ли случайное совпадение.

Уж наверное, этот стишок с приданным ему мотивчиком бежал за Симмсом Табаком, как ягненок за Мэри. И одного этого соображения довольно, чтобы объяснить, с какой стати «a little» объявился в книжке про Йосефа.

Но дело не только в этом. Симмс Табак строит текст, намеренно апеллируя к культурному опыту своих маленьких читателей: они наверняка получат удовольствие, обнаружив Мэри с ягненком за спиной Йосефа (какая неожиданная и приятная встреча!), но даже если этого не произойдет, они всё равно получат удовольствие: ведь знакомая структура невидимо работает – они и не сознавая узнают стишок.

И еще: книжка про Йосефа – еврейская и в то же время универсальная, и в то же время очень американская: Мэри с ягненком – маленькие фигурки на заднике перенесенного на американскую сцену штетла.

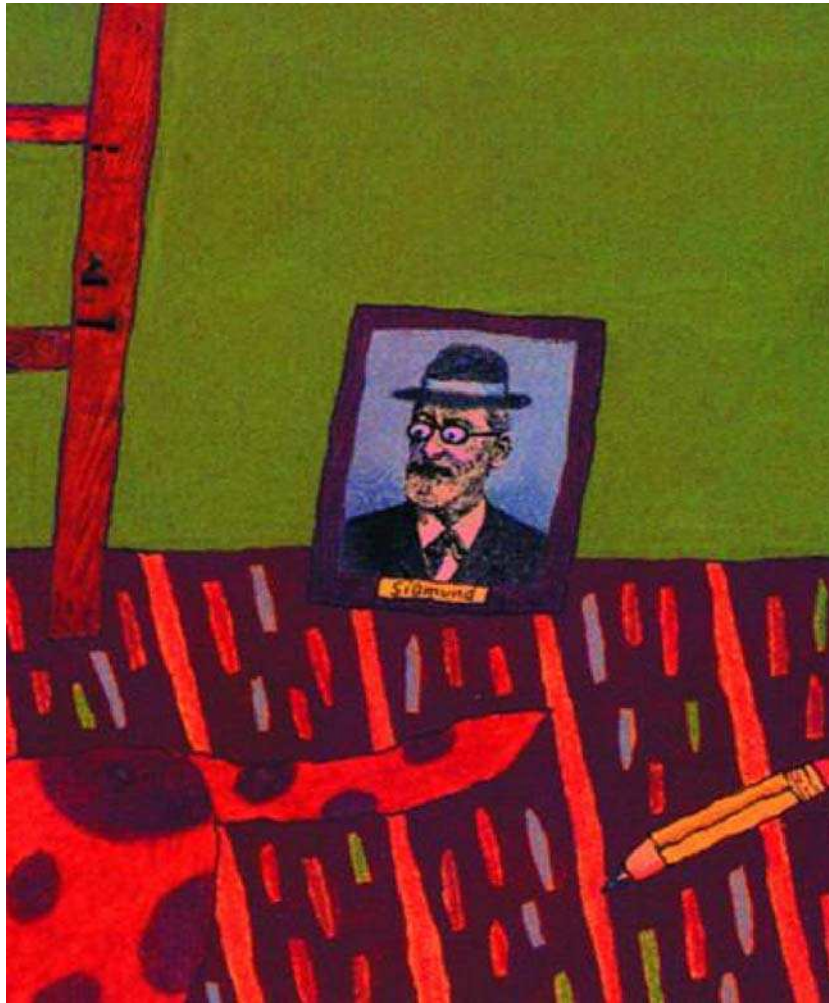
Если эта гипотеза верна, она объясняет также и трансформацию первого лица (в песне) в третье лицо (в книжке). Правда, объясняет только отчасти – чисто формально. Есть еще одно объяснение, лежащее совершенно в иной плоскости.

В старой идишской песне «я» вполне уместно: неизвестный автор действительно пел о себе, он сам был житель местечка, и каждый (с минимальными оговорками) житель местечка мог спеть про себя более-менее то же самое, ему не было нужды лицедействовать, рассказывая от первого лица о ком-то другом, чья жизнь кардинально отличалась от его собственной: это была его песня, его жизнь, его «пальто».

Конечно, в песне (и в книжке тоже) есть план, апеллирующий к экзистенциальному опыту, не привязанному к конкретному времени и социуму, но на внешнем, изобразительном уровне между миром книжки и миром читателя – океан. И не только в прямом, но и в переносном смысле: табаковский штетл – утопия, сказочное царство-государство, до которого скакать не доскакать, плыть не доплыть, лететь не долететь. Поэтому герой может быть только «он» – никак не «я». Самое большое, что мог себе позволить Симмс Табак, – это придать Йосефу сходство с самим собой: ну, так он себе это и позволил.

В общем, порезвился Симмс Табак на славу. И на радость читателям.

История Йосефа с его ветшающими вещами рекурсивна; в сущности (хотя это и не акцентировано), ее механизм тот же, что и у попа с собакой. Сначала историю о Йосефе рассказывает Симмс Табак. Эта история завершается тем, что теперь уже Йосеф рассказывает ее сам о себе, но в этой, второй по счету, истории появляется еще один Йосеф, который рассказывает ее еще раз – и так до бесконечности. Черда умножающихся зеркальных отражений. Ничего удивительного, если они будут не вполне идентичны, хотя бы в мелочах, если эти мелочи от отражения к отражению будут понемногу накапливаться и пальто Йосефа изменится в конце концов до неузнаваемости.

Ἰὼν τὸ δεῶν ἰὰ ὀδῶν: ἐὰν ἐπὶ πᾶσι ἴε! Ὅτι ἀεὶ ἰτέο: οὐ δᾶν τὸ δῶν, αὐτὸ ὅτι ἐξ δᾶν ἐπὶ ἐπὶ πᾶσι ἰὰ ἰτέ. Ἐὶ δᾶν ἰ, ἐπὶ αὐτὸ ἐπὶ ἰεῶν: ἰὰ ἀδᾶν ἐπὶ ἰὰ ἰαῖν?

В обществе массового потребления мало кому придет в голову чинить и уж тем более перешивать старые вещи, их выбрасывают, избавляются не только от изношенных, но и от вышедших из быстротечной моды. Вещи мимолетны, приходят и уходят, не оставляя следа в жизни своих носителей, вещей много – поэтому каждая из них значит мало. Иное дело в былые времена: вещи тогда стоили дорого, относились к ним бережно, носили долго, любили (или, напротив, не имея возможности заменить, ненавидели), ценили, чинили, перелицовывали, передавали от старшего младшему, от поколения к поколению, у вещей была своя история. В этом жилете я плясал на свадьбе племянника, в этом галстуке съездил в город к сестре – полвека прошло, большие события, а жилет, посмотрите, конечно, не как новенький, я не стал бы морочить вам голову, но очень, очень даже еще ничего!

Есть такой сказочный сюжет: дурак, меняющий лошадь на корову, корову на овцу, овцу на кошку. Однако же Йосеф вовсе не предпочитает малое большому: пальто превращается в пуговицу вопреки его желанию, Йосеф одержим идеей сохранить то, что пока еще можно сохранить, он отважно противостоит второму закону термодинамики, он заведомо обреченный борец с распадающейся на глазах вещественностью.

На стене у Йосефа, среди прочего, висят картинки «Хад Гадью»^[11]. Но в «Хад Гадье» большое естественным образом побеждает малое – в истории Йосефа всё обстоит с точностью до наоборот. С этой точки зрения она ближе к знаменитому фараонову сну, истолкованному некогда тезкой героя книжки^[12].

В «Хад Гадье» последнее слово остается за Всевышним. В метаморфозе гардероба Йосефа торжествует великое Ничто: шагреновая кожа скукоживается, превращается в точку (пуговицу) и, наконец, совсем исчезает, попытки обнаружить ее тщетны. Метафора жизни Йосефа, жизни Симмса Табака, жизни каждого человека. Жизни штетла. Было – будто и не было.

В сущности, всё это относится и к идишской американской культуре, некогда богатой и разнообразной. Я вовсе не утверждаю, что сегодня от нее осталась одна пуговица, но процесс всё-таки ориентирован в сторону пуговицы – Молли Пикон подтвердит.

Каждый эпизод книжки наполнен вещами, цветами, овощами, животными, местечковыми жителями. Симмс Табак не переносит пустого пространства и, если вдруг обнаружит его, непременно заполнит веником или кошкой. Но вот Йосеф теряет пуговицу и горестно сознаёт, что найти ее уже не удастся, что он потерял теперь всё. И тогда он остается совершенно один в пустой комнате. Все (даже кошка с собакой, даже фотография Фрейда) немедленно покидают его, как бы боясь заразиться смертельной болезнью.

Если бы это был конец, он был бы бесконечно печален (когда бы картинка не была столь празднична!). Но это не конец. Всё сгнувшее в мире вещественности воскресает в песне и в книге. Воскресает в расширенной и улучшенной редакции: в мире вещественности пальто и ряд его производных могли существовать только последовательно: рождение платка предполагает непреходящую смерть галстука; здесь же все они существуют «рядом»: пальто, галстук, пуговица. Возникая из небытия, они вытягивают за собой ярмарку, хор, свадьбу, даже выпитый давным-давно стакан чаю – и тот не только не пропал, но даже и не остыл – всю жизнь Йосефа: она не разбита теперь на сменяющие друг друга фрагменты, но предстаёт единым гармоничным целым, в котором ничто не должно быть утрачено. Разрозненные, подчас казавшиеся случайными и бессмысленными, паззлы складываются в картину, обладающую эстетическим совершенством и метафизической внятностью.

Заплаты не уродливы, а прекрасны, правда, они ничуть не лучше дыр, которые не только прекрасны, но еще уместны и желанны. Бедняк не ест цыпленка, оба они веселы и здоровы; впрочем, бедняк в этом воскрешенном мире богаче самого богатого богача. А пальто, которое носил некогда Йосеф, – только тень того праздничного наряда, который предлагает читателю заокеанский потомок местечкового жителя.

Добрый Симмс Табак наделяет творческим даром преображения и воскресения каждого – тебя и меня. В своем обращении к «дорогим читателям» он пишет: «вы всегда можете сделать что-нибудь из ничего... и сделать это еще и еще раз».

Сам-то он именно так и поступает: первая версия его книжки вышла за двадцать с лишним лет до второй, увенчанной Колдекоттовской медалью, – он попробовал «еще раз», и пальто, как и следовало ожидать, изменилось. И Йосеф тоже.

Творчество из ничего – прерогатива Всевышнего. «Ничего» Симмса Табака условно: пальто, исчезнувшее в материальном мире полторы сотни лет назад, сохранено в культурной памяти – остается только его извлечь.

В перелицованном, естественно, виде.

¹¹⁾ «*Ó i áy áúeí i áeúòí*» (éáèø).

¹²⁾ *Í téo: eéúúí ó íáá òí òí óí: éí éá éá «Joseph had a Little Overcoat» («Ó Éúúó á áúeí i áeáí úeí á i áeúòí»;* NY: Viking, 1999) *á 2000 á áó áúeá óúúò í áí á Éí éá éí ò ó í á úé í é i á á á é é - í á í é è ç á á ó í á e á í é á á i ó á ú é á ú ó á Ñ Ó Á i ó á i é é á í á e á ú é á á á ó ú é é è è ó á á ó ó ú í.*

¹³⁾ *Í í ðeñ (Á á ð í - Í í é ó á) Ó á á ó (1890-1960) - á è ó á ð è ð á ç è ú ú á ð á i á ð e é á i ú e í á é á è ó ú e í á é e í í é ó á á ó ó á, é á á é í á Á ð í á á á á; ú á í á ð e ð, ð á ç è ú ú á è è ú í é í é ó á e ú á á á í é ó í é è á ó e é ú á «Ó á á ú» (1939), á ð e ó á é é í ó í ó í á É ú ú ó (ú í í í í ú ú ð Ñ e í ú á Ó á á é á) ó e ð á ú é ú í á é é é á ú é é é á ú í.*

¹⁴⁾ *Í í e é é Í e é í (1898-1992) - ç á ç á á á i á ð e é á i ú e í á é á è ó ú e í á ó á á ó ó á è é e í í, ú é í á á ó á ú í é é á Á í e é é á á á á*

¹⁵⁾ *Ó á e í - á ó á á Á ú ú ó - í í é Í í e ú ó á, ú á á ó e é á á á á e ú e í ó í e ú e é í ó á á ó á í á á ó á e í á Ý ó í ó i é ó í e í á - á ú e é Ó á e í i ó ú e á á e á i ú á e é í ó í - e ó Ó í e í - Á e á e ó á í í è Á e á e é ú í - ç e í á á ó í.*

¹⁶⁾ *Ý e á í á ó á ó í: á á ú ó á í é á á á ð ó ú é á e é!*

¹⁷⁾ «*Ó í ó á á ó ó ú*», «*Í í ó á í Ó á e ó á e ó*» - á i á ð e é á i ú e é á é á è ó ú e é á á ç á ó ú í.

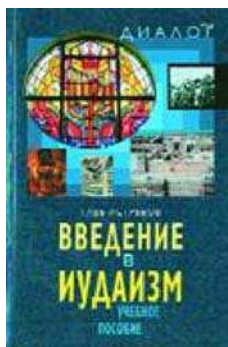
¹⁸⁾ *Ð á ú é á ç Ó í e í - Á e á e ó á i á*

МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ

À. Bñò ðááí á

Ááááá èá á èóóòèèè

Ì .: Áèáèèèèè-áíáññááèèè èíñòèòòò ñá àíñòíèà, 2005. - 148 с.

«Введение в иудаизм» – учебное пособие. Своего рода конспект курса лекций, которые автор этой книги Глеб Ястребов читает в московском Библийско-богословском институте св. апостола Андрея. Это христианское внеконфессиональное учебное заведение. Либеральное. Принципы института – открытость и научная добросовестность – исключают демонизирующую мифологию и ксенофобию как в отношении неправославных конфессий, так и нехристианских религий. Принципы хорошие, но даже самые лучшие принципы сами по себе не в состоянии породить качественные учебники.

По существу ястребовская книжка – это введение не в иудаизм, а в религиоведение, предметом которого является иудаизм. Можно изучать искусство, а можно искусствоведение: и то и другое правомерно, но это разные вещи. Производная в общем случае функции не равна.

«Введение в иудаизм» представляет собой механический набор внешних критических суждений об иудаизме. Эмпатия напрочь отсутствует, попытка понимания просто не приходит в голову, при изложении идей автор не прочь ввернуть «якобы».

«Как относиться к заявлениям о б-жественном мандате на владение Палестиной, который якобы дает Библия?» В том виде, как поставлен вопрос, он бессмысленен дважды. Библия не знает такого географического и политического объекта: «Палестина». Если же говорить о Ханаане, который становится Страной Израиля, то Б-жественный мандат дается как часть Завета между Всевышним и народом Израиля и многократно подтверждается. Это хорошо известно каждому, кто даже не изучал Библию, а просто читал ее. Так что означает «якобы»? Что мандата не было?

Ястребов не считает нужным рассказать о составе и структуре еврейской Библии, о том, на каком языке она написана. Читатель (студент) мало что узнает о еврейских праздниках, вообще ничего не узнает о еврейском Б-гослужении. Ничего не узнает об образе жизни, который определяется специфическим для иудаизма пониманием отношений еврейского народа со Всевышним.

Б-г, человек, жизнь, смерть, страх, слезы, улыбка, утрата и обретение смысла, одиночество, причастность, грех, раскаяние, молитва, суббота, страдание, спасение, живая человеческая душа, тоскующая, уязвимая, любящая, – ничего нет.

Но ведь без этого и иудаизма нет. Нет – и не надо: это даже не недостаток – это часть концепции: живая человеческая душа с научным дискурсом (в понимании автора) даже стилистически не совпадает. Главный вопрос, возникающий после прочтения: как вообще сегодня возможен такой иудаизм, кого такой иудаизм может привлекать, кому он вообще может быть интересен? Разве что студентам в анатомическом театре.

Беда в том, что иудаизм Ястребову не слишком интересен, культурное любопытство по отношению к иудаизму отсутствует – ему интересно религиоведение.

По отношению к иудаизму (впрочем, и к христианству тоже, вообще к религии) Ястребов – марсианин, прилетавший на землю в командировку с научными целями. Вот сидит он себе в своем марсианском офисе, дышит приятным марсианским воздухом, смертоносным для инопланетных аборигенов, и, глядя на остывающие после полуденного зноя каналы, пишет отчет о командировке – земля безмерно далека. Впрочем, это ведь не только его индивидуальный проект – это специфика школы, к которой он принадлежит и установки которой воспринимает с ученическим энтузиазмом, исключая критическое отношение.

Марсианский взгляд резко сужает возможности понимания. Вот пара характерных примеров.

Ястребов обсуждает вопрос об исторической достоверности Исхода: был ли, не был ли. Скорее не был, чем был, а если и был, то чем-то весьма жалким.

Научное обсуждение этой темы вполне естественно: наука по своей природе свободна и критична. Беда в том, что студенты Ястребова лишены возможности в установленных для них рамках узнать, что сама постановка вопроса об Исходе выводит проблему за границы ортодоксального иудаизма. В той же мере, как, скажем, вопрос о существовании Всевышнего. Первая из Десяти (в традиции иудаизма) заповедей гласит: «Я Г-сподь, Б-г твой, выведший тебя из страны Египетской, из дома рабства». Нет Б-га, нет Исхода – нет и иудаизма, куда Ястребов как будто вознамерился своих читателей ввести.

Рекомендуемая студентам литература содержит минимальное число источников, важнейшие из которых вовсе отсутствуют. Пусть лучше студенты получают информацию о них из вторых рук. Складывается впечатление, что и автор порой идет этим путем. Список литературы размещен на 20 страницах – значительная часть книжки, – для Талмуда места не нашлось. Непостижимо! Ну почему же непостижимо: в рамках концепции книги – естественно. Для Талмуда места не нашлось – зато нашлось для некоего Нура Масалха, который «демонстрирует, что идея переселения коренного арабского населения с самого начала входила в программу сионизма». И это – «введение в иудаизм»?!

Литература на русском языке в ястребовском списке занимает самое скромное место: создается впечатление, что он ею вообще не пользуется. Не потому, что ее нет, – не считает нужным, а скорей всего, и не знает. Это приводит к неизбежным ошибкам: ему, например, неизвестен такой город – Хеврон, он транслитерирует с английского – Хеброн (я же говорю: марсианин, немец, американец); не знает, как правильно назвать по-русски Йом а-Шоа – просто переводит себе с английского и промахивается. Что, вообще-то, безобразие. И это упрек не только автору, но и издательству: ни один грамотный редактор таких ляпов не пропустил бы. Правда, марсианин с немцем тоже проверили бы.

Надо сказать, что переводы автора не всегда безупречны. Вот забавный пример: «Даниэль Буарен заявляет: “Я желаю располагать таким способом прочтения мидраша, который будет осмыслен для меня как представителя западной культуры”». Так порой (для создания комического эффекта) говорят иностранцы в советском кино.

Название второго раздела характерно для книги и хорошо репрезентирует общую установку автора: «Иудаизм второго Храма: патрон, клиент, посредник(и)». Социология религии в силе и славе. Безгласный иудаизм слушает о себе диковинные речи. Если же ему и удается изредка вставить словцо, оно изымается из контекста и толкуется обвинительным образом.

Последние разделы «Введения» производят совсем уже удручающее впечатление: это откровенная халтура. Раздел «Государство Израиль» наполнен антиссионистской публицистической риторикой – иудаизм исчезает здесь совершенно. А впрочем, нет, не исчезает – поднимите мне веки! – пусть ответит за страдания угнетенного палестинского народа. Забыв уже и о религиоведении, автор пишет наконец про самое интересное: про оккупированные территории да Сабру с Шатиллой.

Завершающая главка «Введения в иудаизм» – «Развитие современного иудео-христианского диалога» – сведена по существу к цитированию «Декларации об отношении Церкви к нехристианским религиям» Второго Ватиканского собора. Даже на минималистский комментарий не расщедрился. Не озаботился даже сообщить студентам официальное название декларации: «Nostra Aetate» («В наши дни») – как и прочие соборные документы, декларация названа по первым словам; вполне, кстати сказать, еврейский принцип именования). Недурной, однако, способ написания книг.

Ястребов (как он является в своей книге) представляет собой диковинный (и относительно новый) тип русского европейца: левый интеллектуал, остро секулярный, антисионистский, и не все местные слова знает, потому что читает исключительно на языке цивилизованных народов. При всем при том временами в научном дискурсе звучат какие-то совершенно хлестаковские интонации: «кладёзь информации», «не шедевр, но содержит неплохо переведенные», «от библейской периодизации особого толка нет».

«Не шедевр» – это об «Агоде» Бялика и Равницкого в переводе Семена Фруга. Начало XX века, еврейская классика. У книги есть свое прочное место в истории еврейской литературы на русском языке. Я вовсе не хочу сказать, что критика в отношении «Агоды» недопустима (почему бы и нет?), но аннотационное (мимоходом) замечание Ястребова в списке литературы носит анекдотический характер. Добрый профессор, снисходительный: поставил четверку, а то ведь мог бы запросто и тройку вклеить.

Ключ к пониманию книги – в авторской преамбуле:

«К сожалению, популярная русскоязычная литература по иудаизму полна неточных и неверных представлений о нем, а подчас – и откровенной дезинформации. Одна из задач этого курса как раз и состоит в том, чтобы развеять устоявшиеся мифы. Материал “Введения...” станет серьезным подспорьем в занятиях библеистикой, богословием, философией, историей Церкви или литургикой».

Последнее «или» не вполне внятно, но это мелочи. «Станет серьезным подспорьем» – обычное для предисловий и аннотаций клише, но только не авторских: о себе так писать не принято. Однако автор полон амбиций, которые намерен предьявить сразу же. Относительно «к сожалению» соглашусь: не без этого, – хотя, к сожалению, всё сказанное здесь относится прежде всего к книжке самого Ястребова.

Хочу обратить внимание на логику автора: казалось бы, одна из задач курса как раз и должна состоять в том, чтобы дать читателям адекватные представления об иудаизме, порой отсутствующие в популярной литературе. Но нет, автор предпочитает иное: он займется сейчас разоблачением мифов. Конечно, это как-то крупней и увлекательней.

Повторюсь: «Введение в иудаизм» – своего рода конспект курса лекций, которые Ястребов читает в Библейско-богословском институте. Теоретически институт должен готовить богословски образованных людей. Но что будет в потенциально богословских головах после такого курса и такого введения?

Ἰ εὐαγγέλιον Ἀγιῶν

ИГРА В КЛАССИКОВ

Ñîñò ààè ò àèü Æ. Ñ. Çàèáí è í à

Ààðàè è æèàü à ðüññèîé èèáññèéá

Ì.: Ì ïñò ù èóèü ò óðü; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 392 с.

Принципиальный вопрос при чтении любой книги – зачем? Зачем мучился автор, зачем страдал редактор, зачем, наконец, заставлять читателя тратить время, которое, как известно, деньги, и собственно деньги в их материальном воплощении? Всё ради очередной пачки бумаги? Она – пачка – стоит того? И чем чаще задаешься этим несправедным вопросом, тем хуже книжка и тем безутешнее ответ.

Сейчас передо мной пачка бумаги с заголовком, подкупающим откровенностью и нарочитой провокационностью. Впрочем, тем и исчерпываются смыслы существования нынешней пачки. Антология, сборник текстов «на тему», на мой взгляд, всегда профанация, так как идеальная антология – список литературы в конце любого научнообразного издания.

Еще более странно, когда послесловием к тематическому сборнику служит текст, фактически ставящий под сомнение идею предложенной книжки. Михаил Эдельштейн пишет: «...русская литература, прошедшая за сто лет громадный путь, освоившая и отвергнувшая множество художественных методов, течений и направлений, рисовала, едва дело касалось еврея, всегда один и тот же образ, крайне редко отклоняясь от весьма примитивного шаблона, сложившегося в самом начале XIX века».

И вот перед нами странное детище составителя Г. С. Зелениной, сопровождаемое послесловием компрометирующего содержания. Провокация на провокации. А что внутри? Тургенев, Чехов, Гарин-Михайловский, Горький, Короленко, Куприн, Достоевский, Щедрин и пр., и пр. А почему, например, никак не упомянут сочинитель Всеволод Крестовский? Он ли не отличился в свое время на этом поприще? Почему ни звуком не намекнул составитель на Василия Розанова, который приходит в голову одним из первых в заявленном тематическом поле? Отчего нету Платонова? Или он в меньшей степени принадлежит к стройным рядам русских классиков, нежели Мережковский? А ведь если по совести, у Платонова еврейской темы хватило бы не на один сборник (и текстов и комментариев). Составитель загадочно молчит, автор послесловия талдычит о том, что «евреи в русской литературе» по большей части вовсе не тема, а «история стереотипа».

Уж если вздумалось составить нечто подобное, то надо было пояснить: по какому принципу отбирались тексты, что и почему осталось «за бортом», какова хронологическая «вилка» отбора. В противном случае создается впечатление, что сборник слеплен наскоро и откровенно халтурно, а единственный принцип отбора – наличие нужной книжки в домашней библиотеке составителя. Игривость заглавия не повод для игр в прятки и молчанку с читателем. Или я не постигаю чего-то важнейшего? И в этой игре, как и в любой другой, существуют какие-то правила? Впрочем, сдается мне, что правил всё-таки нет.

Итак, в сухом остатке: Сфинксово молчание Зелениной, парадоксы Эдельштейна, неполный и вполне произвольный набор текстов и читатель, задающийся вопросами экзистенциального свойства.

Ààð Ì òðññèéá

НЕОГРАНЕННЫЙ КРИСТАЛЛ

Ī àœü Ōāēāī

Ēðēñò àēē: Ēçāðāī ī ūā ñò èèè

Ī .: Ī ñò ū éœēñò óðū; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 224 c.

Нет ничего сложнее и проще одновременно, чем писать стихи и писать о стихах. Если же речь идет о поэте XX века, то этот парадокс становится еще более ощутимым. Недавно вышедший сборник стихов Пауля Целана (составление и перевод Лилит Жданко-Френкель) – безусловно заметное событие, вызывающее, однако, при ближайшем рассмотрении не только радость, но и недоумение, досаду и даже некоторое разочарование.

Окказиональное словоупотребление, оригинальная образность, удивительно своеобразные сквозные (иногда единые для всего корпуса опубликованных текстов) метафоры, выверенная композиция – впрочем, своей просчитанностью не мешающая свободе переживания, – напряженная интонация и трагическое восприятие мира – всё это характерные особенности лирики Целана. Нельзя сказать, чтобы он был новатором, его поэтика в целом традиционна, скажем, для современной ему французской поэзии, а некоторые стихи даже не столь радикальны – они более консервативны и ближе к поэтам начала века. Однако и к традиции «классического» модернизма его не причислишь. Целан жил и писал, совмещая культуры и литературные направления.

Стихотворение «Кристалл», заглавие которого переводчик использовал для названия всей книги, – шестистрочный шедевр, на примере которого можно увидеть всю грацию и виртуозность плетения целановского текста:

Ī á í à ì î è ð ãááð è ù è ò áí é ð ð ò,

í á í ð á á ã ï ð ð à ì è ì ð è ò á é ù ù á,

í á í á ã è á ç ð ñ è á ç á

Ñ à ì ù ð í í : à ì è á ù è á á ð á á ð

á è ð á è á è ð ì á

ñ à ì ù ð ñ à ð á ð à ì è ã è ó á è á ð è á

ñ ò ó : è ò á á ï ð ð á,

ñ à ì ù ð ð ð ç à ì è ì í ç æ á æ ó ð : è ð ð ð á ì è è.

При первом прочтении кажется, что никакой связи здесь нет, что попытка понять логику текста – лишь погоня за ускользающими ассоциациями поэта. Соответствия проявляются только после многократного прочтения; лишь выстроив образы в заданной автором последовательности, понимаешь, что все они связаны с очень понятным и знакомым переживанием, имя которому – любовь. Есть некое застывшее, лишённое переживаний и страстей «здесь и сейчас», а выше и глубже него, позже него существует другой мир, где губы встречаются, где можно достучаться до сердца, где плачут и радуются чистой красоте. Сухой «кристаллический» остаток: перед нами человек с разбитым сердцем, он не может чувствовать, радоваться и любить сам, он лишь видит, как радость и любовь существуют где-то вне его сердца. В устах поэта триумф становится открытием.

Перевод поэзии – а поэзии XX века в особенности – это трудное и неблагодарное занятие. Поэт с тяжелой и грустной судьбой, Целан, однако, никогда не пускался в нудное саморегистрирование, которое то и дело норовит приписать ему переводчик. Любое самое конкретное событие для Целана, как для всякого настоящего поэта, – лишь образ, общий для всех и понятный каждому французу, еврею, немцу или русскому. Но, читая Целана по-русски, я не мог отделаться от чувства, что читаю я... не то, что писал поэт, а некую «кнотную запись» его мыслей и чувств.

Как мне понять авторскую пунктуацию, когда я вижу в конце стиха знаки «– :» или «– ,»? В современном мире это и вовсе может быть принято за традиционные для незатейливой дружеской переписки смайлики. Немецкая пунктуация имеет свои смысловые особенности – можно ли механически переносить ее в русский текст? В крайнем случае следовало бы предложить хоть какой-то комментарий. Уж лучше не переводить «по rasagam», как это сделано составителем, но объяснить смысл, вкладывавшийся поэтом в странные сочетания знаков. Как в отсутствие параллельного немецкого текста понять переносы со строки на строку в словах «бро-шенной», «встре-ченная», «ис-полненные», «вы-купленные» и т. д.? Ведь каждый такой перенос для поэта имел смысл, он что-то означал, в русском же переводе (а переводчик не потрудился подобрать русские эквиваленты, содержащие хоть какой-то намек на значение) они выглядят ничем не мотивированной, бессмысленной акцией, только мешающей восприятию.

Нынешний сборник появился между выходом первого и второго томов издания «Пауль Целан. Материалы, исследования, воспоминания». Будем надеяться, что все три книги, дополняя друг друга, всё же дадут русскому читателю представление о своеобразном и необычном поэтическом мире Пауля Целана.

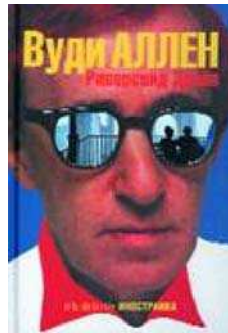
Андрей Голубев

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГИКОМЕДИИ

Áóæ Áëëáí

Deááðñéá Áðàéá

Ì .: Èí ñòðáí èà, 2004 - 173 с.

Когда мы упоминаем имя Вуди Аллена, на ум приходит с десяток названий его фильмов и не меньшее число киноролей. Каждая его работа – филигранный шедевр, из которого без ущерба нельзя выбросить ни одного слова, ни одного кадра. В его картинах не найдешь упомрачительных спецэффектов, и прилагательное «кассовый» в общем понимании этого слова – не про них. Но у Аллена почитают за честь сниматься – даже в небольшом эпизоде – лучшие из лучших, голливудские «звезды», которых трудно смутить количеством нулей в сумме гонорара. Легкость, интеллектуальный юмор и неизменная ирония – три главных компонента фильмов Вуди Аллена.

Знаатокам известно, что режиссер промышляет и драматургией. Сборник его новых пьес «Риверсайд Драйв», вышедший в издательстве «Иностранка», фактом своего появления не удивил, но обрадовал. В книгу вошли три пьесы: «Риверсайд Драйв», «Олд-Сэйбрук» и «Централ-Парк Вест» – три очень смешные трагедии о непостоянстве чувств, супружеских изменах и странностях человеческих взаимоотношений. Вуди Аллен – это всегда смешно, но смех этот неизменно оказывается с примесью легкой грусти. Сюжеты маэстро всегда просты и предсказуемы, но Аллена читаешь не для того, чтобы следить за сюжетом, а исключительно ради процесса чтения, который сам по себе доставляет удовольствие. Новый сборник – не исключение: благополучный адвокат хочет уйти из семьи, успешный сценарист – вернуться в семью, сестра влюбляется в мужа сестры, подруга уводит мужа подруги. Всё просто, как у Шекспира. Так же смешно и так же трагично-буднично.

По прочтении книги возникает единственная претензия – к качеству перевода, который откровенно слаб и порой напоминает подстрочник. Английский текст настолько просвечивает из-под русского, что иногда теряется смысл реплик героев, а знаменитый вуди-алленовский легкий юмор настолько прибавил из-за перевода в весе, что осмысливается зачастую не сразу.

Пьесы не случайно оказались в одной книге (в оригинале сборник назывался Three Plays – «Три пьесы»). Дело даже не в том, что все они на одну тему, их названия – реальные координаты на карте Нью-Йорка. Собрав их вместе, автор хотел показать читателю: человеческие эмоции всегда остаются человеческими эмоциями, чувства – чувствами, а амбиции – амбициями. Независимо от района проживания и разницы в социальном положении. Что трагедия одиночества человека, непонятого своими близкими, всегда остается трагедией, как бы смешно она ни выглядела со стороны.

Áàñëëé Ì àëñè ñá

ЕВРЕЙСКИЙ ПОЕЗД

Ôèëïï Èíôáí à Í í ää Ááééà

«Ááðéíñéé í íáç»

Ááëïñëÿ, Í èääðéáí äü, Ôðáí öèÿ, 2003

«Поезд слишком быстро идет», – сказала моя мать на идише, удерживая меня у раскрытой двери вагона. Это были последние слова, которые я от нее слышал».

Так рассказывает участник событий весны 1943 года, гражданин Бельгии Симон Грановски, персонаж документального фильма «Еврейский поезд», прошедшего на телеканале «Культура». Фильм снят в 2003 году, режиссер и сценарист – Йохан Оп де Бейк. На русский язык озвучен в 2005-м и показан в рамках программы документальных фильмов о второй мировой войне. Время для программы выделено позднее, и мне хочется хотя бы вкратце пересказать его для тех, кто не посмотрел.

Бельгийский городок Мехлин во время немецкой оккупации стал местом, где нацисты сосредотачивали евреев перед отправкой в концентрационный лагерь. Из Мехлина «еврейские поезда» уходили в Освенцим. Ни жертвам, ни сторонним наблюдателям не было известно, что это фабрика уничтожения. Полная информация о нем и подобных ему лагерях сделалась общедоступной лишь после войны. Автор фильма рассказывает, что участники польского Сопротивления сообщали англичанам, а затем и американцам об истинном положении дел в Освенциме. Помимо письменных донесений были и данные аэрофотосъемки, сделанной с английских самолетов. Информация поступала также из Швейцарии от руководства Всемирного еврейского конгресса. Но ни Черчилль, ни Рузвельт не проявили желания вмешаться словом или делом. Они могли бы отдать приказ бомбить крематории и железнодорожные пути, остановить поток поездов со всей Европы. Они могли бы сделать резкие политические заявления, показав, что происходящее не является тайной. Но лидеры Англии и Америки не принимали в расчет «неудобные» донесения, попросту игнорировали их.

К слову сказать, когда в 1945 году президент Рузвельт подобное заявление всё же сделал и когда несколько английских бомб случайно упали на территорию Освенцима, атмосфера в лагере и отношение охранников к заключенным изменились. Но это произошло уже в конце существования лагеря...

Фильм рассказывает о единственном за всю вторую мировую войну случае, когда поезд в Освенцим всё же был остановлен. Это произошло не по требованию правительства союзников, не в результате действий разветвленной подпольной организации, это сделали без посторонней помощи и поддержки три молодых человека в возрасте до 20 лет.

Их имена: Юра Лифшиц, Жан Франклемон и Роббер Майстрио; первые два – евреи, избежавшие гетто, Роббер – француз, единственный из «тройки», кто дожил до наших дней. Инициатором остановки поезда был Лифшиц, Роббер подключился к этой акции после того, как сказал, что хочет участвовать в Сопротивлении. Юра был знаком с кем-то из подпольщиков в городе и в гетто, расположенном в бывших

казармах Де Сен, где немцы «накапливали» евреев перед отправкой. Подпольщики-бельгийцы от участия в акции уклонились, но в гетто о ней сообщили. Благодаря этому в нескольких вагонах удалось спрятать необходимые для побега инструменты. Машинистка, работавшая в администрации гетто, составила списки отъезжающих так, чтобы желающие бежать попали в подготовленные вагоны. Одно лишь четко сформулированное желание сопротивляться придало энергии и привело в движение множество людей! В гетто пошли слухи о том, что в 20-м (с момента первой отправки) эшелоне что-то произойдет. Все, кто это слышал, запасались ножами, заточенными обрезками металла.

«Как ты остановишь поезд с вооруженной охраной?» – спросил Майстрио у Лифшица. «Очень просто. Я поставлю на рельсы красный фонарь. И поезд остановится, таковы железнодорожные правила».

Именно так и произошло. В лесной местности, рассчитав время, Лифшиц вышел навстречу поезду и поставил на шпалы горящий фонарь, обернутый красной материей. Поезд остановился.

Роббер рассказывает: «Я был очень зол на самого себя из-за того, что провалил два экзамена в университете. И сказал себе: ну уж это у меня получится. Вышел из укрытия, подошел к вагону и открыл дверь». Вот какими бывают мотивы. Тем, кто выходил из вагона, он давал 50 франков, за эти деньги можно было доехать до Брюсселя. После того, как поезд вновь тронулся, среди узников распространился слух о нападении, и многие совершили побег, выпрыгнув на ходу. Двенадцатилетний Симон Грановски спасся именно тогда: он, удерживаемый матерью, был последним, кто прыгнул из их вагона. Охрана, расположенная в голове эшелона, открыла огонь, на следующий день вдоль железнодорожного полотна были найдены 29 человек, застреленных немцами. Точное число бежавших неизвестно, но это десятки людей. Если учитывать их потомков, родившихся после войны, то Лифшицу и двум его напарникам удалось спасти сотни людей. До Освенцима доехали 1400 человек. 1000 из них сразу были отправлены в газовые камеры. Из оставленных работать до освобождения дожили 150 человек. Всего же из города Мехлин в Освенцим ушло 26 поездов.

Фильм состоит из интервью, взятых уже в XXI веке у «пассажиров» 20-го эшелона и обитателей гетто Мехлина, из довоенной и военной фото- и кинохроники и из постановочных кадров, иллюстрирующих наиболее драматичные моменты. Постановочные кадры уместны и «не перетягивают» внимания. «Голос за кадром» сдержан и информативен. После просмотра хочется не комментировать профессиональную работу съемочной группы, а поговорить о простых выводах, которые следуют из рассказанной истории.

Их, по крайней мере, два, и оба имеют отношение не только к Холокосту.

Вывод первый: никто не решит ваши собственные проблемы лучше вас.

Воюющие с гитлеровским режимом страны утверждали, что борются с «коричневой чумой». Но до того, как Гитлер объявил им войну, с «коричневой чумой» они ладили, и Англия, и СССР подписывали договоры с гитлеровским режимом. Отказ бомбить подъездные пути и крематории понятен: это ставит под удар самолеты и жизнь летчиков, это оттягивает силы с фронта, всё равно лишь после разгрома врага узники лагерей получают свободу. Кстати, условия содержания в немецком плену американцев и англичан были особыми, на них распространялась международная конвенция о военнопленных, их не уничтожали. Война – не отстаивание гуманистических принципов, а защита личных интересов. Не следует питать иллюзий, что некая третья сила будет бескорыстно защищать чужие интересы. Это может произойти лишь в том случае, если интересы совпадут.

Вывод второй: для поступка достаточно несогласия со злом.

Невозможно полностью просчитать последствия такого шага. Те, кто просчитывал, говорили, что акция бессмысленна и бесполезна: транспорты в Освенцим она не остановит, бежавшим негде спрятаться, их поймают и казнят, зря погибнут подпольщики и заложники. Но к логике прислушиваются не всегда, иногда берут верх эмоции. Определение «пассионарий», предложенное Львом Гумилевым, подходит к каждому из спасателей: «Пассионарий не может не действовать. Это касается не только одного человека, но и группы людей». Наделенный собственным видением ситуации, он действует вопреки общим представлениям. В результате действий тройки пассионариев некоторые из спасенных дожили до наших дней и свидетельствовали.

История Холокоста – не только о евреях и немцах. Это история о том, как люди способны поступать друг с другом, и поэтому она касается всех. В минувшем веке произошло несколько геноцидов. Хронологически еврейский не был первым из них, он был самым заметным, самым массовым, происходил на большой территории. Введенные повсеместно школьные уроки, посвященные геноцидам XX века, могли бы предотвратить новую Катастрофу. «Поезд слишком быстро идет».

В первую очередь называется имя 58-летнего Дрора Каштана, который на сегодня является, наверное, самым серьезным израильским футбольным специалистом. Его подготовительная работа с футболистами широко известна, и он пользуется в Израиле огромным авторитетом. Некоторые считают, что он чрезмерно придерживается оборонительной тактики. Сам же Каштан утверждает: «Играть можно теми средствами, которые есть у тебя в распоряжении, а не согласно модным схемам. Если у тебя нет Рональдо и Рональдиньо, то взять их нигде. Если же они у тебя есть, это совсем другое дело».

Среди кандидатов на пост тренера сборной Израиля называются имена немцев Клауса Топмюллера (тренер «Лeverкузена», который вывел клуб в финал Лиги чемпионов) и Отто Рехагеля (тренер сборной Греции, чемпиона Европы последнего розыгрыша), серба Боря Милутиновича, который пробивался в финальную часть чемпионатов мира с пятью (!) различными национальными командами, и нескольких других специалистов высокого уровня, например российских тренеров Юрия Семина и Олега Романцева.

В Федерации футбола Израиля сообщили, что на ставку главного тренера национальной команды выделяется сумма в 1,5 млн евро в год: достойная во всех отношениях сумма, особенно если учесть, что весь годовой бюджет Федерации составляет 12 млн долларов. Уже раздается критика в адрес растраниживания общественных средств...

А вот что сказали тренеры национальных сборных по поводу отставки Гранта.

Брайан Керр, бывший тренер сборной Ирландии: «Я удивлен этой новостью. Грант проделал фантастическую работу со сборной. Его команда продвинулась во всех элементах игры. Он может гордиться проделанной работой».

Раймонд Доманек, тренер сборной Франции: «Если Грант ушел со своего поста из-за критики журналистов или игроков, то это очень плохо. Такого в футболе не должно быть. Тренера необходимо судить в соответствии с возможностями футболистов и их дарованием».

Однако в большинстве стран футбольного мира тренера судят по результатам игры его команды. Это знают все и всюду.

«НЕЦАХ» В ИЗРАИЛЕ

В рамках нового молодежного движения «Нецах» с 31 октября по 9 ноября состоялось путешествие по Израилю нескольких молодежных групп из шести городов СНГ. За десять дней молодые люди в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет проехали страну от Голанских высот до Эйлата, побывали в основных городах, пересекли Негев и Иудейскую пустыню, искупались в озере Кинерет, Средиземном, Мертвом и Красном морях, встретили Шабос в Иерусалиме.

«Нецах» на иврите означает «вечность». Это неформальное движение ставит своей целью борьбу с ассимиляцией, «возвращение к корням» еврейской молодежи, проживающей в диаспоре. Подобные поездки, по замыслу организаторов, станут ежегодными, они планируются не только как туристическое, но и как образовательное мероприятие. Наряду с катанием на верблюдах, ужином у костра, прогулкой на катере по Красному морю, обзорными экскурсиями и посещением дискотек предусмотрены лекции и семинары, посвященные еврейской традиции и истории государства Израиль.

Особое внимание организаторы уделили безопасности. Молодые люди были сгруппированы по городам, за каждой группой числом до сорока человек закреплен свой автобус, на котором участники пересели в аэропорту Лод. У каждой группы свой врач и свой вооруженный охранник. Вожатые групп прошли специальную психологическую подготовку. До поездки они провели несколько встреч, чтобы их подопечные могли познакомиться, лучше узнать друг друга и уже в самолете почувствовать себя сплоченной командой.

На вопрос корреспондента «Лехаима» в аэропорту «Домодедово», что было самым ярким впечатлением, участница поездки из Москвы, студентка РГГУ, сказала:

«Для меня таких впечатлений два. В Иерусалиме – посещение квартала Меа Шеарим. Жители этого района живут так же, как наши предки во времена средневекового гетто. Впечатление, будто на машине времени перенеслась в прошлое. Перед походом туда мы привели одежду в соответствие с их требованиями: длинные юбки, рукава ниже локтя, убрали волосы под платки. Но местные же видят, что мы – чужие. Мужчинам из Меа Шеарим нельзя смотреть на посторонних женщин, и даже малыши – больше всего поразило! – при встрече с нами закрывали рукой глаза и отворачивались. Но самым сильным впечатлением была поездка к бедуинам в Кфар Нокдим. Оказавшись там, попадаешь в еще более отдаленные времена и чувствуешь себя, как древние евреи, впервые пришедшие в Ханаан. Очень красивая пустыня – потрясающий библейский ландшафт. Я до сих пор под впечатлением!»

Спонсор этой программы – благотворительный фонд «Ор Авнер».

Руководили поездкой реб Шмуэл Куперман и Дэвид Ройтман, несколько лет являвшийся координатором аналогичной программы для молодых людей из Канады и США.

Ἰ ἰάδῳ ἰῆδὲ ἐ οἶοἰ ἰᾶέδῳ ἰὰ ἰᾶέδῳ <http://www.netzah.ru/>

À. Bāḥīṭō

КУРЬЯНОВИЧ ВНЕДРЕН К СКИНХЕДАМ?

*יָא עֵיךְ אַזאַרְיָא דאַזאַרְיָא דִּינְיֵעַ יִיבֹוֹרְיֵעַ יִוְאַוּ יוֹ צִי אַנְדֶּוּאַעֻ יִדאַוּאַוּאַוּאַעֻ
אַיִנאַוּאַוּאַוּאַוּאַוּ יִוּ יִוּ דִּינְיֵעַ אַזאַרְיֵעַ אַזאַרְיֵעַ יָא יִעֲנִי י, עֲנַבְרִיאַנֻּי וְאַנְדֶּוּ אַזַּיִוְאַוּאַוּ
אַיִנאַוּאַוּאַוּאַוּאַוּ יִוּ יִוּ עֲאַיִד י. עֲוִיַיִאַעֻ-אַ אַ יִוּאַרְעֵאַוּעֵיַיִעַ אַעֵוּעַ «נְעֵאַוּיִנְיֵעַ נִרְצָא» (יִ.
עֵרְיֵעַוּ צִאַאַרְיֵעַ אַזַּרְיֵעַ דִּינְיֵעַ).*

В письме говорится, что «ЛДПР старается объединить оппозиционные силы страны. Они состоят из разных групп и движений, в том числе крайнего толка. Мы ставим своей задачей убрать молодежь с улиц, из подворотен и дать ей возможность в цивилизованной форме участвовать в политике и обустройстве государства и общества».

Как явствует из ответа г-на Жириновского, «Курьянович Н. В. пытался наладить отношения с рядом молодежных группировок, в том числе со скинхедами. Мы предполагаем, что часть из них может быть оторвана от крайних своих целей и действий».

Вице-спикер Государственной думы также заявляет, что «никаких антисемитских и ксенофобских направлений в идеологии ЛДПР нет. Также как нет никаких проявлений национализма и расизма».

«Ваше письмо еще раз напоминает всем нам о целесообразности встреч представителей конфессий с лидерами хотя бы парламентских партий, чтобы не возникало подобных недоразумений, непонимания и не всегда верных оценок», – говорится в ответном письме В. Жириновского.

В заключение лидер ЛДПР выражает надежду на то, что «мы лично сможем увидеться и еще раз обговорить подобные, а также другие интересующие нас вопросы».

יִ י אִוּאַדֶּאַעֻ

עֵיִוּיִוּי אַוּעֵיַיִוּוּ אַזַּרְיֵעַ אַוּוּאַ

3 октября, в канун праздника Рош а-Шона, еврейскую общину Ульяновска впервые посетили губернатор Ульяновской области Сергей Морозов и мэр города Сергей Ермаков.

Председатель ульяновской региональной еврейской национально-культурной автономии Игорь Дабакаров обсудил с гостями некоторые важные вопросы жизни общины, по которым была достигнута договоренность. В частности, было принято решение продлить аренду здания Еврейского общинного центра по улице Ленина сроком на 15 лет. Губернатор распорядился также в ближайшее время освободить здание, расположенное по соседству, и передать его еврейской общине Ульяновска. После оформления договоров аренды на оба здания Сергей Морозов разрешил оформить землеотвод на прилегающую территорию и начать строительство на этом месте здания Еврейского общинного центра с синагогой.

י. אִרְיֵעַ

Āēāāī ūē dāāēī Dīnēē Āādē Ēāçāð:

CĀBĀĒĀĪ ĒĀ

II tēōyāōy īīçāðāāāī ēā īðīōāīīðō ðīāāðōō Ēñāyēþ Āōī āīīō ēç Āāðāēīēīā ōī ēāāðēōāōā ā Ēāðñāēēī ā nī ðēñēāāī ēāī āī ō Īīāēāāēīē īðāī ēē 2005 āāā ā īāēāñōē yēīīī ēēē.

«Для нас особенно значимо, что Вы стали первым религиозным евреем, который получил эту престижную премию. Ваше награждение стало, таким образом, не только праздником для Израиля и для еврейского народа, но и триумфом веры», – говорится в поздравлении главного раввина России.

Раввин Лазар отмечает, что Нобелевская премия присуждена профессору Ауманну «за открытия в области, имеющей самое прямое отношение к доказательству Б-жественного принципа в науке». Исследуя теорию игр в применении к мировой экономике, – пишет он, – Вы доказали, что все процессы в экономических отношениях связаны между собой, что все силы, действующие в производственной, торговой и финансовой сфере разных стран мира, суть единая сила. Очевидно, что закон общей зависимости есть последовательно религиозная идея». Главный раввин России приводит слова Любавичского Ребе: «Эйнштейном восхищались за то, что он доказал единство материи и энергии, ученый, который покажет, что все силы едины, удостоится еще большего признания. Если мы все уверены, что со временем это кому-то удастся, – почему не принять это прямо сейчас и не назвать Б-гом?»

«Таким образом, – продолжает раввин Лазар, – Ваша работа являет собой прославление Имени Б-жьего, “кидуш а-Шем”, наполняя гордостью сердца всех верующих евреев. Своими достижениями в познании законов мира Вы вновь доказали основополагающую истину – настоящая наука не бросает вызова Торе, она лишь возвышает Тору, наглядно показывая ее истины на конкретных примерах».

В поздравлении подчеркивается, что для российских евреев присуждение Нобелевской премии профессору Ауманну имеет особое значение. «На протяжении жизни четырех поколений еврейский народ в России был лишен света Торы, не имел ни синагог, ни ешив, практически не имел раввинов... Вы – человек, столкнувшийся в детстве с антисемитской властью и с Б-жьей помощью избежавший Катастрофы, – хорошо понимаете моральное самоощущение евреев в подобной атмосфере».

«Мы вдвойне счастливы мировому признанию Ваших заслуг – и как еврея, и как верующего, – говорится в заключение поздравительного послания главного раввина России. – В эти дни, когда молитвы евреев возносятся к небесам громче всего, мы все просим Всевышнего даровать Вам крепкое здоровье, семейное счастье и новые успехи на ниве научного творчества».

ZI tēōyāōy īōēōēēīīā īēñī ī çāī āñōēōāēþ īðāññāōāēy Āññāāñōāāīīē āōī ū Āēāāēī ēðō Āēðēīīāēīī ō ā ñāyē nī ī-āðāāī ūī āññōēēāēāī ðāññōñēīā çāðāēōāðā ēāīā ĒĀĪ ð Ī. Ēōñyīīāē-ā Āēāññāēāō, ā ēīōīðī īī īðñēāēyāō īāðēīīāēēñōē-āñēā īðāīēçāðēē, ā ōī ēēēā ñēēīōāāīā īīyāēēñy īāñēōā «N».

«Вынужден обратиться к Вам с этим письмом из-за провокационной акции депутата Государственной думы от Вашей партии Николая Курьяновича. Вы лично неоднократно заверяли политический класс и российское общество в целом, что возглавляемая Вами партия ЛДПР свободна от проявлений агрессивного национализма, расизма и антисемитизма. К сожалению, ряд событий последних месяцев дезавуируют Ваши заявления и дискредитируют вашу партию».

Главный раввин России призвал лидера либерал-демократов принять «действенные меры по очистке рядов ЛДПР от расистов и антисемитов» и определить позицию партии по национальному вопросу.

«Полагаю, что <...> такой демарш был бы по достоинству оценен как гражданами нашей многонациональной и многоконфессиональной Родины, так и сообществом цивилизованных стран. Пока лицо ЛДПР будут определять Курьянович и ему подобные, боюсь, что отношение в мире к Вашей партии и к Вам лично будет крайне настороженным».

יְדֻאָּעֵאָאִי וְעֵיּוּוֹאִי אֵעֵאָאִי יִיְצָדָאֵעֵעֵ אֵאָדָאָאֵ אֵצָדָאֵאֵעֵאָאִי

А еай оі і дацаі і аай еу Діо а-Оііа а ас еай а қі еі е п е і а а а А а е о і а а а е е і і а і е а а 150 - е а і і а і а а і е е о і а і е і да і о і е е е . І і с а д а а е о і і а а і а А с а д а а е а а і а і і Діо а-Оііа і д е о е е а а а і о і е і а і Е а а е а с а о а е о о е і е а і А е а а о о е р о І а о а с а а а , а і е і е і А а е е і н е і-І д е с а і і е е і е а і а о о е Д і н е і е і і да і і п е а і і е о а д е а е А е а е і а а , а і і а а о і о а і і е і е п а о і е е і і і а о е і а е і і а і а і і н а і Е а а у о І о а а e a a , а а а і а е і е і а о е - а і е о і е і н е е Д і н е е , О д а і о е е е А а і о а А і н е e o а і і о а e а і і е а с е а і а с і е e e d a a e і А с а d a a e a a і а , а і і а а e і і e e a d a e o і o o - a i i a e і і і e a e і n o a a a «І о А а і а о» І а e o А o o e .

В молитвенном зале синагоги Идаят Оруджев зачитал поздравление президента Азербайджана Ильхама Алиева евреям республики с праздником Рош а-Шона.

Дорогие соотечественники! Сердечно поздравляю вас по случаю праздника Рош а-Шона, являющегося одной из самых древних церемоний евреев, – говорится в поздравлении. – В этот светлый день передаю всем вам пожелания счастья и здоровья. Пусть Рош а-Шона, который вы отмечаете как праздник нравственной чистоты, покаяния и начала жизни, откроет в жизни каждого из вас год спокойствия и благих вестей».

Президент Ильхам Алиев в своем послании подчеркнул, что в Азербайджане различные этносы и религиозные конфессии исторически жили как одна большая и дружная семья. И это естественно, так как в стране создана необходимая демократическая и правовая база для сохранения и развития языка и культуры национальных меньшинств, их обычаев и традиций. Президент отметил, что евреи являются активными участниками исторических процессов, происходящих в Азербайджане, и выразил уверенность в том, что они и впредь будут множить свой вклад в общественно-политическую и культурную жизнь.

В ответном слове раввин Меир Брук тепло поблагодарил главу государства за внимание и поддержку, которые оказывает еврейской общине республики президент.

С праздником Рош а-Шона евреев Азербайджана также поздравили шейх уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде и епископ Александр.

В завершение церемонии выступил хор школы «Ор Авнер».

Е. Аіеіііі о о

Āēāāī ūē dāāāēī Dīnēē Āādē Ēācād

CĀBĀĒĀĪ ĒĀ

21 ĩēōyāōy ĩĩcāāāēāī ēā ī ēōōīīēēōō Ēīōīēēēp ā nāyqē n ēcāāī ēāī āā nōāōīīāōyā-āīēēī Ī ēōōīīēēōōī Ī nīēīāīēēī ē āāy Dōīē.

«Уважаемый собрат! Прошу принять мои самые сердечные поздравления в связи с Вашим избранием на высокий пост. Уверен, что сотрудничество между нами, заложенное во времена Вашего предшественника митрополита Андриана, будет развиваться и крепнуть».

Главный раввин России отметил уникальную ситуацию «сотрудничества традиционных религий, когда иерархи различных вероисповеданий коллегиально решают общие проблемы». «Эта атмосфера диалога, не затрагивая самостоятельность религий и общин верующих, учит нашу паству уважать друг друга, наполняет пониманием того, что у каждой веры своя миссия, – отмечает раввин Берл Лазар. – Сегодня и в обозримом будущем наша общая задача – дать поколениям людей, жившим в годы безбожия, свет высокой духовности и морали».

В заключение главный раввин России выразил уверенность в том, что Русская православная старообрядческая церковь под руководством митрополита Корнилия «продолжит, вместе с другими традиционными конфессиями России, усилия, направленные на оздоровление нравственной жизни россиян».

27 ĩēōyāōy cāyāēāī ēā ā nāyqē n īdēcīāīī īdācēāāīōā Ēōāīā Ī āōīōāā Āōī āāēīāāēāāā nōāāōīī Ēōāēēīī ēāōōī ī ēōā

«Заявление иранского правителя ясно показывает, насколько чужды ему элементарные нормы морали и цивилизованного общежития. В этой ситуации особенно настораживают попытки правящего режима Тегерана получить доступ к ядерным технологиям, а их утверждения о том, что ядерная программа развивается в мирных целях, не могут восприниматься с доверием».

Раввин Лазар отметил также, что в течение 60 лет, прошедших со времени завершения разгрома нацизма, «казалось, что мир приблизился к признанию толерантности как основополагающего принципа в международных отношениях. По крайней мере, в последнее время людоедские призывы к геноциду звучали разве что из уст международных террористов и главарей маргинальных экстремистских группировок. К сожалению, теперь мы видим, что это не так».

Раввин выразил надежду на то, что после скандального заявления Махмуда Ахмадинежада российское руководство «по-новому оценит опасность и выступит с осуждением позиции нынешних правителей Ирана. Россия слишком дорого заплатила за то, что в середине прошлого века цивилизованному сообществу не удалось сплотиться».

«Необходимо поставить заслон на пути античеловеческого режима, присвоившего себе право решать, какие государства и народы будут жить, а какие должны быть стерты с лица земли. Нельзя допустить, чтобы зараза, похороненная ценой жизнью миллионов людей, вновь поднялась из могилы».

Í íçãðààéáí èá ðíííééíéèì ì òíéúí áí àì á ííýçè ñ ì ðàçáí èéí Òðàçà-áàéðàì.

«Áí ðíáé á áðàóíý! Ñáðá:íí ííçãðààéýþ ááí á ááíú áàóáí ì ðàçáí èéá Òðàçà-áàéðàì - áíý ðàçáí ááí èý; çí àì áí ðíááí çááðóáí èá ñýúáí í íá áéý ì òíéúí áí ì áíýòá ðàì áááí».

«Á ýòíò ááíú ì ðéíýòí ííí íáòú í óæááþúèì ñý, ðíáéòú á áííòé, ááðéòú áðáá áðáá í íááðéé è ì ðíáòú í áíáíííúá áíéúí èéé íááíéúí í áéáí. Íáí:áé ýòíá í ðàçáí èéá èáé í áéúý éó:óá ñííòááòíðáþò òíé óíééáéúí íé ñéòúáéé, á éíòíðíé æéáò ðàçé:íúá ðáééáéíçíúá í áúéíú á í áóáé ñòðáíá».

«Óááéá Ñíçãðààéþ, ÷òí Íí íáááééé íáí áííòáòí:íúì óí ìí, áíáðíòíé è òáðíéì ííðúþ, è ì ú ì íáéáí ñòðáíé:áòú òáì, ááá áí ì ííáéò ñòðáíáò, è ñíæáéáíéþ, áðáæááþò. Í ú ì íáéáí ííí íáòú áðáá áðáá á ñáí úò ðàçíúò í áéáíòýò è áí áíðá ðááíòáòú í áá áíçðíæááéáí áðáíáíííòé ðíííéýí, í áá áííéòáíéáí í íáðáíðáþúáá í íéíéáíéý á áðáá íí:òáíéý è òðááéóéýí í òóíá è óááæáíéý è òðááéóéýí áðááéò í áðíáíá».

Á çáééþ:áíéá áéááíúé ðáááéí ðíííéé í íáéáéé ðíííééíéèì ì òíéúí áí àì «í ðíóááòáíéý, óíí áðíá è áéááííéíáíéý ñ í ááíí í á áíí áíáðíá ááéá».

ШОФАР ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА

*3 תעודות א אהעעיי תאמיתא ידועא אידא:א דאאעיא אדעויהא תעאנ ת אאאדאודי
תאמיתאעע תעאנע תעאעיי תדאעיי. אידא:א איעא ידעויהא:א ידאעא עעויהא:א-ויהא*

Глава областной администрации и лидеры общины обсудили вопросы, касающиеся развития области, а также проблемы межнациональных отношений.

Михаил Прусак, в 2002 году вместе с главным раввином России Берлом Лазаром принимавший участие в открытии Новгородского еврейского общинного центра, был проинформирован о его работе, о религиозных, культурных и социальных программах общины.

Губернатор поделился впечатлениями от своих, ставших традиционными поездок в Израиль. Он также рассказал о своем выступлении в Совете Европы, в котором резко осудил попытки представителей некоторых стран обвинить Израиль в эскалации насилия на Ближнем Востоке. Раввин Палей в свою очередь выразил новгородскому губернатору искреннюю признательность за предпринятые им шаги по задержанию и преданию суду организаторов антисемитских инцидентов в городе.

«Я считаю символичным, что именно Великий Новгород, в котором зарождались основы русской культуры и российского общества, был одним из первых в стране, где грамотно и успешно были завершены дела о разжигании межнациональной розни», – сказал раввин Палей.

Михаил Прусак от себя лично и от имени администрации области выразил самые сердечные поздравления еврейскому народу в связи с наступающим Новым годом.

В заключение встречи раввин Палей преподнес главе областной администрации украшенный серебром шофар, изготовленный в Иерусалиме.

Встреча губернатора с раввином была организована другом еврейской общины Новгорода главой областного комитета по экономическому развитию Арнольдом Шалмуевым. В ней также приняли участие председатель общины Григорий Файнберг и директор общинного центра Александр Кнопов.

ААТ

9 ноября исполнилось 80 лет председателю совета биробиджанской еврейской религиозной общины «Фрейд» Льву Григорьевичу Тойтману. В этот день почетный гражданин Еврейской автономной

области, кавалер двух орденов Славы, полученных за подвиги в боях с нацистами, видный общественный деятель принимал многочисленные поздравления от своих земляков.

Поздравил ветерана и губернатор автономии Николай Волков. Глава области отметил значительный личный вклад Льва Тойтмана в дело возрождения еврейских традиций и национальной культуры. «Общество “Фрейд” занимает лидирующее место среди еврейских общин Дальнего Востока», – отметил губернатор.

А. Айдава

Áëááí úé ðáááéí Ðíñéè Ááðé Èáçáð

ÇÁÐÁËÁÍ ÈÁ

2 ííÿáðÿ áññóóíéáíéá á ÐÈÁ ««Í íáññòè» íá íðáññéííóáðáíóèè «Ááí ú íáðíáí íá ááéíñóáá: áéáéíáéííóáññéè».

Раввин Лазар отметил, что «новый праздник» призван объединить всех россиян. «В России сегодня сложилась уникальная ситуация сотрудничества между конфессиями и народами, когда люди разных народов и верований живут рядом и помогают друг другу». Такой опыт, по его мнению, «будет полезен и другим странам».

Хотя День народного единства россияне отмечают впервые, у этого праздника есть все основания стать традиционным, считает главный раввин России. «Пусть каждый выберет для себя сам – помогать ли нуждающимся или просто встречаться с друзьями и соседями».

На вопрос о статистических данных по количеству верующих в России раввин Лазар ответил: «Верит человек или нет, касается только самого человека и Б-га». По существу, речь идет о численности соблюдающих религиозные традиции и принимающих участие в религиозных праздниках. По мнению раввина, число таких людей «существенно выше, чем зафиксировано статистикой, и оно возрастает». «Нас радует, что сегодня человек может участвовать в религиозной жизни, и он знает, что это не повредит ни его карьере, ни его учебе. Люди верующие и соблюдающие религиозные традиции пользуются большим уважением».

На вопрос об отношении к маршу «правых» 4 ноября в Москве с лозунгами типа «За русскую победу!» и «Россия для русских!» раввин Лазар ответил: «Тот, кто говорит “Россия для русских!” – не понимает, что он выступает против самого себя. Ведь сегодня в нашей стране живет более ста народов, исповедующих разные религии. Когда люди говорят, что они патриоты и выступают за притеснение или выселение большинства живущих в России народов, легко представить, какое будущее ждет страну». Раввин подчеркнул: конфронтация – гибельный путь для России и для каждого живущего в ней. Авторитету страны в глазах мирового сообщества наносится существенный ущерб. Лозунг «Россия – для русских» подобен лозунгам нацистов времен второй мировой войны.

«Надо искать действия и подходы, которые помогут взаимному уважению и пониманию, несмотря на все наши различия, – сказал в заключение раввин Лазар. – Ведь в истории не было такого тяжелого периода для всех, когда от действий террористов и экстремистов страдают люди не только в России, но и по всему миру. Необходимо объединиться, чтобы противостоять им».

Ç ííÿáðÿ ííçáðáéáíéá áññóóíéáíéá á ÐÈÁ ««Í íáññòè» íá íðáññéííóáðáíóèè «Ááí ú íáðíáí íá ááéíñóáá: áéáéíáéííóáññéè».

«Редко людям выпадает возможность стать свидетелями рождения новой праздничной даты в их жизни, – говорится в поздравлении. – Это налагает на нас особую ответственность – ведь как мы его отметим, какие традиции заложим, так и поведется впредь, в следующие годы, у будущих поколений». «День народного единства должен помочь найти путь к единению всех граждан нашей Родины, вне зависимости от национального происхождения, религиозной принадлежности и политических взглядов».

Раввин Лазар отметил: «Человеку свойственно заботиться о собственных интересах, об интересах своих родных, друзей, ближайших соседей. Но рано или поздно каждый из нас должен понять, что заботиться о “ближнем круге” недостаточно, надо взять свою долю ответственности и за “дальних” – за весь народ, за всю страну. Если у вас всё хорошо, но вокруг много бедных людей, безработных, молодежи без образования – это порождает в обществе напряженность, угрожает и тем, кто вроде бы решил свои проблемы».

«Думаю, что самый хороший путь отметить наш новый праздник – сделать его днем добрых дел. В Талмуде сказано: “Как важен глоток воды, который сближает”. Эта мудрость родилась у народа, который обитал в жарком и засушливом климате, где поделиться водой означало поделиться самым важным источником жизни. Давайте оглянемся вокруг, посмотрим на людей, нуждающихся в том, что у нас есть в изобилии, и поделимся с ними. Ведь это вполне в духе российской традиции».

«С праздником, дорогие россияне! Дай Б-г, чтобы каждый из нас сумел в этот день заложить традицию добрых дел и передать ее в наследство детям и внукам».

אֵלֶּיךָ יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה יִשְׂרָאֵל יְיָ אֱלֹהֵינוּ וְעַתָּה יִשְׂרָאֵל יְיָ אֱלֹהֵינוּ

*4 e 5 iyyady a adrai Naamad xadi laeoeie laeanoe mndiyeani odai iiey aqofaeatey
I aeai adrai ia oai oda maad deeo daieia Oea aieai aao noieadee yoi i anoi eqanooi eae laei eq
i ediaio oai oda daieaei a: caai laoi aeoi nyuaiaiy aey aao daieia yoi ia aeaeatey i laea
maad deia daieea Emdyea Odeai aia, eqanooia oaeae eae Aaeaeae, eee xadi oaidiue, daaei: ii
emaeue aae a aae i aieiu uo*

Поговаривают, что 200 лет тому назад Садгора процветала благодаря этому раввину. Люди прислушивались к словам ребе, так как всё, что он говорил, исполнялось. Вот и сейчас дважды в год сюда, на старое еврейское кладбище, приезжают автобусы с паломниками со всего мира.

В 1842 году на средства Исроэла Фридмана в Садгоре был создан уникальный архитектурный ансамбль — родовой дом цадиков и синагога. При закладке фундамента этой синагоги была использована земля, которую два столетия назад привезли из Иерусалима. В 1940-х годах, когда закрывали храмы, резиденцию Исроэла Фридмана превратили в мастерскую по ремонту сельскохозяйственной техники. Здание перестроили. Однако синагога сохранилась, правда, потолок в ней полностью обвалился, а денег на реконструкцию памятника архитектуры у властей не было.

После передачи помещения бывшей синагоги в аренду появилась надежда на ее возрождение как выдающегося центра истории и культуры. Дело раввина Фридмана продолжили его сыновья и внуки. Количество общин хасидов Садгоры постоянно увеличивалось. Сначала они возродились в Бояне, Черткове, Черновцах, а затем, в связи с иммиграцией евреев Украины, начали появляться в Израиле, США, Канаде, Великобритании и других странах.

Благодаря огромной работе, проведенной потомками садгорского цадика, а также благодаря усилиям главного раввина Житомира, Центральной и Западной Украины Шлоймо Вильгельма и при поддержке местных властей удалось наконец преодолеть многочисленные проблемы организационного и юридического характера.

В день памяти рабби Исроэла Фридмана более трехсот хасидов со всего мира, представители деловых кругов, а также руководители города Черновцы и Черновицкой области приняли участие в церемонии возрождения Международного центра хасидизма.

Перед гостями выступила специально приглашенная танцевальная группа мальчиков житомирской еврейской школы «Ор Авнер».

E. Ieai raiee

4 ноября, в День народного единства, губернатор Калининградской области Георгий Боос встретился с главами религиозных конфессий и руководителями национально-культурных автономий. Во встрече принял участие главный раввин Калининградской области Довид Шведик.

Эта была первая встреча нового губернатора с религиозными и национальными лидерами. Георгий Боос поздравил всех присутствующих с праздником и призвал к межнациональному и межконфессиональному диалогу и взаимопониманию. Раввин Довид Шведик обратил внимание губернатора на продажу националистической и антисемитской литературы в книжных киосках города. В ответ губернатор поручил одному из своих заместителей провести проверку и привлечь к ответственности виновных в разжигании национальной розни. Раввин выразил надежду, что новый губернатор проявит заботу о духовном воспитании жителей области и будет интересоваться проблемами всех национальных объединений в регионе. Георгий Боос пообещал построить в Калининграде Дом Дружбы.

Ĭ ĭ ĩ àòáðèàèì

èìòĭòĭ àöèĭĭĭúò àãĭ òñòá

Āēāāī ūē dāāāēī Dīnēē Āādē Ēācād:

ṢĀBĀĒĀĪ ĒĀ

Šī ūāōy ṣāyāēāī ēā ā ūāyē nī āmāāī ē āmī ūyāēāī ē āī Ōōāī ōēē.

Главный раввин России предупредил, что «подобные события могут случиться в любой стране, в том числе у нас, если, не дай Б-г, власти и общественность повторят ошибку, допущенную во Франции — будут искать оправдание действиям людей, попирающих закон».

Раввин Лазар обратил внимание на то, что после трагедии Беслана правоохранительные органы сделали правильные выводы и в Нальчике не допустили повторения страшных событий. «Милиция и спецслужбы доказали, что умеют учиться на ошибках и не повторять их. Но они мало что могут сделать без поддержки всего общества. А в обществе всё еще раздаются призывы “понять” террористов и погромщиков».

Главный раввин России категорически не согласен с тем, чтобы к преступникам проявлялся неоправданный, ложно понятый «гуманизм»: «Раньше даже в самом демократическом государстве все было просто. Есть правоохранительные органы, у которых одна задача – обеспечить порядок и безопасность честных людей. Есть закон, за нарушение которого попадешь в тюрьму. Сейчас, к сожалению, людям с утра до вечера твердят, что они “имеют право”, но забывают напоминать об обязанностях, прежде всего об обязанности беспрекословно соблюдать закон государства, в котором они живут. В результате кое-кто начинает думать, что он вправе делать всё, что взбредет в голову».

Несмотря на то что демократия, по мнению раввина, самая лучшая система организации общественной жизни, «слабая демократия, неспособная отстоять верховенство закона, оборачивается своей противоположностью». «“Политкорректные” власти и СМИ во многих странах, призывающие с пониманием относиться к погромщикам, вести с ними переговоры и идти им на уступки, своими руками копают могилу демократии. Как только господствующим направлением общественной мысли становится идея “понять чувства” бандитов — всё общество обрекается на беззаконие и насилие».

Главный раввин России напомнил, что еврейские организации давно предупреждали о возможных беспорядках во Франции: «Несколько лет назад те же недоросли-погромщики начали избивать евреев, громить еврейские кладбища, поджигать их дома и имущество. Мы говорили, что, если власти будут продолжать закрывать глаза на вакханалию антисемитизма, бандиты начнут поджигать не только еврейские машины, дома и синагоги, но и христианские. А “политкорректные” власти и СМИ в один голос твердили, что погромщики, дескать, проявляют солидарность с палестинским народом и их “тоже можно понять”».

Выразив солидарность с французами, пострадавшими от погромов, главный раввин России в заключение отметил, что «был момент, когда вандализм можно было задушить в зародыше, и этот момент, к сожалению, власти не использовали».

אַדאַענעאַ יאַזעײַ װאַיַנױף װײַע אַדױ אײַעע יאַװאַעײַ בױװב יײַאַ יאַעײַע אַעדאַ

אַ יאַ:אַעאַ יעִוַיַאָדִי אַ אַדױאַענעײַ אַרױט אַיַאִי עִדִיטִאָ עײַאַאַיַאִאִ דױפּעײַצױ:יַיַאִ אַדאַענִוִאַאִ מִנִּוִיַעאַיַיַ אַיַוִדאַ:אַ ייִ םִ:אַיַוִדֵעַאִ דִּעִעַיַאִיַוִדֵאַאַ אַדאַענעִוִוִ יאַזעײַ 12 אַיַוִיַאִאַ אַיַוִדִי:יַוִוִ צאַיַ אַעײַ ןדאַ. עאַע יַיַאַ:אַעײַ ןעײַ דִּעִעַיַאִיַוִדֵאַיַ אַעדאַ, מִאַיַוִאַיַעאַ אַ אַאַדֵעײַ אַ יַדֵעַאַיַיַ דאַצױאַעִוִוִיַ אַיַוִוִיַוִאַ יַדִיאַעַאִ װ יאַזעײַ.

Перед председателями и членами правления земельных еврейских объединений из Потсдама, Халле, Котбуса, Бранденбурга, Хемница, Магдебурга, Дрездена, Шверина, Ростока, Дессау и других городов выступили президент Европейского бюро ВКРЕ Генрих Ман, председатель германского представительства Дмитрий Фельдман и исполнительный директор Европейского бюро Лариса Сысоева.

Еврейские общины в Восточной Германии появились в начале 1990-х годов благодаря переселенцам из стран бывшего СССР. Сейчас они находятся под опекой Центрального совета евреев Германии (ЦСЕГ). Однако за эти годы у общин накопилось множество проблем, в решении которых готов помочь ВКРЕ. Открывая встречу, Геннадий Ман подчеркнул, что конгресс не намерен вступать в конфронтацию с ЦСЕГ. Напротив, он видит свою задачу в консолидации молодых еврейских общин, разбросанных по разным городам, в объединении германского еврейства. В заключение Ман рассказал о перспективах сотрудничества и планах взаимодействия с общинами.

В своем выступлении Дмитрий Фельдман остановился на структуре конгресса, действующих под его руководством программах в разных странах (например, программа помощи Израилю и конкурс еврейского искусства «Золотая Ханукия»), взаимоотношениях с Всемирным еврейским конгрессом. О работе Европейского бюро с еврейскими общинами в Германии, в том числе в области еврейского образования, рассказала Лариса Сысоева.

Представители еврейских общин поделились своими проблемами и планами. Обеспокоенность вызывает нехватка синагог и раввинов, а также недостаточное финансирование. Местные земельные власти не готовы эффективно способствовать интеграции еврейства в немецкое общество и решать социальные проблемы, оставляя их на откуп ЦСЕГ. В свою очередь Центральный совет не уделяет им должного внимания. В числе первоочередных вопросов, по мнению представителей общин, возвращение и компенсации законным наследникам собственности, награбленной у евреев в годы власти нацистов в Германии.

ВКРЕ намерен продолжать работу по объединению германского еврейства: в ближайшее время готовится встреча с руководством еврейских общин из 13 городов Западной Германии.

אַיַ

В отличие от первых хабадских семей, приехавших на Украину 15 лет назад, у раввина города Сумы Йехиеля Левитанского и его жены Рохи есть выбор: они могут получать кошерное молоко в пакетах с сертификатом Хабада. Так поступают сестра Йехиеля, эмиссар Хабада в Харькове, и брат Рохи, хабадный раввин в Челябинске.

Но когда в сентябре 2004 года молодой раввин с женой приехали в Сумы из Санта-Моники, штат Калифорния, США, они поняли, что подвергают троих своих детей слишком большим испытаниям. Супруги привезли их на другой конец земли, в промышленный город на границе с Россией, куда большую часть еды придется доставлять на самолетах или машинах... Еще и молоко в пакетах? Никогда в жизни!

Итак, дважды в неделю 31-летний Йехиель и 28-летняя Рохи погружают своих детей в автомобиль и едут за город, в деревенский коровник. Там раввин наблюдает, как доброжелательный украинский крестьянин доит свою корову. Если они опоздают и фермер начнет дойку без них, они не смогут купить молоко, пенящееся в ведрах: любавичское кошерное молоко должно находиться под надзором с того момента, как оно «выходит» из вымени.

«Крестьяне никак не могут понять, с какой стати я должен наблюдать за ними, но они уважают мое желание», – говорит Йехиель Левитанский.

Он вспоминает, как две недели ходил по домам близлежащих деревень и просил у крестьян разрешения наблюдать за дойкой. Сначала молодой раввин не мог понять, почему перед ним захлопываются двери, но потом узнал о старом украинском поверье: если посторонний наблюдает за дойкой, у коровы кончается молоко. Вероятно, местных жителей отпугивали его черная шляпа, цигис и американский акцент. В конце концов, Йехиелю повезло: он постучался в дом пожилой четы Галины и Михаила, которые согласились ему помочь.

«Мы из Житомирской области, у нас было много друзей-евреев», – сказала Галина.

Она обнимает детей Левитанских, целует их и ведет в сарай кормить кроликов. Деловые встречи, начавшиеся прошлой осенью, переросли в теплые дружеские отношения.

Соскучившись по свежим калифорнийским продуктам, Левитанские стали привозить своим новым знакомым семена спаржи, сельдерея, горошка и других овощей, которые уже дают урожай.

Њ. Ôèèèîô, ЈТА

клеизмер». Пять лет спустя появилась «усеченная версия» группы – секстет Komatcha Klezmer, или «Клейзмер малый», который сразу же снискал всеобщее расположение у себя в стране, а затем отправился завоевывать остальной мир.

Приезд коллектива в Россию в октябре этого года вызвал массу восторженных откликов в прессе. И нижегородские, и петербургские, и московские залы, в которых проходили выступления коллектива, не могли вместить всех желающих.

Сейчас Komatcha Klezmer играют не только клеизмер, но и цыганскую музыку, и произведения собственного сочинения. Всё это пересыпается большим количеством потрясающих джазовых импровизаций, что в корне пресекает все разговоры о модной сегодня музыкальной «исторической реконструкции». Люди просто играют музыку, которая им нравится, и получают от этого огромное удовольствие. Иногда музыканты забывают о сцене, спускаются в зал, прямо в гущу зрителей, и продолжают играть там.

Обычно группа играет инструментальную музыку, поют они редко, но во время своих выступлений в России музыканты решили несколько отступить от этого правила. После того как программа уже отыграна, скрипачка Матсуи Айуми поет на идише. Причем достаточно убедительно, как говорят. Несмотря на характерный японский акцент.

Г. Г. айумейта

ЛЕГЕНДАРНАЯ ГЛУХОМАНЬ

Qeðieí eçããio í ú äãã ñãiuoëý; í ðieñoããoeð á Oãããí ðíãã: ðíãããí eã Áioííã ×ãõíãã è ñã äðòú Áeãeñãíããã Íããããã. Íã íñoãeííúð ðíãããííúð è õí äðoeð á yòíí ãðíãã eçããioíí çãã-eòãeííí í áíúeã Íí yòí íã çãã-eò, ÷òí eð íã áúeí. È õíõý eíðííããííúð íñã ñãããe yoeð íñoãeííúð äðíãã áú íã íããeðããeííñí; èe-ííñòe áúeè á õíe eèe eííe ñòãíãí è çãí çòíúã è ããííí à eðãííúòíúã Ñeãeãí, ííyòãííã Ñíõeý Íãðííe eèe ãeððeñã Oãeí à Ðãíããíeãý...

Õí äð íí äããe íò ãíã,

ããããeííí ãeóõíí í ãíõã

Oãããí ðíãã..

Èãã ðíeñòíe

Áúãeãã çããí eã «Õãeí úã Õíõú».

Среди известных таганрожцев (самый известный, конечно, А. П. Чехов) – брат Софии Парнок, первый советский джазмен Валентин Парнах, композитор и музыкальный педагог Самуил Майкапар, поэт Михаил Танич (Танхилевич), оперный певец Евгений Красик, артист Зиновий Высоковский и многие другие. Видимо, воздух здесь такой – поэтично-артистический...

Но не будем забывать, с чего начинал Чехов. С медицины. Именно в Таганроге работал знаменитый хирург Вениамин Зак, на свои деньги построивший городскую больницу, руководивший ею многие годы, передавший ее Советскому государству, в 1934 году получивший из рук одного Звезду Героя Труда, а в 1938 году – арестованный и погибший в застенках НКВД... Занимались врачеванием в городе на Азове и многие другие известные медики: второй Зак – Рафаил, Давид Гордон, Исаак Шамкович, Юлий Френкель и другие.

В этом году Таганрогу исполнилось 307 лет. Основан он Петром Первым, чей памятник работы скульптора Марка Антокольского украшает набережную города, а изображение самого памятника – 500-рублевую купюру Банка России. Но этот факт, увы, отнюдь не означает финансового процветания города. Переживший период военного расцвета при Петре I, торгового – при Екатерине II и промышленного – при советской власти, Таганрог в последнее время, увы, не столько процветает, сколько «выживает»... Как писал в своей книге «Моя жизнь – анекдот» Зиновий Высоковский, «мои однокашники по Таганрогскому радиотехническому институту – Герои Соцтруда, лауреаты Ленинских премий в области космонавтики, по-прежнему засекреченные, хотя и без работы».

А раньше и с финансами, и с промышленностью в Таганроге всё было в порядке. Финансами заправляли люди искушенные: например, семья Поляковых – братья Яков, Самуил и Лазарь. Особенно знаменит, конечно, старший, Яков Соломонович, увековеченный Толстым в «Анне Карениной» под именем железнодорожного чиновника Болгарина. Живший в Таганроге с 1868 года в собственном особняке на Греческой улице, основавший здесь вместе с братом Самуилом два банка (Азово-Донской коммерческий и Донской земельный), создавший каботажный флот на Азовском море, «Банкирскую контору Якова Полякова», в Таганроге, кроме того, он был консулом Персии и вице-консулом Дании. Впоследствии Яков Соломонович передал эти почетные дипломатические обязанности сыновьям Борису и Самуилу.

Начиналось всё 200 лет назад. Первая еврейская семья, согласно документальным свидетельствам, появилась здесь в 1805 году. В «Общей обывательской книге» из 816 зарегистрированных в Таганроге семей была отмечена одна еврейская – Енох Серткович и его жена Дворка. Через год, в 1806 году, «прописку» получили еще трое: Каплун Иосиф Саломонович, Каста Яков Леонидович, Искубовский Иона Аронович. Еще через пять лет здесь обитает уже почти 70 еврейских семей.

Вот что свидетельствуют записи лекаря П. Работина той поры: «По врожденной склонности, все евреи занимаются всякого рода мелочными спекуляциями и мелким кустарничеством. Евреи, живущие в Таганроге, сохранили свои национальные особенности. Тот же чистый азиатский тип, язык, вера, ветхозаветные нравы и обычаи, что резко их отличает от других народностей. Та же отсталость в образовании, хотя по природе они одарены большими умственными способностями, почти все они являются последователями талмудского учения <...> На службе честны и бережливы, довольствуются самым необходимым, терпеливо переносят нужду, лишения и добросовестно выполняют возлагаемые на них общественные обязанности»¹.

Позже, в 1840-х годах, Таганрог отметился в истории таким примечательным явлением, как «шминдрики». И хотя основную массу евреев в городе составляли ремесленники, шминдрики не сидели без дела – они ходили по дворам, предлагая ваксу, серники (спички), папиросную бумагу и прочую мелочевку. Они же занимались посредничеством, покупали поношенную одежду и обувь, мастерски чинили ее и вновь продавали. Шминдрики промышляли в этих краях до начала XX века. Затем, по свидетельству историка П. П. Филевского, «получив возможность учиться, они стали искусными врачами, крупными торговцами, адвокатами, банкирами...».

А вот что писал о своих таганрогских «предках» Михаил Танич:

Í ó í á áúë ì íé äüü

Áíðíáñëè ãëíáíé,

È íí äðíææé

Ñí ñáíè è éóðýì è,

Èíáá í á Í áññó ãðíáíáé

Ñí ááè àì ó á í ññ

Èóéáèè ñýéíðýì è.

Äæ àì ó äááóéà,

Í á òðññí -

×ò í á çí æè áñ á òáññí ðíáí!

À òí ááüü è ý í á ðáññí ðýì èðññí

Í íèà í á áñòýí ó í íæ.

Сейчас в Таганроге, население которого составляет около 300 тыс. человек, евреев – порядка 2 тыс. На самом деле их здесь больше, считает Танха Отерштейн, председатель таганрогской еврейской общины: «В Таганроге, где живут представители более 100 национальностей, евреев всегда было один-полтора процента. Правда, 600–700 человек за последние годы уехали в Эрец Исраэль». По большим праздникам собирается человек 200–250, на концерты заезжих знаменитостей – до 600.

Однако главное, по мнению главы общины, не количество евреев, а качество еврейской жизни. И он борется за это качество! Во всяком случае, научный руководитель Центра по изучению восточно-европейского еврейства при Иерусалимском университете профессор Мордехай Альтшулер полагает, что, «несмотря на немногочисленность евреев в Таганроге, здесь удалось развить широкую

деятельность, в которой принимают участие большинство евреев города». И так, еврейская жизнь в этой «легендарной глухомани», слава Б-гу, не заглохла...

È. Èàð' àí èí

ÈÑÒÎ ÐÈ × ÀÑÊÀВ ÑÎ ÐÀÀÊÀ

Место для строительства на мысу Таганый Рог 27 июля 1696 года было выбрано лично Петром I. А днем рождения Таганрога считается 12 сентября 1698 года, когда в московском Пушкарском приказе вышел указ о постройке Троицкой крепости и гавани. Город зарождался как база русского военно-морского флота и крупнейшая крепость на юге России. «Вторым рождением» Таганрога можно считать 1769 год: освобождение города в ходе войны с Турцией. С конца XVIII века Таганрог, входивший в Екатеринославскую губернию, развивался как торговый город – практически единственный на юге страны, пригодный для широкой внешней торговли. После постановления Екатерины II о том, что «Таганрог крепостью не почитать» (1773), учреждения главного порта на Азовском море (1775) и манифеста о льготах и привилегиях всем, кто переселялся на его берега (1780), здесь начался активный приток населения. Таганрог стал многонациональным городом, где были представлены различные религиозные конфессии. Вплоть до 1860-х годов Таганрог сохранял статус крупнейшего внешнеторгового порта России.

Евреи начали селиться в Таганроге в XIX веке. В 1811 году, согласно Шестой ревизской сказке, в Таганроге жили 66 евреев-мещан, не считая членов их семей. В середине XIX века еврейское население Таганрога, входившего в черту оседлости, становится массовым. В 1837–1844 годах гражданские акты таганрогских евреев регистрировал ростовский раввин Вульф Калина. После появления в Таганроге синагоги здесь служил собственный раввин, который вел записи в книге регистрации рождений, смертей и браков в Таганрогском еврейском молитвенном обществе. 5 марта 1845 года был принят закон, которым был отменен Кагал, и все евреи обязаны были быть внесены в посемейные и алфавитные списки. В рапорте на имя исполняющего обязанности Таганрогского градоначальника князя А. К. Ливена от 27 марта 1845 года отмечено, что в Таганроге имеется синагога, молитвенная школа, погребальное братство, общество заботы о призрении бедных. На 1845 год в Таганроге проживало 178 официально зарегистрированных семейств (37 купцов-евреев, 141 – мещан). В 1847 году численность евреев составила 413 человек. В 1859 году в городе проживало 748 евреев – 380 мужчин и 368 женщин.

Вначале у еврейской общины был деревянный молитвенный дом, арендованный под синагогу, который сгорел. В связи с этим в 1846 году еврейский сборщик Янкель Браиловский поставил вопрос о строительстве нового здания синагоги. Были избраны попечители по ее строительству. Одноэтажное здание синагоги было сооружено на углу Елизаветинской улицы и Депальдовского переулка (ныне ул. Розы Люксембург и Тургеневский пер.). В феврале 1859 года было получено разрешение министерства внутренних дел на перестройку синагоги, которая закончилась в 1861 году. Однако лишь в 1876 году здание дополнилось двухэтажной пристройкой. При синагоге действовали еврейское училище, подготовительный класс «Талмуд Торы», общество попечения бедных. Здание «Талмуд Торы» по адресу: переулок Антона Глушко, дом 30 сохранилось до сегодняшнего дня. Был в Таганроге на Петровской улице и магазин Г. Когана по продаже кошерного мяса.

В 1910 году в Таганроге на Елизаветинской улице открылся второй молитвенный дом. «Согласно действовавшим правилам, метрические книги еврейской общины велись раввином на двух языках – русском и еврейском и скреплялись подписью членов духовного правления», – пишет таганрогский краевед О. Гаврюшкин. Он указывает, что в 1911 году в еврейской общине существовали три правления: хоральной синагоги, ремесленно-молитвенного дома и «Бейс Мидраш», а «синагогу посещали все слои еврейского населения». К началу XX века таганрогская община была значительно меньше, чем в Ростове-на-Дону, что объяснялось изменением геополитической ситуации и резким ростом промышленности и экономики Ростова.

К 1917 году еврейское население города составляло, по некоторым данным, 8 тыс. человек. После Октябрьской революции деятельность сионистов и их организаций была запрещена как проявление буржуазного национализма. В 1923 году было принято постановление («по резолюциям собраний трудящихся-евреев») о закрытии Хоральной синагоги, а также синагоги малой и передаче их под Интернациональный рабочий клуб. Имущество – свитки Торы, священные одежды и талисы – изымалось. В 1925 году, в ответ на ходатайство «несознательных граждан», объединившихся в религиозное общество, вернуть изъятую синагогу малый президиум Северо-Кавказского крайисполкома постановил «ходатайство общества верующих евреев хоральной синагоги г. Таганрога отклонить, оставив названную синагогу под Интернациональный клуб». До настоящего времени здание Хоральной синагоги не сохранилось.

разрабатывается Устав города – статьи, посвященные взаимоотношениям администрации с религиозными и общественными организациями, взаимодействию с национальными диаспорами, поддержке национально-культурных автономий, борьбе с экстремизмом, ксенофобией и антисемитизмом.

Помимо еврейской общины, Танха Отерштейн возглавляет местное отделение научно-просветительского центра «Холокост», отметившего в прошлом году свое 10-летие. В задачи центра входит восстановление имен мирных жертв фашизма, увековечение их памяти (в частности, издана книга Танхи Отерштейна «Евреи Таганрога»), поиск людей, спасавших евреев в годы войны, помощь жертвам Холокоста. Но не только это.

В школах и колледжах города лекторы Галина Руженцева, Оксана Мельник, Галина Андрианова проводят уроки, на которых рассказывают детям о малоизвестных страницах Великой Отечественной войны и Холокоста. Их девиз – «От истории Холокоста к урокам толерантности».

Холокост в Таганроге – страшная страница истории Шоа. Шестьдесят четыре года назад, в конце октября 1941 года, фашистами здесь была проведена первая на территории России массовая акция по уничтожению евреев. Еврейское население города, составлявшее до войны более 3 тыс. человек, после ее начала возросло в несколько раз за счет беженцев из западных районов страны. После захвата Таганрога 17 октября 1941 года по городу был распространен приказ за подписью ортскоменданта города Альберти. Согласно этому приказу все евреи «обоих полов и всех возрастов, а также лица из смешанных браков евреев с неевреями» должны были явиться на центральную площадь Таганрога. При себе предписывалось иметь документы, деньги, ценные вещи и ключи от квартир (к которым «провоолокой или шнурком приделан картонный ярлык с именем, фамилией и точным адресом собственника квартиры»). Из города машинами и пешими колоннами людей доставили на юго-западную окраину города, в Петрушанскую балку, где до войны добывали глину для кирпичного завода. Все они были уничтожены. По официальным данным, погибло 6 тыс. 975 человек, включая 1,5 тыс. детей (многих детей умерщвляли, смазывая губы сильнодействующим ядом), всего же в Таганроге было уничтожено около 10 тыс. евреев...

Благодаря усилиям Танхи Отерштейна и еврейской общины города 30 августа 1997 года в «Балке смерти» был установлен памятник – гранитная глыба, на одной грани которой высечена звезда Давида и дата массового убийства евреев – 26 октября 1941 года, на другой – менора и дата освобождения Таганрога, 30 августа 1943 года. На гранитной плите написано: «Евреям – жертвам фашистского геноцида». Надпись на иврите гласит: «У каждого человека есть имя».

Среди жителей Таганрога были те, кто с риском для собственной жизни спасал жизнь евреям. Анна Покровская спасла еврейского мальчика Володю Кобрин. Его отец, мать и тетя были расстреляны, как и тысячи других, в Петрушанской балке. «По имеющимся у меня сведениям, в живых осталось только два еврея: глазной врач М. С. Барцинский и я», – сообщал сам Владимир Кобрин. За этот подвиг правительством государства Израиль и институтом «Яд ва-Шем» Анне Покровской была вручена медаль и присвоено почетное звание Праведницы Мира. По инициативе общины и Танхи Моисеевича на ее могиле был открыт памятник, а в этом году на доме, где жила Анна Михайловна, установлена мемориальная доска.

Усилиями Танхи Моисеевича и активистов общины в честь 60-летия Победы была создана и передана в дар Центральной библиотеке Таганрога Книга Памяти. Это альбом, посвященный евреям-таганрожцам, внесшим свой вклад в победу над фашизмом: с фотографиями, архивными материалами, интервью, мемуарами – о тех, кто принимал участие в боевых действиях, был узником гетто и концлагерей, работал на военных заводах.

Об ужасах фашизма 73-летний Танха Моисеевич знает не понаслышке. В годы войны он стал малолетним узником, с октября 1942-го по февраль 1943 года находился в тюрьме, вместе со своей семьей испытал кошмар фашистских застенков.

Родился он в Ростове-на-Дону. Отец Моисей Танхович – польский еврей, был рабочим, мама Матля Менделевна (в девичестве Закс) родом с Украины, из города Сновск под Черниговом, работала официанткой. Семья – отец, мать, 11-летняя сестра Мина и сам Танха Отерштейн, как и многие ростовские евреи, не успела эвакуироваться до захвата города фашистами в 1942 году и скрывалась. Но что значит скитаться по лесам и полям с малыми детьми, не имея пропитания, опасаясь передвигаться по дорогам, боясь заглянуть в любой населенный пункт, ибо каждая встреча – с немцами ли, полицией, местными жителями – могла означать неминуемую смерть всей семьи...

Διπλωμάτιο Οὐίσα Γ' οὐδὲ οὐαί:

«Мне было девять лет, я всё хорошо помню. В конце июля 1942 года отец принял решение: в Ростове оставаться нельзя, надо идти к Кавказу, там перейти линию фронта и выходить к своим. Мы скрывались на территории Ростовской области и Краснодарского края. Шли, прятались по деревьям, по посадкам. Отец – типичный еврей, часто нас останавливали, избивали, грабили. Был момент, когда от страшной безысходности отец даже решил покончить с собой, утопиться. Расплакалась сестра, я – за ней... Самоубийство не состоялось. И он принял решение – вернуться в Ростов.

Это была середина сентября. Подошли к Аксаю. Отец с сестрой спрятались в каком-то сарайчике, а мы с мамой пошли в город и узнали, что 12 августа всех евреев Ростова расстреляли в Змиевской балке. Так что там находится моя заочная могила... Мы поняли, что в Ростове нам не спастись, и продолжили путь. Пришли в казачью станицу Новолеушковка под Тихорецком, в Краснодарском крае. Там нас прятала одна семья, потом другая. Но в середине октября 1942 года нас выдали. Пришли полицаи, избили отца, мать. Нас посадили в местную тюрьму. Евреев держали особо. Мужчины были в одной камере, женщины – в другой, отдельная камера была для военнопленных.

Выгоняли зимой на работы, подвергали издевательствам, избивали до полусмерти отца, мать... Особенно изощрялись полицаи. Они насиловали женщин, детей, в том числе и мою 11-летнюю сестру... Правда, был момент: однажды, когда мать выгнали на работы, немец тайком сунул ей буханку хлеба, сказал: «Киндер кормить»...

В тюрьме осталось около 30 человек – одни евреи. Мы знали, что нас должны отправить в Тихорецк на расстрел. Но уже было слышно, что фронт приближается. И когда в течение нескольких дней никто не приходил, мужчины сломали замок. Решили бежать, но сначала дождаться рассвета. Ночью подъехала машина. Немцы вошли, однако нас не обнаружили – мы спрятались под нарами. Они дали очередь из автомата, ругнулись и уехали. Мы решили разбежаться, кто куда.

Семья Ковляшенко – Тихон и Матрена – спрятали нас. Тихон говорил: «Надо спасать людей, и Б-г спасет нас». Они нас кормили, помогли разыскать сестру. После того как ее в тюрьме изнасиловали, решили, видно, что она мертвая, и отправили в морг. Там сестра лежала среди трупов, мы ее нашли. Впоследствии из-за перенесенных страданий она потеряла рассудок... У Ковляшенко мы дождались прихода Красной Армии. Потом я написал в «Яд ва-Шем», и в 1996 году Тихону и Матрене Ковляшенко посмертно присвоили звание Праведников Мира».

יְאִי יוֹרֵעֵי יֵאֵי אִיבּוֹאֵי אִינְרִאִי דַּאִיבּוֹ דִּיעָא אִאִדִּיאָ אִ יְאִבּוֹבּוֹ אִי תֵּי עֵ אִאִעָא

Конечно, не всё идет гладко в таганрогской общине. Помещение, занимаемое ею, – это полуподвал без отопления и минимальных удобств. Зимой топят печь. Причем общине приходится платить за аренду земли немалые деньги. А ведь когда-то собственностью еврейской религиозной общины в Таганроге было отнюдь не одно здание! Да, хоральная синагога не сохранилась. Но есть некогда принадлежавшее общине, переданное ей в дар известным предпринимателем и банкиром Яковом Поляковым здание «Талмуд Торы». Есть и еще одно, к нему примыкающее, – оба в приличном состоянии. Но именно потому, что здания в переулке Антона Глушко, дом 30 хорошо сохранились, «оттяпать» их у города – большая проблема. Тем более что занимает этот комплекс зданий городское управление МВД. А, как известно, в России требовать соблюдения закона от тех, кто его охраняет, – дело гиблое... Но надежду на то, что когда-нибудь в Таганроге вновь будет открыта синагога и создан единый общинный центр, Танха Моисеевич не теряет.

Тревожат его антисемитские выходки, которые в многонациональном Таганроге повторяются с огорчительной регулярностью. И каждый раз почему-то их «авторы» остаются безнаказанными. «Эти экстремисты-антисемиты пишут на дверях нашего центра “Жиды, вон из России”. А ведь Холокост в 1933-м начинался с призыва “Вон евреев из Германии”», – говорит Танха Моисеевич.

Он вспоминает слова Берла Лазара о том, что «массовая эмиграция – в прошлом, и надо создавать условия, при которых евреи не стремились бы уезжать из России». Созданию таких условий, помощи людям, осознанию ими своего еврейства посвящена деятельность Танхи Отерштейна, его мысли, заботы и сама жизнь.

110 ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

«В памяти моей остались аллеи городского сада, спуск, ведущий к морю, вид зеленых, с акацией из-за забора улиц. Окна раскрыты, и из каждого окна несет музыка...» Нет, это не об Одессе. Это – о Таганроге. Здесь родилась великая актриса Фаина Раневская.

В 1895 году в семье одного из самых богатых людей города Гирши Фельдмана (свое миллионное состояние он сделал на операциях с недвижимостью, ювелирном промысле и нефти) родилась дочь, Фаина Фельдман, ставшая известной миру под псевдонимом Раневская.

Отец ее владел двухэтажным кирпичным домом (считается, что в нем и родилась будущая актриса) по ул. Николаевской, 12 (ныне ул. Фрунзе, 14), а также другими зданиями, амбарами, оптовым магазином и пароходом «Св. Николай». С 1899 года отец считался купцом, приписанным сначала к Екатеринославу (1900), затем к Екатеринодару (1905). Отец Ф. Г. Раневской был богатым предпринимателем, поэтому имел возможность возить семью на отдых в Крым, Австрию, Швейцарию и другие страны. В 1909–1911 годах Гирш Фельдман избирался членом правления Таганрогской синагоги, а с 1912-го по 1917 год был ее старостой. Мать Фаины была страстной любительницей музыки.

Уже будучи ученицей Мариинской гимназии, Фаина часто ездила в Ростов-на-Дону на спектакли труппы Н. И. Собольщикова-Самарина, а затем начала участвовать в ее массовках.

Окончив в 1915 году гимназию, она порвала с родителями, осуждавшими ее желание стать актрисой, и уехала в Москву, чтобы поступить в театральную школу. Однако все экзамены во всех театральных

учебных заведениях провалила «по неспособности». Поступила в частную школу, но денег ни на учебу, ни на жизнь не было.

Балерина Екатерина Гельцер, с которой она познакомилась, устроила девушку на роли без слов в летний театр в Малаховке, под Москвой. Так началась ее театральная карьера. Наблюдения за игрой прославленных мастеров – О. Садовской, И. Певцева, Н. Радина, М. Петипа, позже П. Л. Вульф – заменили ей театральную школу.

В том же 1915 году Фаина Раневская уехала в Крым, участвовала в спектаклях в Керчи (здешний театр скоро прогорел) и Феодосии, влача жалкое существование. Весной 1917 года ее родители уехали на собственном пароходе в Турцию (она приехала попрощаться с ними, и это оказалась последняя встреча с родными). Больше в Таганроге она не бывала. Перед революцией она перебралась в Ростов-на-Дону, познакомилась с ученицей Комиссаржевской П. Л. Вульф, помогавшей ей и ставшей ее другом на всю жизнь. В дни революции играла в красноармейских и рабочих клубах, читала стихи. После революции, в трудный момент, она обратилась за помощью к одному из приятелей отца. Тот ей сказал: «Дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много – у меня уже нет».

По воспоминаниям П. Л. Вульф, среди начинающих актрис Феодосийского театра зимой 1918–1919 годов была и Ф. Г. Раневская, дебютировавшая в роли Маргариты Кавалини (пьеса «Роман»). Затем она сыграла роль Шарлотты («Вишневый сад»), добившись первого успеха. Это была неопытная актриса с большим дарованием, которая вызывала восхищение товарищей и зрителей, несмотря на длинную нескладную фигуру, смешную до невозможности и в то же время трагически одинокую.

Начиная с 1920-х годов она играет в театрах Симферополя, Баку, Архангельска, Смоленска. С 1931 года работает в Камерном театре в Москве, в 1933–1939 годах – в Центральном театре Красной Армии.

С 1934 года Раневская начала сниматься в кино. Среди ее ролей были госпожа Луазо в кинофильме «Пышка» (1934), мать невесты в «Свадьбе» (1944), Маргарита Львовна в «Весне» (1947), мачеха в «Золушке» (1947). Лучшей ее ролью в кино считается Роза Скороход в кинофильме «Мечта» (1943). Блестяще исполняла она эпизодические роли: Попадья в «Думе про казака Голоту» (1937), жена инспектора гимназии в фильме «Человек в футляре» (1939), мадам Бергер в «Ошибке инженера Гарина», Леля в «Подкидыше» и другие.

В поисках «своего театра» она не раз переходила из одного коллектива в другой: играла в Московском драматическом театре (ныне им. Маяковского), Театре им. Моссовета, Театре драмы им. Пушкина.

Небольшая роль Маньки-спекулянтки («Шторм» Биль-Белоцерковского, 1951) благодаря исполнению Ф. Г. Раневской стала одним из ярчайших образов. Многие зрители ходили только для того, чтобы увидеть великую артистку и после ее сцены уходили из театра. Возмущенный руководитель театра Завадский эту сцену из спектакля убрал, тем более что Ф. Г. Раневская давала ему нелюбезные оценки: «Завадский – маразматик-затейник», «уцененный Мейерхольд», «перепетум-кобиле» и «Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям, у него нет только звания “мать-героиня”».

В 1961 году Ф. Г. Раневской было присвоено звание народной артистки СССР. Огромный успех, которым она пользовалась, не радовал ее, а мучил, потому что способна она была играть выдающиеся роли, а вынуждена была сниматься в незначительных фильмах, не имея возможности реализовать свое незаурядное дарование.

Всем известны ее талантливые афоризмы, изданные отдельной книгой. Общественная атмосфера оценивалась ею так: «Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунищенки, терплю и буду терпеть до конца дней»; «Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство, что сейчас предстоит дегустация масла с касторкой»; «Если человек умный и честный, то беспартийный. Если умный и партийный, то нечестный. Если честный и партийный, то дурак». Поэтому она не вступила в Коммунистическую партию и отказалась стать агентом КГБ.

Сергей Юрский говорил: «Я нахожусь через одно рукопожатие с великим Качаловым: с ним дружила Раневская, а я имел счастье дружить с ней». Она дружила не только с Качаловым. Задушевная подруга Ахматовой, близкий человек Таирову, Алисе Коонен, Михаилу Ромму, Дмитрию Шостаковичу, Борису Пастернаку... Они видели ее большой, практически не востребованный актерский талант, но главное – талант ее личности.

Долгая жизнь Раневской – трагедия одиночества, счет потерь. Она имела всё, о чем может мечтать любой человек, – и всё потеряла. Наследница миллионов – после революции страшно бедствовала, падала в голодные обмороки (свою так и не опубликованную «Автобиографию» Фаина Георгиевна начала так: «Я – дочь небогатого нефтепромышленника...»). Актриса огромного дарования – она могла заменить собой всю труппу – знаем же и цитируем мы ее крошечные, эпизодические роли, изначально даже бессловесные: главных ролей за ее рекордно долгую сценическую жизнь можно насчитать единицы. Раневская сокрушалась: «Когда мне не дают роли в театре, я чувствую себя пианистом, которому отрубили руки».

Она потеряла семью, эмигрировавшую в Америку, потому что, как многие еврейские дети из состоятельных семей, была отравлена романтизмом революции и фанатически предана театру. Дружья – смысл ее существования – уходили из жизни раньше нее и уносили души и осмысленность бытия. Она оставалась – огромная и цельная, как глыба; язвительная дама с «толстым голосом», но с нежной и ранимой душой. Бесконечно одинокая, обладавшая редкостным даром остроумия – едкого, но философического, с привкусом горечи: «Б-же, какая я старая! Я ведь еще помню порядочных людей»; «Всю жизнь я проплавала в унитазах стилем баттерфляй»; «Когда у попрыгуньи болят ноги, она прыгает сидя»; «Сняться в плохом фильме – всё равно что плюнуть в вечность»; «Одиночество как состояние не поддается лечению»; «Если больной хочет жить – врачи бессильны»...

Раневская умерла 19 августа 1984 года и, как и Михоэлс, похоронена на кладбище крематория около Донского монастыря.

Британская энциклопедия включила Фаину Раневскую в десятку великих актеров XX века. А что касается любви народной... Кассирша одесского театра говорила так: «Когда Раневская идет по городу, вся Одесса делает ей апофеиз!»

Апофеоз Раневской – не на целлулоидной пленке и не в перечислении ее наград и регалий. Она живет в нашей памяти, в нашем сердце, в каждом «как говорила Раневская...».

È. Óáàðòì àí,

Á. Ì íðòíàè:

Театральная общественность России в следующем году готовится широко отмечать юбилей – 110 лет со дня рождения великой актрисы Фаины Раневской. Однако, как выясняется, эта дата уже миновала – вопреки всем источникам, включая энциклопедии.

Во всех воспоминаниях и рассказах о жизни Фаины Георгиевны Раневской, как ее называли все окружающие (несмотря на официально зафиксированное отчество Григорьевна), отсутствуют многие полные и точные сведения о ее родителях и даже о годе ее рождения. Между тем в ряде архивных документов Таганрога такие сведения можно найти. Так, в «Книге для записи сочетания браков между евреями на 1889 год» таганрогский раввин Гирш Моисеевич Зельцер зарегистрировал 26 декабря 1889 года (9 января 1890 года по новому стилю) брак мещанина местечка Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии Гирша Хаимова Фельдмана (26 лет) и девицы, лепельской мещанки Витебской губернии, Милки Рафаиловны Заговаловой (17 лет). А «Метрическая книга для записи родившихся евреев на 1895 год», которую вел таганрогский раввин, свидетельствует, что в этом браке 14 (27) августа 1895 года (!) родилась дочь Фаина Фельдман (псевдоним Раневская она взяла по имени героини чеховской пьесы «Вишневый сад» в 1915 году, в Феодосии).

È. Èáðí àí èí

è èèääíí úí,

Í ðääáá í íé, èç èääéö í ðèσáé òú?

Áííó öáíó íá äíçàí í íèí íííííí úí

Í íííí è ò äéíí äé : äíí úé

è äééòúé.

Однако ее литературная судьба оказалась очень непростой. В 1920–1930-х годах, на которые приходится расцвет ее творчества, поэтесса оказалась на обочине «литературного процесса». Как она оценивалась в то время? Давайте заглянем в 1933 год (год смерти Софии Яковлевны). Вот ее «биографическая справка», сохранившаяся в архивах Государственного литературного музея: «София Парнок – русская буржуазная поэтесса. Печататься начала с 1906 года. В 1916 году вышел первый сборник “Стихотворения”. В пореволюционных стихах П. новая действительность встречена ею враждебно. П. культивировала в своих стихах наследие буржуазных поэтических школ – от классического холода “парнасизма” (“Розы Пиерии”, 1922) до мистической экзальтации символистов (“Вполголоса”, 1928; “Музыка”, 1926). Чувство морального одиночества, беспристрастности, индивидуализма (“Мне одной предназначенный путь”, “Упоение тоской”), ощущение гибели – характеризует поэзию П. Ее образные средства и словарь бедны, отличаются постоянством повторения символов...»

Νοί ðääé Í äíí íá

Впрочем, в те годы примерно в том же ключе писали и о М. Волошине, и об О. Мандельштаме, и об А. Ахматовой... Сравним этот словесный мусор с оценками самой авторитетной исследовательницы поэзии Парнок, вернувшей ее наследие читателю, С. В. Поляковой. Раскроем биографический словарь «Русские писатели 20 века»: «Парнок София Яковлевна <...> начала свой писательский путь, когда литературные земли были поделены между символистами и акмеистами <...> Однако ее творчество разворачивалось всё же вне орбиты их притяжения <...> За каждой строчкой стоит ничем не опосредованный личный опыт, что безошибочно ощущается при чтении <...> Самое поразительное – чудо ее стиха, великолепного, классически отточенного, музыкального...» Последнее замечание неслучайно: С. Парнок училась в Женевской и Петербургской консерваториях по классу фортепиано.

Эти особенности поэзии Софии Парнок сегодня признают все ценители лирического искусства, делая упор на музыкально-интонационном даре поэтессы. Вот она, неподражаемая музыка и пластика Парнок:

Áúñéáγ áíéí à òááγ í áñò,
Éáé áúòí è í á ñ è οü- à ñ è òñγ...
È áñ - òðñò áéññ í á è òðñí éí á..
È áñ
Ñéááá ñò òñ è òñγ.
Í, éáé áúñé í áá ñ éí áí é çáí è ò!
Éáé á áí è áéáεáí í úá áí è ðáéñéá
áí è í í ú...
È áí çáó ò áé í ðí çá:áí,
÷ òí çáí è ò
Ñò áééγ í í úí çáí í í.

«Среди интонаций ее, – как отмечал М. Волошин, большой поклонник ее поэзии, – останавливают своей глубокой страстностью и пронзительностью все слова, касающиеся любви и её ран». Впрочем, «ран» не только любовных:

Í áò í áéáòü ò áéí é, í á éáéçφ
Í ðí í áí γé áú ááçáñí í ñòü í í γò, -
Í ò ò í á- òí éóéóéá éóéóó,
× òí áí áçáà ó í áá í áò.

Всю жизнь она была бездомна и безбытна. Вскоре после вторичной женитьбы отца (мать умерла при рождении близнецов) она ушла из дому. Окончив таганрогскую Мариинскую гимназию, уехала за границу,

в Женеву, где хотела посвятить себя музыке. Затем, уже в Петербурге, изучала юриспруденцию. Ее личная жизнь тоже складывалась непросто, брак с литератором В. М. Волькенштейном быстро распался.

С ранней юности С. Парнок писала стихи, выступала как переводчик и литературный критик под псевдонимом Андрей Полянин. Вспоминая о раннем периоде ее творчества, такой взыскательный ценитель поэзии, как Вл. Ходасевич, писал: «...среди расхожих, обыкновенных стихов символической поры, отмеченных расплывчатостью мысли и неточностью словаря <...> вдруг внимание мое остановило небольшое стихотворение, стоящее как-то особняком. В нем отчетливость мысли сочеталась с такой же отчетливой формой, слегка надломленной и парадоксальной, но как нельзя более выразительной».

Последний сборник Парнок «Вполголоса» вышел тиражом всего 200 экземпляров, «на правах рукописи». Ее книги не стали известны широкой публике: что ж, замечает Вл. Ходасевич, «тем хуже для публики». Истинные же любители поэзии «умели найти в ее стихах то “необщее выражение”, которым стих только и держится. Не представляя собой поэтической индивидуальности слишком резкой, бросающейся в глаза, Парнок в то же время была далека от какой бы то ни было подражательности. Ее стихи, всегда умные, всегда точные, с некоторой склонностью к неожиданным рифмам, имели как бы особый свой “почерк” и отличались той мужественной четкостью, которой так часто недостает именно поэтессам». Ее стихи соответствовали «внутреннему» портрету Софии Яковлевны: «...было что-то обаятельное и необыкновенно благородное в ее серых, выпуклых глазах, смотрящих пристально, в ее тяжеловатом, “лермонтовском” взгляде, в повороте головы, слегка надменном, в незвучном, но мягком довольно низком голосе». Кстати, именно Ходасевич оказался единственным, кто отозвался на смерть Парнок в парижской газете «Возрождение».

Окружение Парнок – это сестры Аделаида и Евгения Герцык, композитор Александр Спендиаров, предложивший ей написать либретто для его оперы на сюжет армянской легенды (кстати, это либретто, а точнее, драматическая поэма «Алмаст» так и не увидит свет при жизни автора). Анна Голубкина изваяла ее мраморный бюст, а поэт Лев Горнунг, с которым София Яковлевна была дружна начиная с 1923 года, оставил о ней мемуарные записи. Вот какой запомнилась ему поэтесса: «Очень симпатичная женщина, некрасивая, но милая. Волосы светлые, с рыжеватым оттенком. Голос глухой и хриловатый. Небольшого роста». О ее «хозяйственности» поведал следующее: «Купив на Тверской язык, поставила его вариться на керосинке, но с непривычки забыла смотреть за ним, и керосинка закоптила всю комнату».

Այլ ա՞ծանի օրն, ա՞լ օրօրի ա՞նձն րաւ ւյ՛ Դձր րձ

Революцию С. Я. Парнок встретила нейтрально. Мысленно обращаясь к брату, который, очевидно, звал ее за границу, в Париж, она ответила строками одного из стихотворений: «За морем веселье, да чужое, / А у нас и горе, да свое». По сути своей она была и оставалась, как свидетельствовали знавшие ее, «литературным пролетарием». Заставляла себя много переводить. Вместе с Б. Пастернаком входила в кооперативное издательство «Узел», которое доходов не приносило, а в 1928 году и вовсе ликвидировалось. Пребывая вне

литературных направлений и компаний, София Яковлевна всё более замыкалась в себе, общалась с немногими близкими людьми: только им суждено было узнать еще при ее жизни такие поздние шедевры Парнок, как циклы «Большая Медведица» и «Ненужное добро».

Брат Софии Яковлевны, Валентин Парнах (который тоже взял псевдоним, изменив одну букву в фамилии), был талантливым поэтом, переводил испанских, португальских и французских писателей. Как и старшая сестра, скитался, побывал в Париже, где прожил несколько лет. Там он бедствовал, однако, вернувшись после революции в Россию, привез музыкальные инструменты для джаз-оркестра. Можно сказать, что именно он организовал первый джаз-оркестр в СССР.

Алелу оел Ё адї ао 1920-а ааа.

Валентин Яковлевич увлекался танцем. Импровизация была его стихией. Он танцевал у Мейерхольда в спектакле «Даешь Европу!», а также с сольными номерами под причудливыми названиями, например «жирафовидный истукан». Наверное, В. Парнах не реализовал себя в полной мере. Тем не менее его переводы признавались специалистами как «великолепные». Он переводил «Разгром» Э. Золя, стихотворения Ф. Г. Лорки, его перу принадлежит трагическая книга переводов: «Испанские и португальские поэты – жертвы инквизиции». В 1920-х годах вышли несколько сборников его оригинальных стихов.

Елизавета Яковлевна Тараховская приехала в Москву из Сухуми в годы нэпа. Старшая сестра ввела Елизавету в литературный круг, и уже тогда проявился поэтический дар debutантки, ее общительный характер, давший возможность удержаться на плаву в противоречивом богемном мире. А состоялась Елизавета Тараховская как детская писательница. Опубликованные впоследствии стихи «для взрослых» прошли незамеченными, а пьеса для кукольного театра «По щучьему веленью» держалась на сцене Театра Образцова в течение тридцати пяти лет. Исследователи подсчитали: только в этом театре спектакль был сыгран две с половиной тысячи раз! Статистику театров провинциальных никто не вел.

Ñtòèÿ Í àðí íé 1910-á ãäü.

Елизавета Тараховская действительно умела находить общий язык с детьми. Многие из нас в детстве зачитывались ее стихами о «живой воде», о «принцессах», а жившие в провинции мечтали хотя бы раз попасть в метро, на «лестницу-чудесницу». Парадоксально, но сказочница-мечтательница Тараховская откликалась на злобу дня: откликалась аполитично, но ее по-настоящему интересовали прорытые по высшей воле водные каналы, манящая и недостижимая Луна, уводящие в страну чудес подземные ходы, полет в космос Ю. Гагарина. Незадолго до смерти она написала поэму-сказку, посвященную В. Терешковой... «На поверхности земли» ей было, очевидно, скучно. Как, впрочем, и Валентину, в поэзии, музыке и танце переносящемуся в иную реальность. А София Парнок писала:

Â ááçì àðí úé :àñ ò ïñéè çàì í íé

Î ññ àðòè, íá èí íé ïò :èçíá

Î ò èðñ ò ï ãáðçéí ï ðááí ï í íé

Ñàè ää ò àèüñ ò äí í à ò èáí í íé æ è ç í è.

Ñ. Í è í ä ä ä

В честь 120-летия со дня рождения Софии Парнок в Чеховской библиотеке города на Азове прошел вечер памяти Парнок, организованный таганрогской еврейской общиной и литературной общественностью города.

На вечере выступила приехавшая из Петербурга Елена Романова – автор диссертации о творчестве Парнок. Она рассказала о ее сложном пути в литературе, о дружбе с Мариной Цветаевой и о последних, очень тяжелых и в то же время плодотворных годах ее жизни, о так называемом «веденеевском» цикле стихов. Елена Алексеевна подарила Чеховской библиотеке недавно вышедшую книгу, посвященную творчеству Парнок.

Гостя из Минска – член Союза российских писателей Татьяна Коновалова поведала о «втором рождении» поэта: о судьбе ее произведений, истории их публикации и об исследованиях творчества Парнок. «Стоит отметить, что таганрогский период жизни Парнок является наименее исследованным, а значит, наиболее перспективным с точки зрения новых находок. Может быть, сегодняшний вечер вдохновит кого-нибудь из присутствующих в зале на серьезные поиски. Кто знает, не хранят ли архивы Таганрога или Ростова новые интереснейшие документы, способные обогатить не только пока еще молодое парноковедение, но и всю отечественную культуру», – подчеркнула Татьяна Коновалова.

Студентка местного пединститута Ольга Захарченко говорила о том, что для русской литературы ценность поэзии Софии Парнок (имя которой до недавнего времени, увы, было почти неизвестно и в целом в России, и на ее родине, в Таганроге) становится всё очевиднее. А последние, изданные спустя многие годы после смерти поэтические циклы признаны одной из вершин европейской любовной лирики.

В заключение вечера звучали слова благодарности. В частности, в адрес сотрудника ЗАО «Интех» Андрея Скибы: и за организацию прекрасного вечера, и за исследовательскую работу, связанную с таганрогским периодом жизни Парнок. Благодаря Андрею Евгеньевичу был документально установлен дом, в котором находилась аптека Якова Соломоновича Парноха и с 1896 года проживала его семья. Появилась надежда, что на нем установят наконец мемориальный знак.

È. Èàð'áíét

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2005 ХЕШВАН 5766 – 12 (164)

МАЗЛ ТОВ!

Поздравляем Шмерка Симоновича Бенцианова со 100-летием. Желаем здоровья, счастья и дожить до 120-ти.

Любящие дочь, зять, внук

Выборгская культурная община поздравляет с днем рождения своего руководителя и основателя Льва Романовича Креймера, а также его супругу и помощницу, родившуюся с ним в один день. Мы желаем этому золотому человеку, Еврею с большой буквы, и его жене крепкого здоровья, долгих лет жизни и всего самого наилучшего. Дай Б-г, больше таких людей на свете!

Фриду Гершеновну Уланову, дорогую мамочку, бабушку и супругу семья поздравляет с 60-летним юбилеем. Здоровья и долгих лет тебе, наша любимая! Мазл тов!

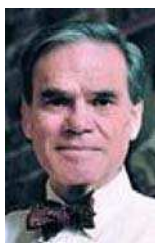
Семья Улановых

Дорогую и любимую Изадору Давидовну Шраер поздравляем с днем рождения. Желаем здоровья, счастья, долгих лет жизни!

Еврей Вологды

РЕДАКЦИЯ «ЛЕХАИМА»: ДЕКАБРЬСКИЕ ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

1 ДЕКАБРЯ

80 *éàò ñ áíŷ ðġæááíéŷ* биохимика, члена Национальной АН США, профессора Женевского и Иллинойского университетов, исследовавшего (совм. с А. Гилманом) молекулярные процессы, осуществляющие передачу сигналов (гормональных, медиаторных и др.) между клетками и внутри клеток, открывшего (с ним же) белки-посредники (т. н. G-белки) и выяснившего их роль в молекулярных механизмах возникновения ряда инфекционных болезней (холеры, коклюша и др.), лауреата (совм. с А. Гилманом) Нобелевской премии по медицине 1994 года **Ī àððèíà Ðġáááéèà** (Rodbell; 1925, Балтимор – 1998, Чепел-Хилл, США).

2 ДЕКАБРЯ

75 *éàò ñ áíŷ ðġæááíéŷ* экономиста, члена Национальной АН США, АН Аргентины, профессора Колумбийского и Чикагского университетов, одного из авторов теории человеческого капитала (формирования рабочей силы), автора работ в области экономического анализа социальных проблем, лауреата Нобелевской премии по экономике 1992 года, обладателя Национальной научной медали США **Áàðè Ááééàðà** (Becker; р. 1930, Потсвил, США).

3 ДЕКАБРЯ

120 *éàò ñ áíŷ ðġæááíéŷ* историка античности, профессора МГУ, автора работ в области истории иудаизма, раннего христианства, эллинизма **Ááðàí à Áġðèñġæ÷à Ðàíġæ÷à** (наст. фамилия Рабинович; 1885, Житомир – 1948, Москва).

4 ДЕКАБРЯ

110 *éàò ñ áíŷ ðġæááíéŷ* саблиста, обладателя золотой олимпийской медали 1928 года **Ðàíáġðà Áġì áġèà** (Gombos; 1895, Зомбор, Австро-Венгрия – 1968, Будапешт).

60 *éàò ñ áíŷ ðġæááíéŷ* литературоведа, профессора Еврейского университета в Иерусалиме, исследователя литературы начала XX века, составителя и комментатора ряда изданий А.

Ахматовой, И. Бунина, Н. Гумилева, О. Мандельштама, В. Набокова, Вл. Пяста и др. *Ἦν ἄν Ἄλλοῦτο-ἂ Ὀεὶ αἰ-εὐἂ* (р. 1945, Рига).

5 ДЕКАБРЯ

135 εἰὸ ἦ αἰῦ ὀαῖἰεῦ минеролога и геолога, организатора и первого директора Научного института по удобрениям (ныне НИИ удобрений и инсектофунгицидов имени Самойлова), профессора Московского университета, автора работ в области литологии и минералогии осадочных пород, биогеохимии, геолого-минералогических исследований фосфоритов России *Βεῖἰἂ Ἀεῖἰεὶ εὀἰε-ἂ (Ὀεαῖε-ἂ) Ναὶ Γεεῖἰἂ* (наст. фамилия Шмоль; 1870, Одесса – 1925, Москва).

7 ДЕКАБРЯ

175 εἰὸ ἦ αἰῦ ὀαῖἰεῦ математика, члена Лондонского королевского общества, министра общественного образования и вице-президента Сената Италии, профессора и директора Инженерной школы в Риме, открывшего класс бирациональных преобразований (т. н. кремоновы преобразования), автора работ в области начертательной геометрии, графостатики и алгебраической геометрии *Εὀεῖεε Εὀἰἂ Γῖῖ* (Cremona; 1830, Павия, Италия – 1903, Рим).

8 ДЕКАБРЯ

140 εἰὸ ἦ αἰῦ ὀαῖἰεῦ математика, члена Парижской АН и АН СССР, Национальной АН США, Лондонского королевского общества, профессора Коллеж де Франс, Парижского университета и Политехнической школы, автора работ в области дифференциальных уравнений, теории чисел, механики Жака Саломона Адамара (Hadamard; 1965, Версаль – 1963, Париж).

9 ДЕКАБРЯ

80 εἰὸ ἦ αἰῦ ὀαῖἰεῦ философа, антрополога и политолога, члена Британской академии и Американской академии искусств и наук, профессора Лондонской школы экономики и Кембриджского университета, основателя и директора Центра по исследованию национализма при Центральноевропейском университете в Праге, автора работ в области феномена нации и национализма *Υὀἰἰὸ Ἀεεῖἰἂἂ* (Gellner; 1925, Париж – 1995, Прага).

100 ёаò ìî äíŸ ðġæääíĕŸ биофизика, члена Лондонского королевского общества, профессора Ливерпульского университета, автора работ в области явлений квантовой сверхпроводимости при дипольных колебаниях клеточных мембран **Āāāāāāā Ōđ, ĕĕōā** (Fruhlich; 1905, Шварцвальд, Вюртемберг – 1991, Ливерпуль).

11 ДЕКАБРЯ

80 ёаò ìî äíŸ ðġæääíĕŸ биохимика, члена Национальной АН США, Королевской АН Швеции, Норвежской академии наук и искусств, профессора Йельского и Рокфеллеровского университетов, открывшего механизм действия дофамина и ряда других медиаторов при синаптической передаче, автора работ в области механизмов передачи нервных импульсов, лауреата (совм с А. Карлссоном и Э. Канделем) Нобелевской премии по медицине 2000 года **Ĵġĕā Āđĕġāāāā** (Greengard; р. 1925, Нью-Йорк).

17 ДЕКАБРЯ

150 ёаò ìî äíŸ ðġæääíĕŸ невропатолога, одного из основоположников московской школы невропатологии, профессора Высших женских курсов (2-й МГУ, 2-й ММИ), впервые описавшего центральную гематомиелию – кровоизлияние в спинной мозг (синдром Минора–Оппенгейма) и так называемое наследственное дрожание, автора работ в области проблем эпилепсии, алкоголизма **ĖāāāđŸ Ĵġĕġġġ Ĵġġġġġ-ā Ĵĕġġā** (1855, Вильна – 1942, Ташкент).

19 ДЕКАБРЯ

70 ёаò ìî äíŸ ðġæääíĕŸ композитора, народного артиста Молдовы, автора государственного гимна МССР, опер «Клоп», «Дракон» и др., лауреата Государственной премии МССР **Ÿāāāāāā Ėāġġĕāġġġ-ā Ėāāāāāā** (р. 1935, Свердловск).

21 ДЕКАБРЯ

115 ёаò ìî äíŸ ðġæääíĕŸ генетика, одного из основоположников радиационной генетики, члена Национальной АН США, АН СССР, Японии, Лондонского королевского общества, Национальной академии деи Линчеи в Риме и др., профессора Колумбийского и Индианского университетов,

экспериментально доказавшего возможность возникновения мутаций под действием рентгеновских лучей, участника разработки хромосомной теории наследственности, лауреата Нобелевской премии по медицине 1946 года **Άλιό αιά ΆαεΓαόα Ι, έεαδα** (Muller; 1890, Нью-Йорк – 1967, Индианаполис, США).

22 ДЕКАБРЯ

325 έαò ìì αίγ δΓαääí έγ государственного деятеля, министра иностранных дел и канцлера России, почетного члена Петербургской АН **Έαδέα Ααηέέηαε-ά Ι αηηέηδΓαά** (1780, Лиссабон – 1862, Петербург).

24 ДЕКАБРЯ

65 έαò ìì αίγ δΓαääí έγ фехтовальщика, обладателя золотой олимпийской медали 1964 года Григория Яковлевича Крисса (р. 1940, Киев).

27 ДЕКАБРЯ

60 έαò ìì αίγ δΓαääí έγ режиссера, писателя, народного артиста РФ, главного режиссера, художественного руководителя Московского театра «Эрмитаж», автора романа «Сплошное неприличие», сборника театральных эссе «Чужой спектакль», книги рассказов «Плутодрама» и др. **Ι έδάεέα ΣαδδδΓαε-ά Έάεεοεία** (р. 1945, Одесса).

75 έαò ìì αίγ δΓαääí έγ антрополога, члена Национальной АН США, профессора Чикагского университета, исследователя цивилизаций коренных народов Океании, автора работ в области первобытного обмена **Ι άδδάεέα Νάεεί ìì** (Sahlins; р. 1930, Чикаго).

29 ДЕКАБРЯ

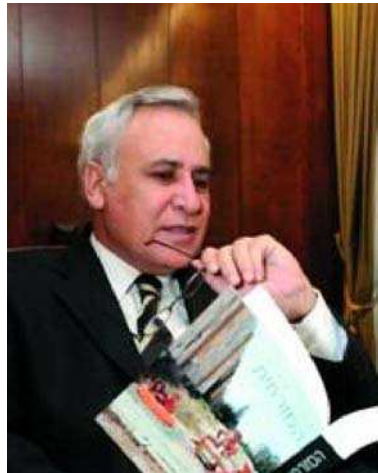
90 έαò ìì αίγ δΓαääí έγ физика, члена Национальной АН США, профессора Массачусетского технологического института, автора работ в области микроволновых и лазерных радаров, физики плазмы и др. **Αάί άαεαì αίά Έάεεία** (Lax; р. 1915, Мишкольц, Австро-Венгрия).

31 ДЕКАБРЯ

100 ёаò ìí äü ðæääéü кинорежиссера, поставившего фильмы «Поручик Киже», «Овод», «Трактир на Пятницкой» и др., лауреата двух Государственных премий СССР **Аёаёи ää Ì ёäáéíäè-ä Óäéíöè ì ää** (1905, Екатеринослав – 1982, Москва).

05. XII 60!!! ЭМИГРАНТ

*Ит дїаеєтї 5 ааеаааа 1945 аїаа а Едаїа Іт Іа а Оааааїа, еае І Іаї :аїаІ Іеааа, а а аїаїаа
Бга, еааа ааї іаї іп гаїаїаї, еае І дааї Іеаааааїаї, аїа а VI аїаа аї І Іаїе јаа, іїїаа даааааїеј І аааїа
Одаї а І аїаїеїеї јаї І даааа - іае:аїаа Іа І дааїааааїаї аїа Іае І аї аїїїа еаї*

Когда Кацаву было пять лет, он вместе со своими родителями попал в Израиль, где семья вытерпела все мытарства и лишения, которые полагались в то время на долю сефардской семьи: сначала их поселили в Шаар-Алия под Хайфой, а затем перевели в палаточный лагерь Кастина, на западной окраине пустыни Негев. Там умер младший брат Моше, а сам он был отправлен в мошав Кфар Билу, благодаря чему ему удалось выжить. Родители, однако, долгое время не могли выяснить, что случилось с отнятым у них ребенком.

Высшее образование будущий президент получил в Еврейском университете в Иерусалиме, став дипломированным специалистом в области экономики и истории. Свою политическую карьеру он начал в двадцать четыре года, победив на выборах мэра небольшого городка Кирьят-Малахи, в который был преобразован лагерь Кастина, и оказавшись самым молодым градоначальником в стране. В 1975 году он снова избирается на эту должность, а по истечении срока работает преподавателем и занимается журналистикой, сотрудничая со многими газетами по всей стране.

В 1977 году тридцатидвухлетний Моше Кацав был избран в кнессет от блока правых партий «Ликуд». За первые пять лет в парламенте он сильно продвинулся по служебной лестнице. И на протяжении всего времени, пока «Ликуд» находился у власти, последовательно менял один министерский портфель на другой, побывав за это время министром труда и социальных дел, министром транспорта, министром туризма и заместителем премьер-министра в правительстве Беньямина Нетаньяху.

Однако нельзя сказать, что карьера Кацава складывалась в «Ликуде» идеально гладко. В 1993 году он пытался занять пост лидера этой партии, но на общепартийном голосовании потерпел поражение, не набрав даже десяти процентов голосов. Он стал «номером один» лишь после выхода «Ликуда» из оппозиции. Спустя семь лет партия выдвинула Кацава своим кандидатом на пост президента Израиля, и 31 июля 2000 года он стал восьмым президентом страны, оставив позади такого известного политического и государственного деятеля, как Шимон Перес. В своем выступлении на следующий день Кацав заявил, что намерен стать «президентом для всего народа» и уделить большее внимание социальным, а не политическим проблемам.

На сегодняшний день до конца президентского срока Моше Кацава, который за время своего нахождения у власти показал себя на редкость бесконфликтным политическим деятелем, осталось два года.

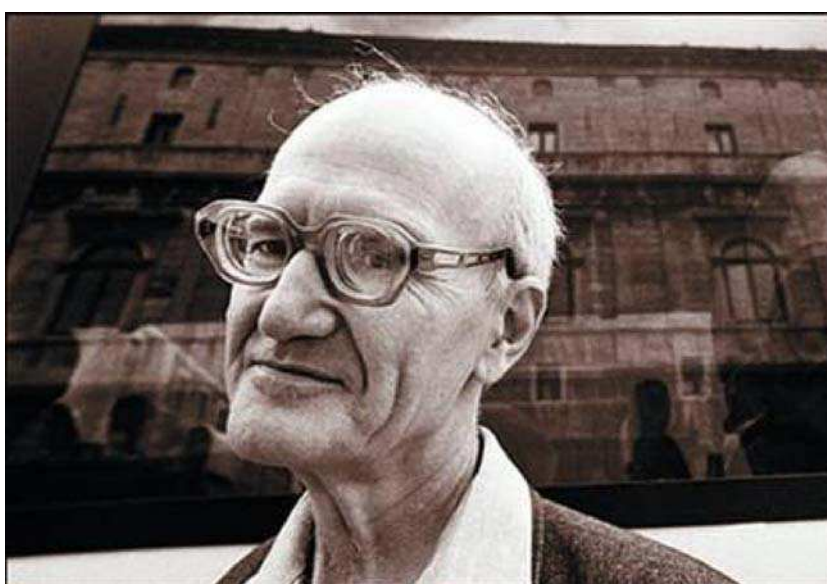
І аеїаї Ааїааїаї

РЕДАКЦИОННЫЙ ДЕКАБРЬСКИЙ НЕКРОЛОГ

Михаил Гаспаров:

«ВДРУГ ЧТО-НИБУДЬ ПРОЧТЕТСЯ»

*Ἰνῆα οὐρανῶτε ἰδιῶτε ἀεὶ δὸ ἀεὶ τὴν ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν
ἀἰῶνι ἐπὶ οὐρανῶτε ἀεὶ τὴν ἰὰ 71-ῖ ἀῶο ἀεὶ τὴν ἰὰ Ἰνῆα πῆλ-ἰαῖν*

Грустно, когда умирают люди. Когда умирают знакомые люди – грустно вдвойне. Когда же уходят те, с кем довелось провести не один год жизни, – это щемяще больно. Мне не довелось лично встретиться с Михаилом Леоновичем, но я был хорошо знаком с ним заочно – по его статьям, книгам, учебникам, которые читались с не меньшим интересом, чем художественная литература. Его «Занимательная Греция» и «Рассказы Геродота» – до сих в числе моих настольных книг. Моей жене, учившейся в РГУ, повезло больше – она до сих пор вспоминает его спецкурс, посвященный поэзии Осипа Мандельштама.

Михаил Гаспаров родился в Москве в 1935 году. Окончил филологический факультет МГУ, затем работал в Институте мировой литературы Академии наук в секторе античной литературы. В 1990 году он стал членом-корреспондентом РАН по отделению литературы и языка, а в 1992 году – академиком. Занимался теорией стиха, переводами античной и средневековой литературы, был членом редколлегии книжной серии «Литературные памятники».

На счету Михаила Леоновича более трехсот научных работ – таких, как «Античная литературная басня», «Современный русский стих. Метрика и ритмика», «Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика», «Очерк истории европейского стиха». Когда-то, в 1970-х, переведенная и составленная Гаспаровым почти целиком «Поэзия вагантов» открыла русскому читателю объективный факт: в Европе великая поэзия была всегда, с античных времен и до наших дней. Безо всякого перерыва на Средневековье. В конце 1990-х годов его книга «Записи и выписки» стала бестселлером и одним из главных культурных событий в жизни страны, а в последние годы Гаспаров работал над академическим изданием сочинений Осипа Мандельштама.

Это был человек колоссальной работоспособности и поистине энциклопедических знаний – впервые оказавшись в Афинах или Риме, он совершенно свободно мог объяснить дорогу едва ли не любому заезжему туристу на его родном языке.

Со смертью Михаила Гаспарова закончилась целая эпоха в российской культуре. Нам осталось лишь то, что остается после ухода личности подобного масштаба: память и памятники – его работы. Одному из своих друзей он как-то подарил книгу с надписью: «Вдруг что-нибудь прочтется...» Будем надеяться.

Ἰ εὐαεῖ χαίρει

ТРИ СТОРОНЫ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ

Николай Мельников

Нобелевская премия, несмотря на неутрачивающие разговоры о несправедливости Нобелевского комитета, была и остается самой престижной и авторитетной наградой XX столетия. Она была учреждена в 1900 году, согласно завещанию знаменитого шведского химика Альфреда Бернхарда Нобеля, создателя динамита. Нобелевская премия присуждается ежегодно в шести номинациях: физика, химия, экономика, физиология и медицина, литература и премия мира. Вместе с денежной суммой каждый лауреат получает золотую медаль с изображением Нобеля и уникальный диплом. Вручение высоких наград проходит в день смерти отца-основателя, 10 декабря, в Концертном доме Стокгольма, а руководит церемонией король Швеции. Среди прочих, в нынешнем году лауреатами премии стали Рой Глаубер, Роберт Ауманн и Гарольд Пинтер.

יֵאָאָוֹנֶהֶאֶ עֵאָדוּ

О награде в области экономики в завещании не было сказано ни слова, и в 1968 году, в память о знаменитом химике, ее учредил Банк Швеции. На сегодняшний день денежный эквивалент премии «Памяти Нобеля» составляет приблизительно один миллион триста тысяч долларов США – именно эту сумму разделили между собой израильский математик Роберт Ауманн и американец Томас Шеллинг, получившие премию за анализ социальных проблем при помощи теории игр.

Теория игр была разработана еще в середине прошлого века математиком Джоном фон Нойманом. Это была попытка понять процесс принятия решений в реальном мире, где переговорами занимаются несколько сторон, обладающих разными ресурсами и информацией. Сегодня она представляет собой математическую теорию предсказания результатов ситуаций, в которых участники не имеют полной информации о намерениях друг друга, а благосостояние одного зависит от действий других. Однако теория может оставаться просто теорией и не иметь никакой практической ценности, если не найдется человека, который привяжет ее к реалиям жизни. Профессора Ауманн и Шеллинг, по заявлению Нобелевского комитета, углубили современное понимание природы сотрудничества и конфликта с помощью теории игр, которую они применили к реальным проблемам. А понимание механизмов проблемы зачастую позволяет либо избежать ее вовсе, либо, по крайней мере, облегчить последствия.

К исследованиям ученые подошли с разных сторон: Ауманн – с точки зрения математики, Шеллинг – с позиций экономики. Работа профессора Ауманна была посвящена вопросу развития сотрудничества в постоянно повторяющейся ситуации и помогла найти объяснение причин многих экономических конфликтов, таких, как ценовые или торговые войны, а также выяснить, почему одни сообщества распоряжаются своими ресурсами успешнее других.

Израиль Роберт Джон Ауманн родился 8 июля 1930 года во Франкфурте-на-Майне, а восемь лет спустя его семья покинула родину, бежав в Соединенные Штаты. Это произошло всего за две недели до

организованной нацистами волны еврейских погромов, прокатившихся в 1938 году по всей Германии и получивших название Хрустальной ночи, или Ночи разбитых витрин.

Он с отличием окончил нью-йоркский Сити-колледж в 1950 году, а спустя два года получил степень магистра математики, а затем и докторскую степень в Массачусеттском технологическом институте. Сейчас семидесятипятилетний Роберт

Ауманн имеет гражданства США и Израиля, он профессор Еврейского института в Иерусалиме, лауреат многих престижных премий, в том числе Израильской премии за экономические исследования, член неполитической организации «Профессора за сильный Израиль». Некоторое время он возглавлял Общество теории игр, а в начале 1990-х годов был президентом Израильского союза математиков.

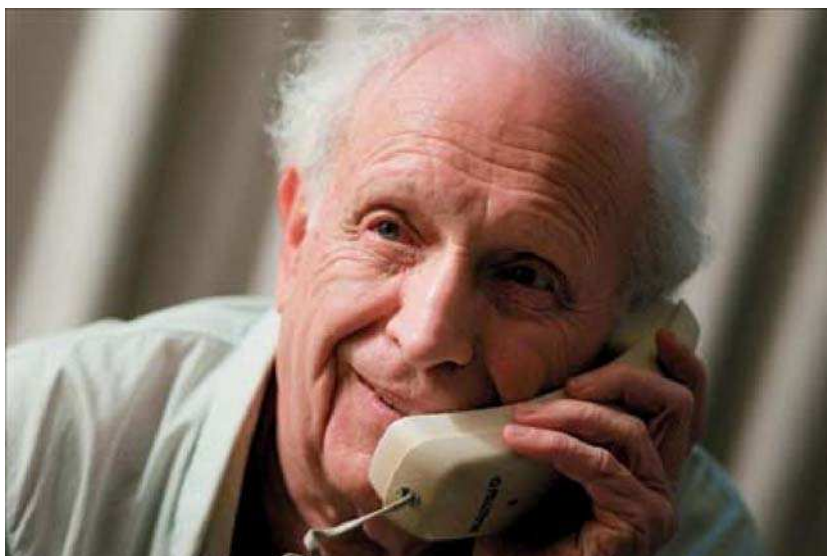
Основным вкладом ученого в науку стало исследование в области повторяющихся игр. Он был первым, кто ввел в обращение термин «общее знание» – понятие, на котором строится вся современная рыночная экономика. А сформулированное им понятие «связанного равновесия» оказалось более гибким, чем «равновесие Нэша», при котором самостоятельные стратегии продавцов не позволяют получить лучшего, чем у конкурента, результата.

Теория игр оказалась применимой ко многим сферам человеческой деятельности: правоверный иудей, Ауманн использовал ее для анализа трудных мест Талмуда. Свою работу «Теория игр в Талмуде» ученый посвятил памяти своего погибшего в ходе военной операции сына. А в 1996 году он был включен в состав комитета, созданного для проверки результатов исследований Ганса, который подозревал наличие в тексте Библии некоего кода, несущего информацию о событиях будущего. Но эксперименты не дали никаких результатов.

Для работ профессора Ауманна характерны обширные нетехнические обсуждения полученных им математических результатов – тем интереснее будет слушать его нобелевскую речь, которая прозвучит 10 декабря в главной аудитории Стокгольмского университета.

ΓΟΛΘ ΕΑΑΙ ΟΙ ΑΙ Ε Ι Ι Ο Ε Ε Ε

Американец Рой Глаубер тоже получит лишь половину суммы, составляющей Нобелевскую премию по физике этого года – пять миллионов шведских крон, что приблизительно равно шестистам тысячам долларов США. Остальную половину разделят между собой Джон Холл из Университета Колорадо и Теодор Хэнш из университета Макса Планка за исследования в области лазеров. Таким образом, премия по физике в этом году тоже поделится на «теоретическую» и «прикладную» части. Работы лауреатов относятся к сфере квантовой оптики, основоположником которой считается Рой Глаубер и которая обещает революцию во многих прикладных областях: создание квантовых компьютеров, трехмерного телевидения, голографических систем, сверхмощных лазеров нового поколения. Квантовая оптика имеет самое непосредственное отношение к нанотехнологиям, впервые позволяющим человеку заимствовать функции Творца и создавать материалы и объекты с заданными свойствами, не существовавшие до этого в природе.

Нобелевский комитет, отметивший «вклад профессора Глаубера в теорию оптической когерентности», вспомнил о его работах более чем сорокалетней давности – первое фундаментальное исследование ученого в этой области было опубликовано в 1963 году. В нем «отец квантовой оптики» сформулировал теоретические основы этого направления и объяснил принципиальную разницу между горячими источниками света, с их разными частотами и фазами, и когерентными, которым свойственна определенная частота и фаза, – лазерами.

До того, как они были изобретены, физики сталкивались только с излучением нагретых тел – беспорядочным потоком волн разной длины. Лазеры, которые стали универсальными источниками когерентного монохроматического света, сразу сделали наиболее подходящим инструментом для решения разнообразных физических проблем, ведь предсказать поведение когерентного светового пучка намного проще, чем света от обычной лампы накаливания. Если же речь идет о явлениях микромира, это особенно важно, потому что лампа посылает к объекту не ровный «усредненный» свет, а некоторое количество фотонов с разной энергией. А идеальный лазер, напротив, светит одинаково при любых условиях.

Работы Роя Глаубера были посвящены как раз тому, что происходит в случае слабых и некогерентных источников излучения, причем ученый заметил, что отклонения от ожидаемых результатов связаны с фотоэлектронным эффектом внутри приемника света, и доказал, что рассмотрение когерентности и некогерентности должно основываться на «коллективном поведении» фотонов. При этом отклонения от идеального случая не подчиняются привычной статистике – в предложенном альтернативном распределении фигурировали, например, отрицательные вероятности.

В то время когда профессор Глаубер опубликовал эту революционную работу, лазеры были еще довольно далеки от совершенства. Однако появились люди, которые, основываясь на результатах этих исследований, нашли способ минимизировать отклонения. И лазеры стали пригодны для передачи сверхслабых сигналов отдельными фотонами.

Потом новая теория когерентности оказалась востребована математиками. Ученые, занимающиеся квантовой криптографией и квантовыми вычислениями, предложили использовать в качестве единицы информации двухуровневую квантовую систему – кубит. В отличие от обычного бита, такая система может принимать бесконечное число состояний, которые являются комбинациями двух исходных. Лучшим переносчиком кубита является фотон поляризованного света. С помощью лазера нужную частицу несложно сгенерировать и отправить вдоль оптического волокна, зная, что с ней случится за время пути. Понятно, что такой способ передачи информации – самый безопасный на сегодня, потому что при любой попытке перехвата данных состояние фотона изменится, и происшествие не останется незамеченным. Так результаты глауберовского открытия стали самостоятельной наукой, развивающейся отдельно от физики.

Рой Джей Глаубер – «коренной нью-йоркер», он родился 1 сентября 1925 года на Манхэттене. Окончил Высшую научную школу в Бронксе, преподавал в Гарвардском университете, где когда-то получил докторскую степень по физике, и является адъюнкт-профессором оптики в Университете Аризоны. Своими работами, посвященными теории оптической когерентности, он реформировал науку, открыл два новых направления – в физике и математике. И сегодня, пользуясь результатами его исследований, другие ученые продолжают двигать человечество вперед. Яркий тому пример – два других нобелевских лауреата по физике.

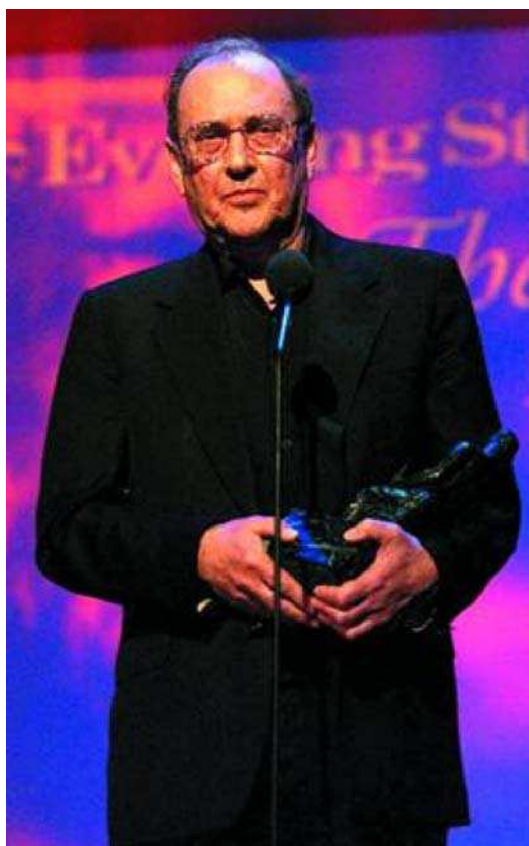
ÀÀÒÏÐÀ, ÀÀÒÏÐÀ!!!

Ему сейчас семьдесят пять, он мэтр – и по возрасту и по положению, – всемерно обласкан критикой и имеет почти два десятка самых престижных литературных наград. А в этом году получил, в качестве подарка ко дню рождения, Нобелевскую премию.

Сегодня трудно говорить об английской драматургии, не упоминая имени Гарольда Пинтера, сегодня нельзя говорить об английском театре без него. Потому что творчество этого драматурга изменило подход к драматическому искусству, потому что после него пьесы стали писать по-другому, потому что его драма – новое и совершенно уникальное явление, которое во многом сформировало и продолжает формировать тот театр, который мы сейчас знаем.

А началось всё с оглушительного успеха «Комнаты» – первой пьесы неудачливого актера Пинтера, которая вышла на театральные подмостки Бристолья, а затем и Лондона в 1957 году. После нее, правда, был столь же оглушительный провал «Дня рождения», продержавшегося в репертуарах всего неделю, но у кого не

бывает провалов? С тех пор прошло почти пятьдесят лет, и сегодня его пьесы переведены на десятки языков и не найти на карте мира страны, где его имя не встречалось бы на театральных афишах.

Гарольд Пинтер – потомок еврейских эмигрантов из Одессы. Он начинал свой жизненный путь на бедных улицах лондонского Ист-Энда, а теперь живет в огромном собственном особняке в противоположном конце города. Ему приходилось работать официантом и уборщиком в дешевых кафетериях, а теперь он кавалер ордена Британской короны, член Мэрилбоун Крикет Клуб и частый гость в одном из самых дорогих ресторанов английской столицы – «Фармасы». Шесть лет назад «Нью-Йорк таймс» назвала Гарольда Пинтера «одним из двух жителей лондонского Ист-Энда, которые оказали огромное влияние на мировой кинематограф». Вторым был Хичкок.

На счету Гарольда Пинтера двадцать девять театральных пьес, множество киносценариев, несколько сборников стихов и один роман – «Гномы», – написанный в 1990 году. Лет пять назад он опубликовал свою последнюю пьесу «Воспоминания о прошлом», сразу поставленную Лондонским национальным театром, а затем громко объявил о том, что перестает заниматься драматургией и всё свое время посвятит поэзии. Спустя три года книга его стихов «Война», в которой он очень резко выразил свое отношение к иракскому военному конфликту, удостоилась поэтической премии имени Уилфрида Оуэна.

Пинтер родился 10 октября 1930 года в семье еврейского портного в Хэрни – лондонском районе с крайне скверной репутацией. После школы молодой человек поступил в Королевскую академию драматического искусства, которую не смог окончить прежде всего из-за отсутствия денег. Несколько лет он играл в театре, но без особого успеха – постановки были не из тех, благодаря которым становятся мегазвездами. Да и актер из него вышел не особенно сильный – пресса нечасто и крайне прохладно отзывалась о его ролях.

В начале 1960-х он как-то сразу стал признанным мастером слова и написал едва ли не все свои самые известные пьесы, тут же подхваченные режиссерами и переводчиками: «Сторож», «Коллекция», «Любовник», «Возвращение домой», «Чаепитие», «Предательство». В период с 1960 по 1996 год по его сценариям было снято множество известных кинофильмов, начиная со знаменитой трилогии Джозефа Лоузи («Слуга» – «Несчастный случай» – «Посредник»), минуя «Меморандум Квиллера», «Последнего магната» с Робертом Де Ниро и «Женщину французского лейтенанта», к экранизации «Процесса» Кафки. В то же время появились киноверсии нескольких пьес Пинтера, а внимательный зритель сможет вспомнить даже несколько

киноролей знаменитого драматурга – например, дядю Бенни в «Портном из Панамы» или Томаса Бертрама в постановке романа Джейн Остен «Мэнсфилд Парк».

Драматург всегда отличался очень твердой гражданской позицией и бескомпромиссностью. Еще в начале 1970-х годов Гарольд Пинтер стал активным участником движения за права человека и с тех пор не раз выступал с обличительными речами, подписывал письма протеста в адрес американской и британской администрации. В 1985 году, по поручению Международного ПЕН-клуба, Пинтер вместе с Артуром Миллером побывал в Турции, чтобы расследовать случаи физического притеснения литераторов в этой стране.

Театроведы называют работы Гарольда Пинтера попеременно то «комедией угроз», то «драмой абсурда», но это просто человеческая привычка расставить всё по полочкам, навесив соответствующие ярлыки. Нобелевский комитет обоснование своего выбора сто второго лауреата в области литературы следующим образом: драматург «приоткрывает бездонные глубины, скрывающиеся за будничной болтовней, и вторгается в замкнутые пространства угнетения». Может быть, трудновато для понимания, но настроение «пинтерески» эти слова передают верно.

Үйеcтiй

Я воевал в пехоте. А на войне чего только не было. Одни эпизоды забылись, другие запомнились на всю жизнь. Ну как можно забыть освобождение Освенцима? Эти еще не остывшие печи, в которых сжигали евреев, горы одежды, обуви, волос... Детские распашонки, пинетки... Разговоры с оставшимися в живых узниками... У нас, поверьте, было просто шоковое состояние. После того, что мы в Освенциме увидели, нам уже ничто не было страшно. И мы рвались в бой с одной мыслью – уничтожить фашистов.

Для меня война закончилась 2 мая 1945 года, когда наша часть в Померании вышла к Балтийскому морю. После второго ранения перевели меня в радисты, и воевал я уже потом в 143-м гвардейском минометном полку. Ночью 7 мая я дежурил на радиостанции и услышал, что США и Великобритания передают сообщения о капитуляции германских войск. Я немедленно доложил об этом командиру полка Оленикову. Полуодетый, он прибежал ко мне, прослушал радио, схватил мой автомат и разрядил его в воздух. Офицеры и солдаты, сочтя это за сигнал тревоги, выскочили из здания с оружием в руках. Командир построил полк и поздравил нас с Победой. Конечно, был салют из всех видов оружия (кроме, разумеется, «катюш»). Играл полковой оркестр, те, у кого были баяны или аккордеоны, тоже играли.

Ну, и такая деталь: наш полк стоял в графском имении, где в погребах хранилось замечательное вино.

Ё. Ойёòì àí, Áеòйáеёеàí

Генерал

Я, Низель Виктор Аркадьевич, разыскиваю потомков моих родственников, которые в 1905 году эмигрировали из Одессы в Североамериканские Штаты.

Их имена: Низель Ревекка Абрамовна; Низель Лев Абрамович.

Их последнее письмо было получено в 1950-х годах. Там были указаны их адреса (к сожалению, написано неразборчиво):

1. Yorn (30) Washington avenue Bronx № 7 America (очевидно, Yorn – фамилия мужа Ревекки Абрамовны);

2. Z. Nisel 18 Zinde St Boston America.

Буду очень благодарен за любую помощь.

Мой адрес: г. Нижний Тагил, Свердловская область, 622034, п/о 34, а/я 122.